

Еврейский Университет в Москве
в содружестве
с Иерусалимским Институтом еврейских исследований
Адина Штайнзальца
сотрудничает с Американским комитетом «ДЖОЙНТ»
с Фондом развития еврейского образования в диаспоре
им. Л.-А. Пинкуса

Журнал издан при содействии
Мемориального фонда еврейской культуры,
Мемориального фонда Салли Майер (Швейцария)

ВЕСТНИК ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ

№ 2, 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

История

- В.ЛЕБЕДЕВА-КАПЛАН. Евреи Петрограда в 1917 г. 4
Д.ПОРАТ. Катастрофа в Литве — специфические 20
аспекты

Этнография

- И.УЛАНОВСКИЙ. Субботники села Еленовка 32
П.ГИЛЬ. Фамилии ашкеназских евреев 40

Культура

- И.ЗЕМЦОВСКИЙ. В мире еврейской музыки 68
Б.ГРАНОВСКИЙ. Об еврейской музыке в музыкаль- 80
но-литературном наследии И.В.Липаева

ОЧЕРКИ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.РОГОВИН. Л.Д.Троцкий об антисемитизме 90
В.КЕЛЬНЕР. Александр Браудо и борьба с антисе- 103
митизмом в России в конце XIX — нач. XX в.
Е.МЕЛАМЕД. Другой Наумов. История одной пове- 114
сти и одной жизни
-

JEWISH UNIVERSITY IN MOSCOW
האוניברסיטה היהודית במוסקבה

МОСКВА
1998

ИЕРУСАЛИМ
5758

АРХИВ

Публикации

- Еврейский художник на рубеже веков. *Статья М.Л.Маймона «Кто виноват?» Публикация Григория Казовского* 126

Воспоминания и дневники

- С.БУКЧИН. Попытка возврата 132
 Г.ЛАНДАУ. Воспоминания. *Публикация В.Кельнера и Е.Голлербаха* 149
 И.РАВРЕБЕ. Свадьба макаровского цадика. *Публикация А.Локшина* 174

Письма

- Почти семейная хроника (О нескольких пачках неопубликованных писем Шолом-Алейхема). *Публикация Х.Бейдера* 190
 Письмо Бен-Ами Д.Н.Овсянико-Куликовскому. *Публикация А.Рогачевского* 215

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

- Советская и иностранная литература о евреях за 1989 г. *Библиографический список* 220
 А.ЛОКШИН. Рецензия на книгу «Погромы: антиеврейское насилие в новой русской истории». Кембридж, 1992 231
 А.РОГАЧЕВСКИЙ. Новые книги «Библиотеки-Алия» по еврейской истории 237

ХРОНИКА

- А.Л. «Еврейское население юга Украины: история и современность». 246

Во второй номер «Вестника Еврейского университета в Москве» включен ряд материалов из неизданного сборника «Евреи в России и СССР», подготовленного А.И.Рейтблатом

Редакционная коллегия:

М.ГРИНБЕРГ — главный редактор	Г.КАЗОВСКИЙ
Р.КАПЛАНОВ — зам.главного редактора	В.КЕЛЬНЕР
А.ЛИБЕРМАН — зав. редакцией	А.КОВЕЛЬМАН
А.ЛОКШИН	Ш.ШТАМПФЕР
	М.ЧЛЕНОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

В. Лебедева-Каплан
(Тель-Авив)

ЕВРЕИ ПЕТРОГРАДА в 1917 г.

События 1917 г., составившие целую эпоху в истории России, серьезнейшим образом повлияли на судьбу русского еврейства. Изучение этого воздействия — сложная, многоплановая задача; в данном случае предпринимается попытка исследования одного из ее аспектов — характера восприятия событий их участниками и современниками, динамики общественных настроений евреев Петрограда в январе — октябре 1917 г.¹.

Рассматривая своеобразие мировосприятия общественных настроений столичного еврейства, можно попытаться определить, какие «центры» внутри еврейского населения Петрограда влияли на формирование этих настроений. К началу 1917 г. условно можно их выделить несколько.

Прежде всего — собственно Петроградская Еврейская община. Она была достаточно замкнута и в течение ряда лет включала в себя постоянный круг — 300—400 человек при общем еврейском населении столицы не менее 50—60 тыс. человек². Замкнутый характер общины очень беспокоил ее членов; стремясь расширить его, руководители общины добились снижения суммы членского взноса с 25 до 3 руб.³. В начале 1917 г. на собраниях общины обсуждались вопросы культурной жизни: печатания еврейских книг, создания при общине попечительского совета, который вел бы все дела, касающиеся еврейских училищ.

Роль другого «центра» выполняли еврейские общественные организации (точнее — их центральные комитеты). К началу 1917 г. наиболее влиятельной организацией являлся ЕКО-ПО — Еврейский комитет общества помощи жертвам войны, учрежденный для помощи беженцам. Комитет располагал значительными средствами: за 1916 г. по всей стране было из-

расходовано 12 млн. рублей, 40% из этой суммы составляли пожертвования, значительная часть была получена путем самообложения на основе подоходности; в Петрограде было собрано в 1916 г. 600000 руб.⁴ В 1917 г. предполагалось преобразовать ЕКОПО во всероссийское «Общество помощи» с центральным комитетом в Петрограде.

С ЕКОПО так или иначе были связаны все другие общественные организации: ОПЕ («Общество просвещения среди евреев», его ЕКОПО широко субсидировал), ОРТ («Общество ремесленного и земледельческого труда»), ОЗЕ («Общество охранения здоровья еврейского населения»), ЕКО («Еврейское кредитное общество») и другие. Деятельность обществ была результативна, масштабы ее росли, — в начале 1917 г. обсуждался вопрос, как сохранить достигнутый уровень работы и после войны. Общественные организации удачно взаимодействовали между собой; немаловажную роль при этом играл тот факт, что во главе их часто стояли одни и те же люди⁵; так, и ЕКОПО, и ОРТ возглавлял к началу 1917 г. Г.Б.Слиозберг.

Сравнительно новым центром еврейской жизни Петрограда было еврейское общественное собрание (Еврейский клуб). Первоначально, в начале 1916 г., Еврейский клуб был открыт в помещении общества технологов; с начала сезона 1916/17 гг. клуб нашел пристанище в здании Интимного театра.

К следующему сезону 1917/18 гг. было подготовлено новое, красиво отделанное помещение; 9 ноября 1917 г. состоялось его открытие — на нем, несмотря на происходившие события, присутствовало довольно много членов клуба и гостей. Председательствовал в этот вечер М.И.Шефтель — по-видимому, он и возглавлял еврейское общественное собрание в 1917 г.⁶ Здесь проводились концерты общества народной музыки, в конце 1916 г. художественный совет «Еврейского общества поощрения художеств» решил устроить в помещении Еврейского клуба постоянную выставку художников-евреев. На субботних собраниях в клубе читались доклады на общественные темы, выступали М.М.Винавер, М.И.Кулишер, М.Л.Гольдштейн, другие еврейские общественные и политические деятели. Они же — еврейские политики — и составляли еще один, и, пожалуй, наиболее влиятельный, центр формирования еврейского общественного мнения.

Наибольшее внимание привлекали еврейские депутаты Государственной думы: в 4-ой Думе ими были М.Х.Бомаш,

И.Б.Гуревич, Н.М.Фридман. При них сложился своеобразный круг — еврейское политическое совещание, в которое входили представители разных политических течений. Сформировалось политическое совещание вскоре после начала войны: 31 июля 1914 г. в Петербурге состоялось первое совещание еврейских общественных деятелей по вопросам военного времени. Состав участников был сначала небольшим, но впоследствии была создана большая организация из представителей всех еврейских партий, кроме Бунда, с постоянным участием русской думской оппозиции. Это политическое совещание состояло из пленума, доходившего до 80 участников, и экзекутивы, или бюро, из 15 человек⁷. (Позднее, уже в 1918 г., один из авторов журнала «Рассвет» писал скептически, что в Петрограде «политических евреев» хватало на целый пленум в 60—70 человек⁸.)

В деятельности политического совещания принимали участие такие видные деятели, как О.О.Грузенберг, А.И.Браудо, М.С.Алейников, М.Н.Крейнин.

Позиция, оценки еврейских политиков оказывали самое непосредственное воздействие на настроения в еврейской среде.

Доминирующим же в начале 1917 г. были ощущения тревоги, возможно — близких и глубоких перемен. Связаны были эти ожидания с войной и ее приближающимся завершением.

В 1915 г. военные действия были перенесены на территорию России; черта оседлости оказалась в зоне военных действий, появились еврейские беженцы. Война сделала то, чего не могли добиться еврейские и русские общественные деятели: черта оседлости оказалась частично нарушенной, еврейские беженцы расселялись в центральных губерниях России и даже некоторых городах Сибири. Первоначальные опасения — не вызовет ли это столкновений, даже погромов — оказались напрасны, эксцессов не было. Больше того: непосредственной реакции в массах не вызвал и циркуляр Кафафова, обвинявший евреев во всех военных неудачах. Циркуляр, изданный Департаментом полиции, доводил до сведения всех чинов администрации Российской империи, что, по полученным Департаментом сведениям, евреи, посредством подпольных организаций, усиленно заняты революционной пропагандой; помимо преступной агитации они избрали еще два важных фактора: искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения звонкой монеты. В

циркуляре говорилось далее, что евреи являются тайными сторонниками Германии, а потому намереваются вызвать общее недовольство против войны путем голода и чрезмерного вздо- рожания жизненных припасов.

Однако, как писала в начале 1917 г. «Еврейская неделя», «к счастью, эта пропаганда была народом разгадана»⁹.

Между тем серия запросов в Государственной Думе, свя- занная с циркуляром Кафафова, вызвала беспокойство в со- юзных странах по поводу бесправного положения евреев в России. Таким образом, в начале 1917 г. вопрос о черте осед- лости стал чрезвычайно актуален, в конце января 1917 г. в столице распространялись слухи о ее близкой отмене; они нашли отражение как в еврейской, так и в русской печати. Однако вместо этого вскоре последовало распоряжение об уда- лении всех евреев, кроме врачей и фельдшеров, служащих в организациях Красного Креста,— обнадеживающие слухи по- степенно затихли, но зато все большее внимание стали при- влекать вопросы глобальные: война близилась к завершению, ожидавшаяся мирная конференция в числе других вопросов должна была решить и проблему равноправия малых народов. На страницах печати, в еврейском клубе активно обсужда- лось — как могут российские евреи повлиять на решение этой конференции. Очень много ждали от мирной конференции сионисты, по их мнению, конференция могла решить вопрос о праве евреев на Палестину и сделать тем самым первый шаг к созданию еврейского государства; наступал момент, счи- тали они, когда надо проявить национальный максимализм. Характеризуя с этой точки зрения настроения января 1917 г., один из видных сионистов, М.Алейников, писал: «В нацио- нальной тревоге встречает еврейство 1917 г., но тревога — это первая ступень от пассивности к действию»¹⁰; лозунгами наступавшего года, по его мнению, должны были стать «пол- ноправие и Палестина».

Таким образом, начало 1917 г. еврейство столицы связы- вало с ожиданием перемен очень серьезных, но реального хода событий не предвидел никто. Больше того: реальными собы- тиями петроградской повседневной жизни, привлечшими в ян- варе-феврале 1917 г. внимание еврейской прессы, были со- бытия частные — пожар в большой синагоге в ночь на 27 января, юбилей и смерть доктора Каценельсона и готовящийся съезд монархических организаций, в программу которого был включен вопрос об изгнании немецкого и еврейского засилья

в науке, торговле, промышленности и особенно — в банковской деятельности. Но состояться съезд не успел, 23 февраля начались события Февральской революции.

Дни 23—28 февраля 1917 г. были настолько яркими, что для многих современников так и остались наиболее значительными событиями их жизни. Об этом пишет, в частности, в своих воспоминаниях сестра историка С.Я.Лурье; много лет спустя, в сентябре 1964 г., когда он был уже тяжело болен, зашел разговор о счастливых и несчастливых днях его жизни, — самый лучший день он назвал без колебаний: 27 февраля 1917 г.¹¹. «Буйными днями восторга» называл впоследствии, в эмиграции, первые дни Февральской революции известный еврейский политик М.М.Винавер¹². Падение самодержавия однозначно было воспринято всеми еврейскими политическими течениями, общественными организациями как событие величайшей важности. Созданное 2 марта 1917 г. Временное правительство в первый же день своего существования в своей первой Декларации объявило о необходимости отмены всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленно началась подготовка Декрета о равноправии национальностей. Об этом стало известно в еврейских кругах, и реакцию известие вызвало неоднозначную: это показало первое же собрание членов Петроградского еврейского клуба, состоявшееся 11 марта и посвященное переживаемому моменту. Выступавшие на нем первыми авторитетные петроградские деятели Г.Б.Слиозберг, М.М.Винавер призывали к осторожности, еще не укрепились основы нового свободного строя, а потому, говорил М.М.Винавер, «кроме идейной любви к свободе нужно проявить самообладание...». Нужно быть сдержанным; не нужно сразу стремиться на те места, где нас не было до сих пор. Ему резко возражал представитель Бунда Ниренберг: «Нельзя забывать о национальных правах, гражданское равноправие должно проводиться до конца и немедленно — не боясь того, что о нас скажут». Еще резче высказались члены сионистской организации: нашу свободу, говорили они, мы получаем как должное, платить за нее не должны, все речи о воздержании — это проявление рабства в свободе... русское еврейство не пожертвует своим национальным достоинством за блага равноправия¹³.

Были, естественно, и другие выступления, но в этих различие точек зрения отразилось особенно наглядно: политическое равноправие, бывшее совсем недавно почти недостижимой

целью, теперь не только радовало, но и пугало своей радикальностью; с другой стороны, подспудно уже в этом обсуждении присутствовал еще не заданный вопрос — что делать дальше? Между тем беспокойство по поводу того, что декрет об отмене национальных и религиозных ограничений выйдет раньше декрета об отмене сословий, оказалось в «руководящих кругах» петроградского еврейства настолько велико, что решено было направить к министру юстиции А.Ф.Керенскому депутацию из членов Государственной думы Н.М.Фридмана и М.Х.Бомаша, чтобы просить его или выпустить соответствующие декреты одновременно, или упомянуть о готовящемся декрете об отмене сословий. Но А.Ф.Керенский опасений депутатов не разделил, и в ночь на 21 марта 1917 г. декрет был подписан; в тот же день он вступил в силу, евреи стали подноправными гражданами России.

Недавние опасения были отброшены, значительность события на время затмила все разногласия. Теперь, в новых условиях, всех волновал вопрос о том, какими будут отношения между русской и еврейской «улицами» столицы. Первые же решения и поступки Временного правительства показали, что официальный, государственный антисемитизм ушел в прошлое. Лучшим доказательством этого служила позиция наиболее авторитетных членов правительства. Так, 24 марта евреи — члены Государственной Думы и члены еврейского политического бюро, посетили министра-председателя князя Г.Е.Львова. В ответ на их благодарственные речи он сказал о высокой чести, выпавшей ему, — снять с России пятно еврейского бесправия; переживаемые минуты Г.Е.Львов назвал «высоко-счастливыми»¹⁴. Сходной была и оценка П.Н.Милюкова, посетившего в эти дни заседание еврейского общественного собрания. В марте 1917 г. казалось, что в прошлое уходит и антисемитизм «уличный».

Доброжелательные приветствия, которыми встретили на улицах столицы колонну студентов-сионистов, идущих под бело-голубым знаменем; теплая встреча, оказанная на Двинском фронте делегации, сопровождавшей эшелон с подарками от еврейских женщин Петрограда; подчеркнуто внимательное отношение к еврейским просителям в столичных канцеляриях — эти и другие разрозненные факты воспринимались как признаки весьма благоприятные; в мае «Еврейская жизнь» делает вывод о том, что хотя «накопленные годами запасы антисемитских инстинктов... не исчезли бесследно с лица земли,

а лишь залегли под спудом... сейчас они крепко придушены и бессильны прорваться наружу»¹⁵. Характерно, что на самом деле проявления антисемитизма в это время в Петрограде были,— так, уже в марте «Известия Петроградского Совета» сообщают о появлении в городе прокламаций, призывающих к погрому, о «странных знаках и надписях», которые делаются подозрительными лицами «на дверях обывателей», о перевозке по железной дороге «огромных кип погромной литературы»¹⁶, тем не менее на общественные настроения марта—начала мая 1917 г. эта факты серьезного влияния не оказали, доминирующими были настроения оптимистические.

В обстановке политического подъема началась полоса митингов, собраний, конференций, съездов; шла активная организационная работа. Возобновили свою деятельность партии, в первую очередь — социалистические.

Уже в период с 2 по 15 марта активно начали действовать петроградские группы Бунда, партии социалистов-территориалистов, Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион); однако как в еврейских изданиях, так и в «Известиях Петроградского Совета» практически отсутствуют какие-либо сообщения о деятельности Социалистической еврейской рабочей партии (СЕРП), — по-видимому, ее активность в столице была невелика. Из всех социалистических еврейских партий наиболее активным в Петрограде был, безусловно, Бунд. Численность его петроградской организации насчитывала 500 человек¹⁷ (при общем числе членов партии 33700 человек¹⁸), в основном ее составляли партийные работники, занимавшие ранее ответственные посты в местных бундовских комитетах и затем переселившиеся в Петроград. Известных, авторитетных еврейских политиков в петроградской организации Бунда было немного,— наиболее крупные еврейские общественные деятели участвовали в деятельности сионистской организации и ее национально-политического антагониста — Еврейской народной группы, связывавшей будущее еврейства только с Россией; их деятельность также возобновилась после февраля 1917 г. в легальных формах. Начался процесс создания новых политических групп и партий; в результате, когда 11 апреля состоялось заседание представителей петроградских еврейских общественных организаций, общин и партий, на него явились представители 53-х «учреждений»¹⁹. Стремление к организованности, определению своего общественного и политического статуса затрагивало

различные слои еврейского населения Петрограда и проявлялось по-разному. В середине апреля, например, состоялось учредительное собрание евреев Парголово, Озерков, Шувалова и других пригородов столицы; собравшиеся решили организовать особую общину. В мае свою политическую организацию — «Нейцах-Исроель» — создали ортодоксальные евреи, обеспокоенные призывами ряда политических партий к созданию светской общины, а в конце июня в результате слияния группы Демократического объединения с группой «Volkspartei», возникла еще одна политическая партия — Еврейское демократическое объединение, одной из задач которой было сплочение элементов, не входящих в состав существовавших партийных организаций. Примерно тогда же, в конце июня 1917 г., произошло слияние двух социалистических партий — социалистов-территориалистов и СЕРП, была создана Еврейская социалистическая рабочая партия, однако влияние ее в Петрограде было незначительно.

К июлю процесс создания новых еврейских политических структур в Петрограде завершился. Само количество различных еврейских политических организаций, их стремление к активной общественной деятельности свидетельствуют о высоком уровне политизации еврейского населения столицы, характерном для марта—июня 1917 г. В программах еврейских партий, политических организаций общего было достаточно много: все они поддерживали создание в России демократического республиканского строя, все предполагали, что жизнь евреев в России должна быть организована на основе принципа национально-персональной автономии; в качестве ближайших целей выдвигались следующие: создание единой еврейской общины и созыв Всероссийского еврейского съезда, который мог бы подготовить и представить Всероссийскому учредительному собранию единые требования российского еврейства. Уже в апреле 1917 г. началась подготовка и к выборам совета единой общины Петрограда, и к созыву Всероссийского еврейского съезда, однако время шло, а решить, казалось бы, ясные вопросы не удавалось; отношения между партиями оказались чрезвычайно конфликтными, особенно трудно было договориться лидерам Бунда и петроградской сионистской организации. (Основным предметом партийных дискуссий был вопрос о включении в программу будущего съезда вопроса о Палестине и положении евреев Польши и Румынии.) Постоянные споры, топтание на месте вызывали раз-

очарование, взаимное раздражение. Между тем обстановка в городе изменялась: уже с конца мая—начала июня рядом петроградских газет была развернута антисемитская кампания. Начала ее крайне правая «Маленькая газета» А.Суворина, которая раскрыла псевдонимы большевистских лидеров — Зиновьева, Каменева, Троцкого, Стеклова; таким образом, именно евреи объявлялись носителями большевизма, а следовательно — виновниками нарастающей разрухи, анархии.

Первоначально это было воспринято в еврейской среде как трагический парадокс: еврейских деятелей было много во всех крупных общероссийских политических партиях, сами Зиновьев, Каменев, Троцкий евреями себя отнюдь не считали, а главное — партия большевиков вызывала резкое неприятие практически всех еврейских политических партий и групп. Первоначально ее вообще не принимали всерьез и отказывались рассматривать как серьезную политическую силу; как правило, на страницах еврейских журналов отсутствует термин «большевистская партия», речь идет о «ленинстве», «большевистах»²⁰; большевизм оценивается как воплощение вседозволенности в политике. Однако по мере роста антисемитской кампании о большевиках вынуждены писать и говорить все больше. 8 июня в зале Фондовой биржи состоялся многолюдный еврейский митинг, посвященный отношению еврейской общественности к современному политическому положению; почти весь он оказался связан с оценкой большевиков, хотя выступавшие задавали и такой вопрос: почему мы вынуждены говорить о них так много? Судя по репликам, реакции зала и последующей оценке обозревателя, наиболее адекватно отразила настроение собравшихся речь Б.Клейнмана. Те, которые внутри еврейства, — говорил он, — за закономерность, за Россию, за свободу; стоящие на фланге анархии и антигосударственности — не евреи, они всегда — «вне нас», идейно они вне еврейства. Прав еврейский народ, когда говорит, что большевики «не наши»²¹. Закончил он свое выступление фразой, вызвавшей довольно сильную реакцию зала: «Вообще-то среди большевиков много бывших погромщиков, и, вероятно, они сегодняшние большевики — завтрашние погромщики» (в зале — крики «верно»)²². Таким образом, стремление как-то ответить на обвинение, объяснить собственную этическую и политическую позицию было первой реакцией на подъем антисемитизма. Однако обвинение в большевизме было только первым этапом. Читателями «Маленькой газеты» в основном

были лавочники, дворники, прислуга, политические обвинения были им мало понятны и потому получили свою интерпретацию. В очередях, на бесконечных летучих митингах речь шла уже о том, что евреи захватили все лучшие места, скупили все товары, чтобы спекулировать ими, и т.д. Рост обывательского антисемитизма отмечали в июне 1917 г. и многие русские издания — журнал «Единство», газеты «День», «Рабочая газета», «Новая жизнь»; однако еврейские издания обратили внимание на еще одну его разновидность — антисемитизм «революционный», то есть антисемитизм «той густой массы, которая идет за крайне левыми партиями», антисемитизм солдат и малосознательных рабочих. На митингах аргументами против меньшевиков все чаще становились грубые выкрики: «Долой их! Это все жидовские морды!», «Исполнительный комитет захватили в руки жида», «Церетели продался жидам»²³. На манифестации 18 июня большевистски настроенными участниками было сорвано и почти растерзано знамя Бунда с выражением поддержки Временному правительству; эта акция также носила антисемитский характер.

Нужно отметить, что, несмотря на усиливавшийся антисемитизм, летом 1917 г. еврейская общественная жизнь столицы находилась на подъеме. 24—30 мая 1917 г. с блеском прошел VII сионистский съезд, ставший ярким событием для всего петроградского еврейства. В его работе принимали участие 552 делегата, 500 приезжих и более 1000 местных гостей — по еврейским масштабам это было неслыханно много, так как массовым считалось уже мероприятие, в котором принимали участие 200—300 человек. По-видимому, немаловажную роль в том, что съезд был воспринят как событие праздничное, экстраординарное, сыграла его блестящая внешняя организация, царившее на нем, несмотря на острые дискуссии, приподнятое «настроение всемирных сионистских конгрессов», широкое участие в его работе молодежи. В июне состоялся делегатский съезд еврейских учителей, а в июле состоялась Всероссийская еврейская конференция, на которой впервые представителям всех еврейских политических партий и групп удалось прийти к согласию и утвердить программу будущего еврейского съезда; он должен был: — выработать основы национального самоопределения евреев в России; — определить формы гарантии прав еврейского национального меньшинства; — установить переходные формы общинной организации русского еврейства; — рассмотреть вопрос об обеспечении

гражданских и национальных прав евреев в Польше, Палестине и Румынии. Шла менее заметная, но очень существенная работа общественных, культурных организаций; в середине июня были открыты для посещения музей и архив Еврейского историко-этнографического общества, в июле прошел съезд «Общества ремесленного и земледельческого труда», посвященный проблемам профессионального образования, а позже, в августе, комитет этого общества ассигновал 25000 рублей на устройство образцовой столярно-мебельной мастерской — своеобразного учебного центра. Тогда же, в августе, в Петрограде по инициативе С.О.Грузенберга было учреждено товарищество «Свободный еврейский театр», совет Еврейского театрального общества готовил конкурс на пьесу для еврейского театра.

Однако погромная агитация в Петрограде достигла таких масштабов, что стала серьезным фактором жизни города, — об этом свидетельствуют действия городских властей. В середине июля (не позднее 15.VII) прокурор Петроградской судебной палаты Н.С.Каринский обратился с рапортом к министру юстиции; в нем докладывалось о ведущейся в городе погромной пропаганде, появлению призывов к еврейским погромам, «к убийству отдельных лиц, называемых иногда поименно»²⁴.

Обеспокоенная сложившейся ситуацией, обратилась к населению Городская Дума Петрограда. «Восходящая над Россией заря свободы, — говорилось в воззвании, — не должна омрачаться явлением, до которого не доходила никогда столица при старом режиме»²⁵. В рубрике «Погромная агитация», которая делается постоянной в еврейских журналах, все чаще появляются известия из Петрограда. В 20-х числах июня отмечено первое открытое нападение: на окраине столицы, на Горсткиной улице, «хулиганы, одетые в солдатское платье», с криком «Бей жидов» громили обувные магазины, принадлежащие еврейским фирмам. Погром остановили милиционеры и воинские отряды, но несколько евреев были тяжело избиты. Поводом послужило «обнаружение попытки вывезти из Петрограда в Финляндию партию резиновых калош и сапог»²⁶. В дальнейшем объектами нападений также оставались еврейские лавочки, да и само развитие событий происходило очень похоже, однако действия толпы становились все более ожесточенными. 22 августа впервые рубрика «Погромная агитация» была заменена другой — «Погромы»: в этот день же-

стокые избиения, убийства произошли в нескольких местах Петрограда. Нарастающий антисемитизм все в большей степени влиял на настроение петроградского еврейства, постепенно превращаясь из своеобразного негативного фона, каким он был вначале (в мае—июне), в фактор, определяющий то или иное восприятие событий. Усилению чувства тревоги способствовала и все более неустойчивая обстановка в стране и в городе: вступление немцев в Ригу, заговор генерала Корнилова, растущая слабость Временного правительства, наконец, явная подготовка большевиков к вооруженному захвату власти,— все это воспринималось как симптомы приближающейся трагедии, если не катастрофы. Что делать в ситуации, когда исход событий зависит от внешних, враждебных сил и невозможно ждать помощи от доброжелательного, но слабого правительства? Единственным выходом представлялась организация самопомощи. Начиная с середины сентября вопрос об организации самопомощи становится чрезвычайно актуальным, причем самопомощь понимается достаточно широко. Первоначально предполагалось следующее:

— «Необходимо в одном центре сосредоточить все информационные нити... чтобы евреи, обращаясь к органам ли центральной власти, к революционным ли организациям с своевременными предостережениями и напоминаниями, имели в своем распоряжении освещающий все положение материал отовсюду».

— «Собственное наше поведение не должно выводить ни нас, ни окружающих из состояния равновесия».

— «Еврейские деятели в думах должны обратить серьезное внимание» на постановку дела продовольствия и милиции; нужно энергично привлекать к организации продовольствия «местное еврейское общество, особенно — торговые элементы».

— Возможно «образовать в своей среде вспомогательные... кадры для милиции»²⁷.

В этих целях предлагалось даже созвать специальный съезд еврейских муниципальных деятелей, однако в условиях войны, когда в ход могло быть пущено оружие, эти меры реальной защиты не давали, постепенно самопомощь все больше ассоциируется с созданием отрядов самообороны.

Фактически основой самообороны должен был стать союз евреев-воинов, сформировавшийся в октябре 1917 г. Первое собрание союза евреев-воинов Петроградского гарнизона прошло 8 октября 1917 г.: в нем участвовали солдаты — а в

русской армии этого периода сражалось до 400 тыс. евреев — и юнкера. Само появление евреев-юнкеров было следствием достижения равноправия: первый их набор в военные училища прошел весной 1917 г. и в одной только 3-й петергофской школе прапорщиков было около 200 юнкеров-евреев²⁸. Повидимому, с середины октября в Петроградском союзе евреев-воинов начинает активно действовать капитан Трумпельдор, имя которого было уже хорошо известно российскому еврейству. Он родился на Кавказе; во время русско-японской войны служил солдатом в Порт-Артуре и за свою необыкновенную храбрость и бесстрашие получил четыре Георгиевских креста и офицерский чин, став, таким образом, единственным из еврейских подданных царя, удостоившихся, даже вопреки закону, подобного отличия. По окончании русско-японской войны Трумпельдор закончил свое образование в Петербургском университете и уехал в Палестину, где был позднее возведен в чин капитана английской службы и назначен помощником начальника легиона. Осенью 1917 г. он вернулся в Россию и предложил Временному правительству создать еврейские части для отправки на Кавказ и в Армению, — это и было, видимо, главной целью его пребывания в Петрограде. Трумпельдор в октябре 1917 г. неоднократно и в прессе, и на заседаниях Петросовета выступал с призывом к созданию отрядов самообороны; возможно, его личный авторитет наряду с ощущением надвигающейся опасности способствовал изменению приоритетов общественного мнения: героями дня становятся осенью 1917 г. не известные общественные и политические деятели, а еврейские солдаты и юнкера, еврей-воины. Они участвуют в собраниях политических партий и движений, критикуют политиков, выступают в Петросовете. Характерно, что и сами военные, и окружающие их воспринимают в этот период именно еврейского солдата как представителя нации. Так, обращаясь к участникам собрания воинов-евреев, председатель собрания, проф. С.О.Грузенберг, говорил: «Мы должны сказать нашим братьям, что они не одиноки, что солдаты-евреи будут отстаивать их права и права еврейского народа на достойное спокойное и почетное существование»²⁹. Это ощущение ответственности за судьбу народа прослеживается почти во всех выступлениях участников как того, так и ряда других собраний.

В то же время ухудшение ситуации привело к кардинальному изменению самого характера доминирующих в еврейской

среде настроений: на смену партийным распрям пришло ощущение единства. «Мы без различия партий и классов все — прежде всего евреи... — в глазах тех, кто будет подвергать нас мучениям», — пишет в статье «Зловещие предчувствия» И.А.Клейнман³⁰; «Кто сталкивается теперь с еврейством, тот заметил, конечно, что теперь по общеполитическим вопросам, по отношению к революции, все как будто сговорились мыслить и чувствовать одинаково, а во время корниловщины это равнение было прямо поразительно», — утверждает его политический оппонент С.Верин³¹. Близость оценок обычно полемизирующих между собой журналов наглядно показывает своеобразие этого единства: консолидирующим фактором в очередной раз оказалось чувство общей опасности. Наметившаяся консолидация позволила завершить подготовку к выборам еврейской общины Петрограда, в заключительную стадию вступила и подготовка выборов на Всероссийский еврейский съезд. Еврейское население Петрограда вновь оказалось перед дилеммой, которую образно С.М.Дубнов сформулировал так: «Можно ли закладывать фундамент во время пожара?» Сам он отвечал на этот вопрос положительно, отмечая, что «в истории евреев община являлась национальной единицей, которая реагировала на все политические события окружающей жизни»³². Предвыборные собрания и митинги происходили в воскресенье 15 и 22 октября в разных частях города, причем 22-го они «привлекли довольно много публики (значительно больше, чем в предыдущее воскресенье)»³³. Рост интереса к выборам в общины, по-видимому, можно рассматривать в связи с той оценкой, которую дал общине С.М.Дубнов: еще не созданная, она уже воспринималась как определенная точка стабильности в усиливающемся политическом хаосе. По иронии судьбы, достаточно успешно прошедшие 22 октября предвыборные собрания еврейских партий совпали с последним смотром сил, проведенным большевиками накануне вооруженного восстания. 22 октября прошел «День Петроградского Совета», показавший рост влияния партии большевиков среди рабочих и солдат Петрограда; до Октябрьского восстания оставалось три дня.

Совершение восстания не было воспринято еврейством как событие совсем неожиданное; его оценили скорее как реализацию самого плохого, но вполне предсказуемого варианта развития — но, безусловно, варианта трагического. «Чего многие опасались — свершилось», — писала 19 ноября 1917 г. «Еврей-

ская неделя». — Висевшая на краю пропасти Россия упала в бездну»³⁴.

Образом переживаемого момента становится образ «бедлама». «Россия представляет собой в настоящее время огромный сумасшедший дом, где доктора и администрация связаны по рукам и ногам, а хозяйничают буйно помешанные»³⁵, — писал в декабре 1917 г. обозреватель «Еврейской недели».

Единственным, что помогало переживать этот момент, было убеждение во временности всего происходящего, в том, что Учредительное собрание восстановит демократию и порядок. Событиями, завершавшими для еврейского населения столицы недолгий период «дней свободы», стали похороны евреев-юнкеров, погибших 29 октября при осаде Владимирского училища и телефонной станции: всего в начале ноября 1917 г. на Преображенском кладбище было похоронено до 50 жертв, среди них — 35 юнкеров.

На похоронах убитых присутствовала тысячная толпа. «Синагога при кладбище с трудом могла вместить родных погибших юношей»³⁶. Начиналась новая эпоха.

¹ Основным источником при рассмотрении проблемы общественных настроений является периодическая печать, позволяющая определить социально-психологические особенности еврейского населения столицы, проанализировать изменение его позиций, установок под влиянием быстро меняющегося хода событий, выяснить, какие надежды и разочарования принес евреям «год переворотов». При работе над данной статьей были использованы еврейско-русские периодические издания, и в первую очередь — популярные еженедельники «Еврейская жизнь» и «Еврейская неделя».

² Петроградская Еврейская община. Призыв к сплочению. ПГ., 1916. С. 1; ЦГИА СПб., ф. 422, оп. 1, д. 298, л. 6.

³ Там же. С. 1.

⁴ Еврейская неделя. 1917. № 2. С. 4—5.

⁵ Впоследствии один из известных журналистов, Д.О.Заславский, утверждал, что в Петрограде установился порядок, при котором во главе всех еврейских учреждений стоит определенная группа лиц, какая-то еврейская династия; при этом были названы барон А.Г.Гинцбург, М.Л.Варшавский, Г.Б.Слиозберг, Л.М.Брамсон. — Еврейская неделя. 1917. № 43-44. С. 32.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Рига, 1935. Т. 2. С. 161.

⁸ Рассвет. 1918. № 9. С. 7.

⁹ Еврейская неделя. 1917. № 1. С. 6.

¹⁰ Еврейская жизнь. 1917. № 1. С. 3.

¹¹ Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Atheneum. Paris, 1987. С. 68.

¹² Еврейская трибуна. Париж. 1920. № 9. С. 3.

¹³ Еврейская неделя. 1917. № 12-13. С. 35.

¹⁴ Еврейская жизнь. 1917. № 14-15. С. 37.

¹⁵ Там же, № 20. С. 3.

- ¹⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 6, 8, 14, 15 марта.
- ¹⁷ Голос Бунда. 1917. № 4. С. 13.
- ¹⁸ *Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. Volume I. New York and London, 1988. С. 5.*
- ¹⁹ Еврейская жизнь. 1917. № 17. С. 29.
- ²⁰ Еврейская неделя. 1917. № 23. С. 1—2; № 28. С. 3—4; Рассвет. 1917. № 2. С. 1—2; 1918. № 30. С. 4—7.
- ²¹ Еврейская неделя. 1917. № 24. С. 17—18.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. № 25. С. 25; № 26. С. 9.
- ²⁴ Там же. № 28. С. 16.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Еврейская жизнь. 1917. № 23. С. 38.
- ²⁷ Еврейская неделя. 1917. № 36-37. С. 2—5.
- ²⁸ Там же. № 31. С. 1; № 40, С. 23; № 41. С. 12—14.
- ²⁹ Там же. № 41. С. 13.
- ³⁰ Там же. № 36-37. С. 6.
- ³¹ Рассвет. 1917. № 10-11. С. 4—5.
- ³² Еврейская неделя. 1917. № 41. С. 14.
- ³³ Там же. № 43-44. С. 31.
- ³⁴ Там же. С. 1—2.
- ³⁵ Там же. № 47-48. С. 2.
- ³⁶ Там же. № 43-44. С. 36.

Д. Порат
(Иерусалим)

КАТАСТРОФА В ЛИТВЕ — СПЕЦИФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сочетание определенных обстоятельств сделало судьбу литовского еврейства в период Катастрофы уникальной. Здесь мы не будем излагать события в Литве того времени (это уже сделали историки), но попытаемся выделить именно уникальность, специфичность событий и процессов. Конечно, при этом надо принять во внимание общий пространственно-временной фон, поскольку литовское еврейство было одной из многих еврейских общин, пострадавших во время нацистской оккупации¹.

1. Именно Литва стала отправной точкой для «окончательного решения еврейского вопроса». Это была не единственная страна, захваченная в июне 1941 г. войсками Германии и ее союзников, которые затем направились на юг, восток и север. Но именно в Литве германские отряды уничтожения — «эйнзацгруппы», следовавшие по пятам за армейскими соединениями, начали организацию убийства евреев. В донесении командира «эйнзацгруппы А» генерала Вальтера Франца Шталека, poslanном в Берлин, описывается первый погром, прошедший в Каунасе в ночь с 25 на 26 июня 1941 г., когда было убито 1500 евреев². В воззвании к передовой еврейской молодежи с призывом организовывать сопротивление для самозащиты, написанном Аббой Ковнером (в то время руководителем движения «Хашомер Хацаир») и прочитанном на собрании молодежи в Вильнюсе 1 января 1942 г., предсказывалось: «Литовским евреям судьбой предназначено оказаться первыми»³. Так оно и оказалось.

До июня 1941 г. нацистской Германией уже было захвачено несколько стран, но вторжение в Литву было первым

после принятия в Берлине весной 1941 г. решения об уничтожении евреев на советских территориях. Краткий отрезок времени между принятием этого решения и началом его осуществления и «общая граница Литвы с Германией определили судьбу ее евреев», как отметил еврейско-литовский историк Яков Робинсон⁴.

II. Литовские евреи были не только «первыми на очереди», — ни одна другая еврейская община не пострадала так сильно и всесторонне. После нападения Германии на СССР фашистами было уничтожено примерно 95—96% еврейского населения Литвы.

Сравнение различных еврейских источников, пытающихся оценить потери в Литве, приводит к тем же результатам. Судя по Энциклопедии Катастрофы (совместному труду историков под эгидой Яд Вашем, дающему большую часть имеющихся на настоящий момент данных), в Литве, исключая Вильнюс и Вильнюсский край, было 168 тыс. евреев. Накануне агрессии советские власти выслали около 7 тыс. из них в Сибирь, и еще 14—15 тыс. эвакуировались на восток в начале вторжения. Из оставшихся 145 тыс. (плюс 3 тыс. беженцев из Рейха) 140—143 тыс. человек, или 94,5—96%, было убито. Вильнюс и Вильнюсский край, входившие в состав Польши около 20 лет между двумя мировыми войнами, были возвращены Литве в октябре 1939 г. по пакту Риббентропа—Молотова. Всего в Литве, считая и виленских евреев, и 13—15 тыс. евреев-беженцев из Польши (прибыли в Литву в последние месяцы 1939 г.), было 265 тыс. евреев, из которых убито 254 тыс. — снова около 95%⁵.

В «Книге литовского еврейства», наиболее полно и всесторонне отражающей его историю, число евреев там к началу германской агрессии оценивается в 225—235 тыс. человек, а число оставшихся в живых к июлю 1944 г., когда Красная Армия освободила Прибалтийские страны, — в 2—3 тыс. человек (сюда включены партизаны из окрестных лесов и еще несколько тысяч вывезенных ранее на каторжные работы в Германию)⁶. Если общее число всех оставшихся в живых действительно составляет 8—9 тыс. человек⁷, то и тогда процент потерь снова будет около 96-ти. Как видно, оба еврейских источника, хотя и немного расходясь в деталях, приходят к выводу: после Катастрофы осталось в живых только несколько тысяч литовских евреев. Кроме того, Литовская Энциклопедия в статье «Евреи» утверждает: в Литве было убито четверть

миллиона евреев⁸. «Можно сказать,— вспоминает Ицхак (Антек) Цукерман, один из руководителей восстания в Варшавском гетто,— что из Вильны мы получили известие (в 1942 году) о полной катастрофе»⁹.

III. Большинство литовских евреев было убито сразу же в первые месяцы после вторжения, в период с конца июня до декабря 1941 г. Донесения «эйнзацгрупп», составленные в то время и отправленные в Берлин, указывают, что к октябрю убито около 8 тыс. человек — четвертая часть еврейского населения¹⁰, включая Вильнюсский край. В более позднем донесении, отправленном к концу года, читаем: 136400 евреев уже «обезврежены»¹¹. Это означает, что к концу года 80% литовских евреев уже погибло, считая как с Вильнюсским краем (ко второму донесению приложена карта¹²), так и без него: и еврейские и германские источники сходятся на том, что к концу года около 175 тыс. из примерно четверти миллиона евреев уже было убито во всех регионах Литвы, что опять-таки дает 80%¹³.

Около 45 тыс. евреев было сконцентрировано в гетто: в Вильнюсе (около 20 тыс.), Каунасе (17,5 тыс.), Шяуляе (5 тыс.), Швенченисе и ряде небольших трудовых лагерей. Все еврейские источники приводят значительно большее число узников гетто, чем германские источники: немцы ориентировались на количество выданных ими карточек, в то время как евреи прятали в трех главных гетто, по тем же карточкам и нормам питания, еще около 80 тыс.¹⁴. Это расхождение между еврейскими и германскими источниками, неоднократно встречающееся при оценке численности евреев в различных гетто, является предостережением для историка: не следует слишком полагаться, по крайней мере в отношении чисел, на германские источники только потому, что они известны своей «аккуратностью», — в большинстве случаев правильные цифры знал именно Юденрат (Еврейский Совет). Литовские гетто прекратили свое существование летом 1943 г. (Вильнюс, большинство небольших лагерей) и летом 1944 г. (Каунас, Шяуляй и др.).

Подавляющее большинство литовских евреев, около 80%, не было подвергнуто, до уничтожения, предварительным гонениям, что было характерно для германской антиеврейской политики в Западной, Южной и Центральной Европе; у них не было периода двух—двух с половиной лет жизни в гетто до начала депортаций в лагеря смерти, как у евреев польских

гетто из Генерал-губернаторства; они даже не были убиты в период двух волн истребления, как это было на большей части оккупированной территории СССР (первая волна — до конца 1941 г., вторая — начиная с весны 1942 г.)¹⁵.

Волна, ударившая по литовским евреям, не только уменьшила крупнейшие общины наполовину (Каунас) или даже на две трети (Вильнюс), — за несколько месяцев она стерла с лица земли местечки — знаменитые «штетл» литовских евреев, уничтожив там евреев почти до последнего человека. Как и евреи на других оккупированных немцами советских территориях, они были застрелены в лесах, во рвах рядом с их бывшим местом проживания, а не были посланы в лагеря смерти.

Там были убиты не только литовские евреи: в конце 1941 г. во рвах IX Форта, одной из цепи крепостей вокруг Каунаса, убито около 5 тыс. евреев из Германии, Австрии и Чехословакии. В то же самое время десятки тысяч евреев были депортированы из Рейха в гетто Минска, Риги и Лодзи. Вопрос в том, рассматривали ли германские вершители политики Литву в качестве экспериментальной арены убийства как местных евреев, так и депортированных из Рейха еще до того, как участники Ванзейской конференции постановили «окончательно решить» еврейский вопрос по всей Европе. В 1942—1944 гг. в IX Форте были убиты еще несколько тысяч евреев из Бельгии, Голландии и особенно из пересыльного лагеря в Дранси (Франция). Возможно, IX Форт послужил местом убийства, так как подходил для этого наилучшим образом, а не из-за своей расположенности в Литве. И еще одно не следует игнорировать при рассмотрении германских операций: это постоянная грызня из-за власти и престижа в среде германских властей, из-за чего, возможно, и было принято решение выслать евреев в Литву только для их убийства, а не для заключения в одном из гетто¹⁶.

IV. Почти тотальное, быстрое уничтожение оказалось возможным не только из-за того, что «окончательное решение» стало насаждаться в Литве сразу вслед за германским вторжением: широкое участие местного населения в убийстве евреев привело к фатальной комбинации литовских мотивов и германской организации и основательности.

Донесения «эйнзацгруппы А» свидетельствуют о готовности, продемонстрированной литовцами. Это важное свидетельство, ибо целью этих донесений было заверение в решимости

и преданности именно немцев — при осуществлении их так называемой миссии, несмотря на многие «трудности», подчеркнутые в этих германских источниках. Из донесений становится ясным, что группы «партизан», гражданских соединений правонационалистического антисоветского толка¹⁷, установили контакт с немцами при их прибытии в Каунас. Германские власти использовали этих «партизан» для организации нового соединения, действовавшего по всей Литве. В германском донесении хвалят это новое соединение за «очень хорошее» выполнение своей работы, особенно в планировании и осуществлении крупнейших «акций»¹⁸.

Действительно, это соединение при помощи многочисленных местных жителей осуществило первые массовые убийства тысяч евреев за несколько недель в Каунасе¹⁹, затем в Вильнюсе и особенно в маленьких городках и в сельской местности: как следует из одного немецкого донесения, к декабрю 1941 г. для убийства большинства евреев вне крупнейших городов требовалось не более одного немца во главе восьми литовцев²⁰ (в другом случае один германский офицер возглавлял даже 45 литовцев)²¹. В таблице, приложенной к донесению Шта-лекера, перечислены десятки небольших городов, где евреи были убиты, большей частью летом 1941 г., таким же образом²².

По еврейским источникам, в местечках вряд ли вообще была нужда в присутствии при этом немцев: в декларации, выпущенной после войны литовскими евреями в американской оккупационной зоне Германии, относительно «вины литовского народа в уничтожении литовского еврейства» делается заключение: «мелкие населенные пункты в литовской провинции, без всякого исключения, были вырезаны литовцами»²³. В этой декларации подводится итог событиям, детально рассмотренным в «Книге литовского еврейства» — в томе, посвященном Катастрофе: горсточка оставшихся в живых бывших жителей 220 местечек и небольших городов описывают, как были убиты евреи в тех местах. Из этих описаний, в которых немцы вообще практически не упоминаются, становится совершенно ясно, что литовцы осуществляли большую часть истязаний и убийств обычно без присутствия на месте германских офицеров²⁴. Таким образом, по-видимому, участие литовцев было большим, чем это могли допустить и признать немцы в своих донесениях.

IX Форт использовался как место убийства и захоронения около 40 тыс. человек, преимущественно евреев, которое было организовано и охранялось литовскими полицейскими-добровольцами. Часть из них жила с семьями неподалеку, часть прибывала на помощь в случае надобности. Германские «эйнзацгруппы» появлялись на Форте, когда проводились крупные акции, в которых уничтожали сразу по нескольку тысяч человек, и уходили тотчас после окончания акций; литовцы же убивали тех, кто оставался в живых — во рвах и в других подобных местах, а также подготавливали Форт для последующей «деятельности»²⁵. Обо всем этом литовские командиры Форта рассказывали в советских судах, где они были объявлены военными преступниками, осуществлявшими убийство «советских граждан». Поскольку ясно, что литовцы стремились выгородить себя и преуменьшить свои преступления, вышеприведенное описание их действий является точным, если не преуменьшенным. Деятельность литовских «партизан» так хорошо согласовывалась с германскими планами, что к концу июля 1941 г. германское командование приступило к организации 20 полицейских батальонов. Около 8400 человек, все добровольцы, имели задачу по убийству местных евреев под надзором Франца Лехтгалера, командующего 11-м батальоном германской резервной полиции. К концу года, когда большинство литовских евреев было уничтожено, некоторые из этих батальонов были посланы в Белоруссию и Польшу, где они осуществляли убийства во множестве городов, лагерей и гетто, включая Трешлинку и Майданек, и принимали участие в уничтожении Варшавского гетто²⁶. Германские донесения отмечают жестокость, проявляемую членами этих батальонов как в Литве, так и вне ее. Создается впечатление, что они в своих делах превосходили то, на что были способны некоторые немцы и белорусы. Когда немцы вступили в Каунас, они сняли на кинолентку убийство евреев литовцами, чтобы «стало ясным, что именно местное население спонтанно предприняло первые шаги против евреев». Это было сделано для того, чтобы, «по крайней мере вначале, жестокие и необычные методы, могущие шокировать даже германские круги, не слишком бросались в глаза»²⁷. Другими словами, по видимости, приступая к массовым убийствам, германские войска не знали, как на практике эти убийства будут выглядеть. Они, возможно, были удивлены и даже поражены крайностями в поведении литовцев, были обеспокоены реакцией немецких кругов, когда об-

наружится, что произошло на территории, оккупированной Германией. Фильмы также должны были послужить свидетельством энтузиазма, с каким принималось осуществление «окончательного решения» на этих территориях, что, таким образом, узаконивало и оправдывало нацистскую пропаганду и жестокость самих немцев.

Карл, германский окружной комиссар г. Слуцка в Белоруссии, ставший свидетелем зверского проведения «акции» в его округе печально знаменитым 12-м литовским полицейским батальоном (подчинялся германскому резервному полицейскому батальону), имел одну просьбу — абсолютно избавить его от этого батальона в будущем²⁸. Его аргументом было не возражение против убийства евреев, а скорее против литовских методов, вызвавших антинемецкие чувства у местного населения. Вильгельм Кубе, генеральный комиссар Белоруссии, в своем послании к Генриху Лозе, рейхскомиссару «восточных земель», также желал узнать, будет ли убийство (евреев Рейха, отправленных на восток) «выполняться литовцами и латышами, отвергаемыми своим же местным населением?.. Прошу вас дать мне точные директивы (по этому вопросу), принимая во внимание должным образом доброе имя нашего Рейха и нашей Партии, с тем чтобы необходимая акция была проведена самым гуманным образом»²⁹. Эти слова более чем ясны.

В этом контексте возникает два закономерных вопроса. Во-первых, возможно, немцы, служившие в гражданской администрации и в резервных батальонах, были менее расположены к поддержке литовцев, чем другие германские соединения, как, например, «эйнзацгруппы», которые сами славились своими зверствами. По крайней мере некоторые из командиров германских частей полагали, что литовские полицейские батальоны далеко превосходили их в жестокости, и этот факт осознавался литовцами. «Должны ли мы быть главными вешателями в Европе? — задавался вопрос в литовском подпольном антифашистском издании в 1943 г.— Немцы, убивающие евреев, позднее убьют нас, и мир их поддержит, потому что литовцы — вешатели и заклятые садисты»³⁰.

Другой вопрос — причины такого крайнего поведения литовцев. Ответ выходит за пределы нашего исследования, являясь комбинацией сложных факторов, таких, как национальные традиции и ценности, религия (в данном случае католическая), серьезные экономические проблемы и трагическое противостояние политической ориентации: литовские евреи

поддерживали советскую власть в Литве в 1940—1941 гг., придерживаясь преимущественно социалистических взглядов и прекрасно осознавая, что «пожизненное заключение (советская власть) лучше, чем смертный приговор (нацистское правление)», как гласит еврейская поговорка. Тем временем литовцы лелеяли надежды на возрождение, при поддержке Германии, национальной независимости, когда советской власти придет конец, в награду за их антиеврейскую и антибольшевистскую деятельность. После первого этапа поголовного истребления литовцами евреев в июле 1941 г. немцы организовали полицейские батальоны и составили план второго этапа: в августе-сентябре остаток литовского еврейства был заключен в гетто. В октябре и ноябре немцами проводились крупные акции с активным участием литовцев, так, чтобы оставить в живых только «продуктивные элементы». В декабре Лозе приказал прекратить убийство евреев, так как их разнообразные профессиональные навыки были незаменимыми³¹. 1942 г. и начало 1943 г., до поражения немцев под Сталинградом, были относительно спокойными в гетто и лагерях Литвы, где еще оставалось в живых 40—45 тыс. евреев.

V. В Литве евреями было впервые сказано, что «целью Гитлера является уничтожение евреев Европы»³². По-видимому, причиной того, что процесс такого осознания начался именно в Литве, является уникальный фон и уникальная цепь обстоятельств, имевших там место, что сразу отразилось на еврейском обществе. Эта цепь началась с того, что Вильнюс, «литовский Иерусалим», был возвращен Литве по пакту Риббентропа—Молотова в октябре 1939 г. Это означало воссоединение 60 тысяч виленских евреев и бесчисленных сокровищ еврейской культуры, накопленных там, с остальным литовским еврейством.

Вильнюс тогда находился в независимом государстве, хотя было очевидно, что независимость такой маленькой страны, как Литва (между нацистской Германией и Советской Россией), обречена на недолговечность. Тем не менее около 14—15 тыс. евреев из оккупированной немцами Польши перебрались в Вильнюс, а затем в Каунас и менее крупные города. Это был цвет польского еврейства, руководители, активисты всех партий политического спектра, 2 тыс. студентов-талмудистов со своими раввинами и еще 2 тыс. членов молодежного движения, преимущественно сионисты, со своими лидерами. Они тоже, как и виленские евреи, укрепили еврейскую об-

щественную жизнь и мышление. Эти польские беженцы поддерживали контакты с остальным еврейским миром, особенно с американским еврейством и палестинским Ишувом. Контакты давали финансовые средства, информацию и поддержку, когда большая часть европейского еврейства находилась под нацистским или советским игом³³.

Литовская независимость действительно быстро пришла к концу в июне 1941 г., когда Литва была присоединена к Советскому Союзу. За год до июня 1941 г. Советы распустили еврейские организации, запретили все формы общественной жизни, особенно образование и печать, арестовали лидеров и выслали их в Сибирь. Еврейские молодежные движения и политические партии ушли в подполье, пытаясь поддерживать контакты и действовать. Контакты были особенно эффективными среди членов молодежных движений. Таким образом, получилось, что это немногочисленное, активное и хорошо организованное еврейство имело год подпольной жизни при враждебном режиме³⁴.

Процесс продолжался после германского вторжения. Крепкие связи между членами в каждом из молодежных движений и между организациями делали возможным создание информационной сети. Это была, конечно, непрофессиональная сеть, основанная на личных контактах. Молодежь, особенно девушки, в качестве курьеров добиралась во многие места Литвы и даже за ее прежние границы, затем они возвращались, чтобы сообщить, что слышали, а иногда видели. Поскольку евреи были лишены свободы передвижения, курьеры двигались медленно и до их возвращения часто проходили недели. Информация собиралась руководителями молодежных движений, пытавшимися проанализировать ее на собраниях и совещаниях. Эти лидеры постепенно пришли к заключению, что немцы при помощи местного населения осуществляли один и тот же метод убийства (собирали евреев общины, сгоняли их ко рвам и лесам за городом); этот метод распространялся не только на Литву, но и на другие регионы под германской оккупацией³⁵.

Этот вывод был четко сформулирован в прокламации, прочитанной на собрании молодежи в Вильнюсе 1 января 1942 г. Там было предостережение: «Гитлер собирается уничтожить всех евреев Европы»³⁶, а не только литовских евреев. Это предостережение было, возможно, высказано с некоторым преувеличением, чтобы сфокусировать все внимание и развеять

все иллюзии насчет размаха катастрофы. В нем заключалось нечто от пророчества, так как идея тотального убийства не имела прецедента и шла намного дальше имевшихся фактов, относившихся только к Литве и граничащих с ней областям³⁷. Предостережение прозвучало за три недели до Ванзейской конференции, участники которой разработали методы уничтожения всего европейского еврейства³⁸.

Прокламация призвала еврейскую молодежь защищать себя и свою общину. Действительно, в каждом из четырех гетто Литвы было организовано подпольное движение (самое большое — в Вильнюсе) как коалиция всех еврейских сил, включая Бунд и коммунистов.

Подчеркнем: молодежные движения преобразовались в активные подпольные организации именно в 1942 г., несмотря на то, что это был год относительного «спокойствия» и надежды; не было крупных «акций», сведения о лагерях смерти в Польше не доходили до Литвы³⁹, контакты с внешним миром, включая Палестину, были перерезаны за несколько месяцев до вторжения, и путь курьеров в Генерал-губернаторство и обратно становился все труднее и труднее, по мере того как темпы уничтожения в Польше ускорялись и более четверти миллиона людей были депортированы из Варшавы в Трешлинку летом 1942 г. Даже местного еврейского «тыла» больше не существовало, поскольку почти все евреи в местечках были убиты. Еврейскому подполью в Литве пришлось действовать в условиях изоляции, недостатка информации и в особенности бороться с овладевшей людьми иллюзией после приостановки убийств. В этих обстоятельствах было намного труднее воспринять главный вывод о том, что «окончательное решение» в конечном итоге не пощадит никого и передышка только временная. Может быть, то, что этот вывод был сделан в Литве, дало подполью силы настаивать на сформулированных положениях.

Можно сказать, что еврейское организованное сопротивление в гетто Восточной Европы началось, по крайней мере как идея, в Литве, с анализа германских планов и передачи выводов в другие гетто, в 1941—1942 гг. Фон, на котором выросла способность к анализу и выводам, был создан намного раньше, по сути дела, лет за 300 до Катастрофы, когда на арене еврейской жизни появился тип «литвака» и его особая смесь (логики и знания «Галахи») создала школу раввинской мысли. Эта школа, существующая и в наши дни, сделала ли-

товские иешивы признанными академиями еврейских талмудических исследований и центром «миснагдим» — противников хасидского движения. Социалистические и сионистские движения, набравшие силу в Литве в XIX в., создали активную общественную жизнь, отличную систему образования (включала в межвоенный период 90% еврейских детей) обширную прессу и литературу на идиш и на иврите...

Кажется логичным предположить, что этот специфический фон повлиял на образ действий литовских евреев во время Катастрофы.

¹ См. последние публикации: по Катастрофе в Вильнюсе — *Арад И.* Борьба и уничтожение евреев Вильнюса. Тель-Авив, 1976. На иврите. По Каунасу — *Гори А.* Пережившие Катастрофу: Дневник Каунасского гетто/Предисл. М. Гильберта, текстуальные и исторические примеч. Д. Порат. Кембридж; Лондон, 1990. На англ. яз. По Литве вообще — Литовское еврейство. Т. 4. Катастрофа, 1944—1945. Тель-Авив. На иврите. В дальнейшем — Литовское еврейство. Т. 4.

² См. Рапорт Шталекера от 31 января 1943 г. // Окончательное решение: Документы по уничтожению европейского еврейства нацистской Германией. Тель-Авив, 1960. С. 22—25. На иврите. Далее — Окончательное решение. См. также: *Гар Д.* Подробности об уничтожении Литвы, отраженные в рапортах «эйнзацгрупп» в «Отчете Вальтера Шталекера» и в «Заключительном списке Карла Егера» // Литовское еврейство. Т. 4. С. 21—26. В дальнейшем — *Гар Д.* Подробности об уничтожении Литвы...

³ Документы по Катастрофе/Ред. И. Арад, И. Гутман, А. Магалиот. Иерусалим: Яд Вашем, 1981. С. 433.

⁴ *Робинсон Я.* Уничтожение литовского еврейства как составная часть Катастрофы в целом // Литовское еврейство. Т. 4. С. 19.

⁵ Энциклопедия Катастрофы/Ред. И. Гутман. Тель-Авив, 1990. Т. 5. С. 1282—1284. На иврите.

⁶ *Арад И.* Политика и выполнение «окончательного решения» в Литве // Литовское еврейство. Т. 4. С. 47.

⁷ *Левин Д.* Литва // Энциклопедия Катастрофы. Т. 3. С. 638. Число 8000 здесь не совсем ясно. См. *Левин Д.* Об отношениях между евреями и литовцами во время второй мировой войны // Кивуним. 1979. № 2 (февраль). С. 30. На иврите. Далее — *Левин Д.* Об отношениях между евреями и литовцами...

⁸ Статья «Евреи» помещена в 35-м томе Энциклопедии Катастрофы.

⁹ *Цукерман И.* Те семь лет, 1939—1946 // Дом борцов гетто. 1990. С. 137. На иврите.

¹⁰ Рапорт Шталекера // Окончательное решение. С. 25 (таблица).

¹¹ Рапорт Егера // Окончательное решение. С. 29. Штабдартенфюрер СС (между полковником и бригадным генералом) Карл Егер, командир «эйнзацкоманды 3» «эйнзацгруппы А», писал свой рапорт 1 декабря 1941 г.

¹² См. карту в кн.: Литовское еврейство. Т. 4. С. 26. Число 136 400 из 148 000 кажется слишком большим, вероятно, из-за расхождений в определении границ регионов.

¹³ Литовское еврейство. Т. 4. С. 56.

¹⁴ В рапорте Егера число евреев в гетто оценивается в 15 тыс. в Вильнюсе, столько же — в Каунасе и 4500 — в Шяуляе. В этом рапорте есть и ряд других ошибок. См. *Порат Д.* Легенда о борьбе евреев из Третьего Рейха в IX Форте около Каунаса, 1941—1942 // Ежегодник Школы германской истории. Тель-Авив, 1991. (Готовится к публикации.) Далее — *Порат Д.* Легенда о

борьбе евреев из Третьего Рейха... См. полный английский текст рапорта в кн.: *Документы обвиняют*. Вильнюс, 1970. С. 230—238. На англ. яз.

¹⁵ Небольшая община в Эстонии, насчитывавшая 1 тыс. евреев к началу германской оккупации, была также истреблена к концу 1941 г.

¹⁶ *Порат Д.* Легенда о борьбе евреев из Третьего Рейха...

¹⁷ Официальное название: *Tautinio Darbo Apsauga* (Охрана (гвардия) национального труда). В действительности это была служба национальной безопасности. См. *Нишлит С.* Между коллаборацией и восстанием: К истории германской оккупации в Литве//Дом борцов гетто. 1970. Т. 1. С. 152—179. (Серия «Далим Лехекер Ха'Шоа Бехамери».) На иврите.

¹⁸ Рапорт Шталекера//Литовское еврейство. Т. 4. С. 25.

¹⁹ «Во время последних трех дней литовские партизанские группы уже убили несколько тысяч евреев». См. Рапорт эйнзацгруппы А (ЕК 1 в) № 8 от 30 июня 1941 г.//Донесения эйнзацгрупп/Под ред. И. Арада, Ш. Краковского и Ш. Спектора. Нью-Йорк, 1989. С. 1. На англ. яз.

²⁰ Там же. С. 3, 5, 13—15, 22—23.

²¹ Рапорт Егера//Окончательное решение. С. 29. О 45 литовцах под началом одного немца см.: *Левин Д.* Об отношениях между евреями и литовцами... С. 39.

²² Заключительный список Карла Егера//Литовское еврейство. Т. 4. С. 24.

²³ Унзер вег. Мюнхен, 1947. 22 июля. На идиш.

²⁴ Литовское еврейство. Т. 4. С. 237—373.

²⁵ *Порат Д.* Легенда о борьбе евреев из Третьего Рейха...

²⁶ См.: *Masines žudynės Lietuvoje* (Массовые убийства в Литве). Вильнюс, 1965. Ч. I. Документ 29. Далее — Массовые убийства... Этот документ часто цитируется. См. Литовское еврейство. Т. 4. С. 19, 25.

²⁷ Рапорт Шталекера//Литовское еврейство. Т. 4. С. 25.

²⁸ Массовые убийства... Документ 235.

²⁹ Документы по Катастрофе. С. 408—409.

³⁰ *Левин Д.* Об отношениях между евреями и литовцами... С. 41.

³¹ Литовское еврейство. Т. 4. С. 42—43.

³² Документы по Катастрофе. С. 433.

³³ *Порат Д.* Концентрация еврейских беженцев из Польши в Вильнюсе, 1939—1941 гг.: Диссертация/Тель-авивский университет. 1974. На иврите.

³⁴ См. подробное описание этого времени в кн.: Сефер Хашомер Хацаит. Т. 1. Мерхавия, 1974. На иврите.

³⁵ См. *Корчак Р.* Пламя над пеплом. Мерхавия, 1965. С. 46—53. На иврите.

³⁶ Там же. С. 53. Роль Аббы Ковнера в составлении прокламации часто преувеличивается. В своем свидетельстве, данном мне 5 января 1989 г. в Тель-авивском университете, Ниссан Резник, также член подпольной группы, делал упор на консультациях и совместной работе.

³⁷ *Цужерман И.* Те семь лет... С. 130—149.

³⁸ Спор историков о мотивации Германии в массовом истреблении евреев из-за ее побед в СССР или из-за ее неудач не входит в тему нашего исследования.

³⁹ Из интервью с Виткой Ковнер 15 августа 1991 г. в Тель-Авиве: «Мы ничего не слышали и не знали о лагерях смерти в Литве до того, как попали в Дублин после освобождения». В дневнике А.Гори также нет никакого упоминания о лагерях.

⁴⁰ Литовское еврейство. Т. 4. С. 46—47.

ЭТНОГРАФИЯ

И. Улановский
(Ереван)

СУББОТНИКИ СЕЛА ЕЛЕНОВКА

По данным Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи населения 1917 г., село Еленовка Новобаязетского уезда Эриванской губернии (с 1935 г.— г. Севан) образовано 70-ю семьями переселенцев из России (Тамбовская, Саратовская, Пензенская губернии, крепость Анапа¹), поселившихся на казенных землях.

В начале века в Еленовке насчитывалось 200 каменных домов, население выращивало яровую пшеницу и ячмень. Основную часть села составляли субботники (100 дымов, около 400 душ), проживали также молокане («постоянные») и духоборы. В это же время возникает и ряд других поселений субботников на территории Новобаязетского уезда (Семеновка — 30 дымов, Красное — 30 дымов, Сухой Фонтан).

О переселении из России у населения г. Севана сохранился ряд легенд, относящихся не только к разным эпохам (от Екатерины II до Николая II), но и к разным губерниям и даже странам: «Екатерина выслала то ли из Саратова, то ли из Египта»².

Фактами, способными подтвердить переселение из перечисленных губерний, являются хорошо сохранившийся южнорусский говор, тождественность топонимов (Красное, Красноселовка Воронежской обл., Семеновка Тамбовской обл., р. Елань Воронежской обл.) и большое число еврейских антропонимов (Абрамовка, Давыдовка Воронежской обл., Моисеево, Моисеево-Алабушка Тамбовской обл.).

Принятие Моисеева закона местные жители объясняют проживанием среди евреев, что, с моей точки зрения, маловероятно, так как в данных губерниях не было черты оседлости. Более вероятной кажется особая роль анонимного еврея-ви-

нокура, пропагандировавшего иудаизм среди жителей Тамбовской губернии в начале прошлого века³.

Причиной переселения субботников в Эриванскую губернию являются, с моей точки зрения, не только религиозные гонения, безусловно имевшие место, так как все же сохранились некоторые поселения в Воронежской и Тамбовской областях, например, деревня Ильинка, но и бытовавшая легенда о существовании свободного Араратского царства⁴.

С другой стороны, возможно, что преследованиям были подвергнуты лишь духовные и административные лидеры общин, остальные же последовали за ними в изгнание⁵.

О жизни еленовской общины сохранились некоторые сведения в ЦГИА Армении. В 1887 г. жители Еленовки (всего 74 подписи) обращаются к Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе с прошением о предоставлении им возможности «в отношении метрических записей браков, рождения и смерти руководствоваться правилами, коими руководствуется еврейское население». В просьбе отказано, так как «русские сектанты не могут руководствоваться правилами признанных в России иностранных вероисповеданий»⁶.

Данное прошение мне представляется следствием некоторых радикальных изменений во внутренней жизни общины, а именно переходом от субботничества к собственно иудаизму.

Кроме устных свидетельств о контактах с киевскими евреями, сыгравших решающую роль в данной трансформации⁷, сохранились тфиллин с надписью תרלז = 1847 г., Пятикнижие с параллельными текстами, субботние подсвечники. К этому же периоду относится все более частое употребление имен: Эсфирь, Моисей, Арон и т.п., а так же надгробные надписи с аббревиатурой «З.П.», русским аналогом ז"ל .

По данным Эриванского губернского статистического комитета, в 1865 г. в Новобаязетском уезде проживало 336 субботников (150 муж./186 жен.), в г. Александрополе — 37 (18 муж./19 жен.), а по данным 1887 г., имелась одна деревянная синагога и семь деревянных молитвенных школ⁸.

После Указа от 17 апреля 1905 г., в 1908 г., жители с. Еленовка (87 подписей) обращаются к эриванскому губернатору с прошением об образовании «религиозной общины Иудейского учения, с допущением наставников, с распространением деятельности общины на село Еленовка и постройкой молитвенного дома в селе Еленовка»⁹. Аналогичное прошение поступило и от жителей с. Семеновка (26 подписей),

однако необходимый минимум для регистрации общины составлял 50 человек.

В деле содержится документ о «сущности вероучения религиозной общины»: «Религиозная община исповедует религию во всем согласии закону данного Моисею на горе Сион, а именно:

Верует согласно первой заповеди, во единого Бога Творца вселенной.

Богослужение совершается во всякое время.

Празднует согласно четвертой заповеди субботу и все праздники, о которых говорится в Пятикнижии Моисеевом, т.е. Пасху, Пятидесятницу, Судный День и Куши.

Обрезание младенца мужского пола совершается на восьмой день по рождению его (младенца), и в это время нарекается младенцу имя.

Нитяные кисти.

Надписи на дверных косяках, повязка для памяти на руке и голове.

При бракосочетании совершается обряд.

Развод допускается.

При похоронах также совершается обряд.

Семен Герасимович Бикантов

Яков Силантьевич Ничаев».

29 мая 1908 г. товарищем министра внутренних дел Крижановским утверждена печать «Еленовской религиозной общины иудейского учения Эриванской губернии». Община официально просуществовала до 1913 г., когда было отменено постановление Эриванского губернского правления, так как «Высочайший Указ от 17 апреля 1905 г. допускает отпадение от православия лишь в другое христианское исповедание или вероучение».

По свидетельствам очевидцев ¹⁰, к этому периоду относится строительство в с.Еленовка каменной синагоги, которое так и не было завершено. В настоящее время в ней находится универмаг. В 1912 г. в типографии эриванского губернатора были отпечатаны именные молитвенники на русском языке, содержащие и части Талмуда.

Воспоминания жителей г. Севана — Марии Михайловны Кондратовой (1902 г. рождения, уроженка с. Еленовка), Марии Давыдовны Соловьевой (1919 г. рождения, до замужества — Колпакова, уроженка с. Красное) и ряда других — позволяют в определенной степени воссоздать жизнь общины,

представлявшей собой причудливое переплетение русских и еврейских обычаев и обрядов.

Существовало «две собрания», помещение для которых община снимала. Главой одного был С. Г. Бикантов, второго — Я. С. Ничаев. В каждом был свой свиток Торы, привезенный из Киева. Ни один из членов общины не знал иврита, но к Торе вызывали. Вызванный, обязательно облачившись в «талес», стоял рядом, а чтение недельной главы, вероятно, совершалось по русскому переводу Пятикнижия. Женская и мужская часть собрания разделялись занавеской. Свиток Торы находился в специальном углублении, закрытом занавесом. Перед субботой дома тщательно убирали, глиняные полы затирали глиной с кизьяками, готовили праздничный обед, все домочадцы шли в баню. Вечером шли на собрание, свечи зажигали мужчины, пели песню:

Пойдем, друг мой, сретения невесты,
И да приветствуем мы лица субботы...

Возвращались домой, ужинали — пышки, «витушки», борщ, кислое молоко. Утром шли на собрание голодными, мужчины молились, женщины слушали и пели псалмы:

Помни Господа всегда ты, ёны друг не забывай,
Словом, жизнью и делами
Его в мире прославляй,
Если так ты размышляешь,
Пока молод — веселись,
А когда ты постареешь,
То покайся, помолись,
Ой, несчастный, ты не знаешь,
Когда можешь умереть,
Может, завтра уж сколотят
Гроб сосновый для тебя.

После обеда молились еще раз и затем ужинали. В субботу огня не зажигали, воздерживались от любой работы, кроме дойки коров.

К Пасхе готовились заранее, убирали из дома все квасное, отдавали соседям-молоканам, выискивали в доме хлебные крошки. Не ели в Пасху ничего кислого и соленого (борщ, соленья). «Пресноки» (ма́цу) пекли из хорошей муки, тесто месили долго, затем тесто раскатывали и «пестрили» (перфорировали) специальной «пестрилкой» (шестеренкой от часов), пекли в русских печах на поду или в круглых сковородах. Одна из печей сохранилась по сей день и используется лишь

для выпечки мацы, однако мацу в настоящее время выпекают с добавлением в тесто большого количества яиц, «чтоб слаже было», хотя знают, что таким образом нарушают закон. Обычай употребления мацы в Пасху относят к исходу из Египта: «не было дрожжей заквасить хлеб, делали его из муки и воды, пекли на камнях». Однако события эти относят к самим себе, а «фараоном» является Екатерина II.

Понятия пасхального седера не существовало, хотя имелся обычай начинать «заедать пасху» с яйца с хреном. Семья или собрание использовали в эти дни специальную «пашешную» посуду, обязательным блюдом являлся мясной суп с накрошенной в него мацой. Корову для него покупали сообща, заранее оговорив условия с хозяевами.

Пятидесятница, называемая Троицей, отмечалась как праздник дарования Закона, дома украшались гирляндами из растения, называемого «копурей». Существовал обычай есть в этот день хороший обед и блинцы.

В Новолетие на берегу Севана трубили в «трубный рог», праздник длился два дня, в него отмечали окончание сельскохозяйственных работ и сбор урожая, не работали.

Судный День проходил «страшно», даже пяти-шестилетним детям не давали есть и пить, целый день молились в собрании, огня не зажигали.

В Кущи, считай «гулящий» праздник, жили в шалашах, ходили в гости друг к другу.

Никаких свидетельств о праздновании Хануки получить не удалось.

Одним из самых любимых праздников был Мордофей (Пурим). В этот день устраивали катание на санях, запряженных лошадьми, по льду замерзшего лимана (местное название озера Севан), веселились, много пили (в отличие от остальных праздников), устраивали драки; праздник получил и второе название — «мордобей». Пекли «орешки» — блюдо из теста и меда, которые разносили по соседям, «только по евреям», как символ чудесного избавления от рук преследователей.

«Легенду о Мордофее» рассказала М. М. Кондратова, деда которой в России замуровали в каменный столб, «потому что свинину не ел и кресту не поклонялся»:

«Тогда евреев презирали. У Мордофея и царя египетского вышла стычка, мол, почему ты такой, а я такой. Мордофей был бедный, сидел все время на улицах, и ему давали подаяние. У Мордофея была плюмяница, а царь египетский с

женой разшѐмшись. Разошелся из-за чего: собрал он пир, египетский царь, и хотел похвалиться своею женой, а она за-капризничалась. Он, который разошелся, задумал жениться, приводили партиями, а ему все не нравилось. Понравилась ему Мордофеева плюмянница. Она была красивая, и он на ней женился. Думали похитить весь еврейский народ, из люльки даже. Объявили через гонцов, по всем городам и селам, чтоб в такое время всех евреев уничтожить, чтоб даже ребенок не остался. Эсфира об этом узнала, упала египетскому царю, за кого она вышла, прямо в коленья. Он говорит: «Что с тобой?» Она говорит: «Вот такое-то и такое дело, хотят похитить весь еврейский народ!» Она даже в обморок упала. Он дал знать всем. Сделали виселицу, чтобы повесить Мордофея и все его сродство. Царь сказал: «Отстранить!» А кто этого хотел, его и всю его семью повесили. Яму выкопали и в эту яму их забросили».

Обрезание совершали на восьмой день, существовал мозль — Ефрем Самодуров. Обрезание совершали бритвой, крайнюю плоть присыпали трухой деревьев. После обрезания и наречения имени (имена давали «субботничкие»: Моисей, Исай, Захар, Яков, Давыд и т.п.) устраивали пышное пиршество.

Мужчины налагали тфиллин; цицит (талит катан) не носили, но носили пояс с длинными кистями, которые торчали сбоку. Бород не стригли, ходили с покрытой головой. Женщины и девочки носили платки и по праздникам чепцы.

К дверным косякам входной двери прибывали мезузу. Приезжие евреи таким образом могли отличить дома субботников от прочих. Обычай целовать мезузу не существовало.

Женились только «между своими», иногда невест сватали и в других селах, например, М. Д. Соловьева была привезена из с. Красное (ныне Красносельск). Обряд бракосочетания проходил под «балдахиной», которую делали из шерстяной ткани с бахромой и устанавливали на четырех шестах, украшенных лентами.

В семейной жизни во время менструаций женщина считалась нечистой и спала отдельно от мужа на печке, затем ходила в баню.

Похороны совершали на общинном кладбище, действующем по сей день, и похоронный обряд сохранился практически в первоизданном виде.

Покойника обмывают специальные люди, одевают и укладывают на скамейку, покрытую новым белым покрывалом.

Гроб устанавливают головой на восток, без крышки, лица покойника не закрывают. Раньше гробы с переплетенным камышовым дном делали в с. Красном, сейчас используют обычные. Вокруг покойника на стульях сидят родственники и односельчане, что практически одно и то же, так как все субботники с. Еленовки являются родственниками. В изголовье гроба устанавливают две зажженные свечи, которые меняют всю ночь. Перед выносом тела приглашают в комнату семью, и сын, если умеет, читает молитву, если же нет, это делает за него другой член общины. Мужчин на молитве должно быть не менее одиннадцати(?). Хоронят с покрытой головой в вязаных или сшитых тапочках. Пожилые женщины заранее готовят специальный похоронный комплект для себя. Существовал обычай на дно гроба класть талит. Гроб несут на трех полотенцах (не на уровне плеч) шесть человек. В субботу не хоронят. Если ждут родственников, похороны делают на третий день, если нет, то на второй.

Собирайтесь, мои дети,
 Я последний раз на вас взгляну,
 Трудно-трудно я болею,
 И наверно я умру.
 С вами, дети, распрощаюсь
 И в сыру могилу жить пойду.
 Приготовьте мне могилу
 На высоком на бугре,
 И обмойте мое тело
 Чистой ключевой водой,
 Положите мое тело
 Во сосновый новый гроб,
 И оденьте мое тело
 Тонким белым полотном,
 Отнесите мое тело
 На высок зелен курган,
 Опустите мое тело
 Во глубокую могилу,
 И засыпьте мое тело
 Желтым меленьким песком,
 И пропойте надо мною
 Вечной памяти покой.
 Богу слава и держава, во веки веков «аминь».

До кладбища идут не останавливаясь, пока не войдут в ворота. Глава общины читает короткую молитву, затем гроб опускают в могилу (Г-образную), головой на восток. В изголовье ставят большой камень, вынутый из могилы, или сразу памятник. После похорон кормят только могильщиков, причем

человек, который готовит пищу, не должен находиться в одном помещении с покойником.

Помины на восьмой день. Традиционный обед состоит из первого блюда, обязательно с растительным маслом, как правило, постный борщ, лапши, рисовой каши с мясом и изюмом и компота из сухофруктов. Ничего спиртного не подают. Существовал обычай приходить на помины со своим стаканом и блюдцем, хотя до сих пор имеется общинная посуда.

В годовщину смерти покойника поминают, часто рассылают письменные приглашения.

Мясо ели только «своего реза», резника крупного рогатого скота (птицу резали сами хозяева) называли «хахам» (вероятно, влияние персидскоподданных евреев, живших в Эриванской губернии, известны случаи посещения их синагоги в Эривани субботниками¹¹).

Свинину, кроликов и раков в пищу не употребляли. Для мясной и молочной пищи существовала специальная посуда, перед Пасхой всю посуду прожаривали на солнце. Однако вино и водку пили любые. Молоко заквашивали от сычуга.

В настоящее время община пришла в упадок, браки в основном смешанные, как с армянами, так и с молочанами. Сохранилось лишь двадцать семейств, уезжают, как правило, в Россию. Новолетие трансформировалось в праздник сбора урожая, после обильных возлияний отсыплются в так называемом «пьяном овраге». Лет двадцать как разводят свиней и кроликов. Судный День превратился в день поминания умерших. В конце шестидесятых был обрезан последний младенец.

Последнее, что связывает эту общину с еврейством, — кладбище, маца и свиток Торы, принадлежавший в свое время общине с. Семеновка.

¹ ЦГИА Армении, ф. 125, оп. 1, д. 141.

² Из рассказов Марии Михайловны Кондратовой, Марии Давыдовны Соловьевой, Якова Иосифовича Кадулина, Александра Михайловича Караваева, Ольги Моисеевны Казаковой — жителей г. Севан.

³ КЕЭ, Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 111.

⁴ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

⁵ См.: сноску 2.

⁶ ЦГИА Армении, ф. 113, оп. 2, д. 64.

⁷ См.: сноску 2.

⁸ ЦГИА Армении, ф. 125, оп. 1, д. 15, 34.

⁹ Там же, ф. 94, оп. 1, д. 2835.

¹⁰ См.: сноску 2.

¹¹ ЦГИА Армении, ф. 94, оп. 1, д. 2936.

Пинхас ГИЛЬ
(Иерусалим)

“ЕВРЕЙСКАЯ ГЕОГРАФИЯ” И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ФАМИЛИЯХ АШКЕНАЗСКИХ ЕВРЕЕВ

Как правило, современный еврей имеет весьма смутное представление о том, что означает фамилия, которую он носит, когда, где и почему она возникла. Даже если этот вопрос сильно его заинтересует, найти ответ будет непросто. Еврейская антропология почти не разработана, работ, посвященных этой теме, мало, да и работы эти часто, к сожалению, полны ошибок и неточностей. Но людям все же хочется знать происхождение своих фамилий, тем более, что выяснив корни фамилии, нередко можно выяснить и собственные исторические корни. В особенности это верно в отношении т. н. “географических” фамилий, т. е. фамилий, образованных от названий городов, местечек, сел, от названий стран, историко-географических регионов и т. п., где проживали евреи.

Несмотря на то, что документально зафиксировано существование фамилий в отдельных еврейских семьях в более ранние эпохи, большинство фамилий, которые носят сегодня ашкеназские евреи, возникло примерно 150–200 лет назад. В те времена, в конце XVIII – первой половине XIX в., огромное большинство ашкеназского еврейства было сосредоточено в трех регионах: в России, Австро-Венгрии и в германских государствах. В Российской империи проживало ок. 800 000 евреев, в Австро-Венгрии – ок. 470 000, в различных германских государствах – ок. 180 000. Всего – 1 450 000 человек. В других странах – Молдавия и Валахия (объединившихся в 1858–61 гг. в единое государство – Румынию), Голландии, Франции, Англии, США, Эрец-Исраэль – жило тогда всего ок. 120 000 ашкеназских евреев. Таким образом в Германии, Австро-Венгрии и России было сосредоточено более 90% ашкеназского еврейства.

Официальная фиксация фамилий еврейского населения специальными законами началась в Австро-Венгрии в 1797 г., в разных государствах Германии в 1807–34 гг., в России в 1845 г. Затянулась она на долгие годы, так что еще в начале нашего века соответствующими государственными органами обнаруживались иногда бесфамильные евреи, по тем или иным причинам предпочитавшие обходиться без фамилий. Как и от всех остальных царских, королевских и императорских указов, ничего хорошего от этого начинания они не ожидали. Тем более, что в повседневном обиходе евреи прекрасно обходились личными именами, нередко в сопровождении прозвищ, призванных различать носителей одинакового имени.

Как бы то ни было, после издания указов о фиксации имен началась активная антропонимическая деятельность. Проще было тем, у кого уже имелись более или менее постоянные прозвища. Если человек был известен как Янкель “Ривкин” (т. е. “сын Ривки”) или как Хаим-“шустер” (т. е. “сапожник”), то так его и записывали в официальных документах – Янкель Ривкин, Хаим Шустер. Возникших таким естественным путем фамилий насчитывается десять-пятнадцать типов. Мы рассмотрим здесь один из них – “географические” (оттопонимические) фамилии.

Но прежде нам предстоит познакомиться с “еврейской географией” Центральной и Восточной Европы. Дело в том, что традиционное еврейское деление этих земель на страны и историко-географические области заметно отличается от того, что принято, например, в современной советской или американской географической науке.

Весь этот регион делился у евреев на ряд “стран” (*арацот*), отличавшихся одна от другой тем именно, что еврейское население каждой из них имело какие-то свои характерные культурные, бытовые, языковые отличия. Границы и число этих “стран” менялись на протяжении веков. Перечислим главные из них так, как они существовали в представлении евреев в интересующий нас период.

Эльзас, Германия, большая часть Швейцарии, Австрия, Чехия, Моравия, Западные и Северные земли современной Польши, современная Калининградская область, окрестности Клайпеды (т. н. “Малая Литва”), западная и центральная часть Лат-

вии – вся эта обширная территория именовалась “Ашкеназ” или “Эрец Ашкеназ” (т. е. “Германия”) и в свою очередь подразделялась на более мелкие подобласти (как правило, совпадавшие с историческими областями Центральной Европы – Силезия, Моравия, Гессен, Саксония, Бавария, Пруссия и т. д.). Отличительными чертами евреев этих мест было преобладание в быту немецкого языка (или сильно “онемеченного” идиша), значительное влияние европейской, в основном немецкой, культуры на весь уклад их жизни, ослабление религиозной традиции.

“Эрец Унгарн” (т. е. “Венгрия”) – современная Венгрия и окружающие ее земли, некогда входившие в состав Венгерского королевства и вовлеченные в сферу венгерской культуры: Словакия, Закарпатье, Трансильвания, Банат, большая часть Хорватии, Воеводина. Евреи этой “страны” принадлежали в общем к тому же культурному типу, что и евреи “Эрец Ашкеназ”, с тем отличием, что известное распространение среди них получил венгерский язык, а в восточных районах “Эрец Унгарн” – учение хасидизма.

“Полин” или “Пойлн” (“Польша”) – центральные и восточные районы современной Польши. Евреи этой “страны”, границы которой в основном совпадали с границами т. н. “Царства Польского”, образованного в 1815 г., говорили на собственном, “польском” диалекте идиша, сохраняли в целом традиционный уклад жизни, на который заметное влияние оказал принесенный из более восточных мест хасидизм. Ощущалось и определенное влияние польского языка и культуры.

“Лита” (т. е. “Литва”) – вся современная Белоруссия, большая часть Литвы (кроме “Малой Литвы”), восточная часть Латвии (Латгалия), пограничные с Белоруссией районы Псковской, Смоленской и Брянской областей Российской Федерации. Еврейское население этой “страны” отличалось своим, “литовским” диалектом идиша, традиционным, строго религиозным укладом жизни. “Литва” была в ту эпоху духовным центром ашкеназского еврейства, да, пожалуй, и всего еврейского народа. Здесь находились крупнейшие, наиболее авторитетные йешивы, жили выдающиеся религиозные авторитеты. Характерной чертой еврейской Литвы было неприятие хасидизма, хотя в отдельных ее районах это учение получило все же определенное распространение (Хабад – на крайнем северо-востоке, хасидские “дворы” в Полесье и др.).

К югу от “Литвы” располагались три очень близких в культурном отношении “страны”, границы между которыми не были резко очерчены, – “Волынь”, “Украина” и “Подолія”. Еврейская Волынь занимала территорию современных Волынской, Ровенской, Житомирской областей, крайний север Тернопольской, северную часть Хмельницкой, северо-западную часть Киевской области Украины, т. е. охватывала бывшую Волынскую и северную часть бывшей Киевской губернии. Еврейская Украина занимала южные и юго-западные районы Киевской области, правобережные районы Черкасской, северную половину Кировоградской области, т. е. южную часть бывшей Киевской и самую северную часть бывшей Херсонской губернии. К западу от “Украины”, до австрийской границы и Днестра, располагалась “Подолія” – современная Винницкая область, южные и центральные районы Хмельницкой, крайний север Одесской, крайний запад Черкасской, крайний северо-запад Николаевской областей, левобережные, расположенные к востоку от Днестра районы Республики Молдова, т. е. бывшая Подольская губерния. Общим для этих трех “стран” был “украинский” диалект идиша, на который сильное влияние оказал украинский язык. Общим было и страшное наследие XVII века, когда в ходе устроенного бандами Хмельницкого кровавого побоища погибли целые общины, было разрушено еврейское общинное устройство и система образования и воспитания молодого поколения, подрублены самые основы существования еврейского общества. Кровавые погромы повторялись и в XVIII веке, среди них особой жестокостью выделялась т. н. Колиивщина (1768 г.). В результате культурный и образовательный уровень, степень соблюдения религиозных заповедей евреев этих мест были намного ниже, чем в Литве и Польше. Новый духовный заряд евреям этих “стран” дал возникший в XVIII веке в Подоліи хасидизм, который в короткое время стал здесь ведущим религиозным течением, а затем распространился во многих других регионах.

В определенном смысле промежуточное положение между Польшей и Волынь-Украиной-Подоліей занимала еврейская Галиция – современные Львовская, Ивано-Франковская области, большая часть Тернопольской области Украины и юго-восточные районы Польши. Местные говоры идиша в восточной части Галиции тяготели к “украинскому” диалекту, в западной – к “польскому”. Сильное влияние хасидизма, пустившего здесь

глубокие корни, противостояло всё нараставшему влиянию польской и немецкой культуры и языка.

Периферийное место в “еврейской географии” занимали румыно-молдавские земли, еврейское население которых изначально относилось к тому же культурному типу, что и евреи Подолии и частично Галиции и говорило на том же “украинском” диалекте идиша. Немногочисленное еврейское население было сосредоточено здесь на территории бывшего Молдавского княжества: современной северо-восточной части Румынии, Черновицкой области Украины, на территории Республики Молдова к западу от Днестра и в западных районах Одесской области Украины. В описываемую нами эпоху еврейские общины этих земель оказались разделенными государственными границами: в 1775 г. Буковина была включена в состав Австро-Венгрии, в 1812 г. Бессарабия захвачена русскими, земли между Прутом и Карпатами остались в составе Молдавского княжества. Соответственно евреи этих трех районов подвергались разным влияниям: в Буковине крепло влияние немецкого языка, еврейская Бессарабия все более уподоблялась Подолии, в Молдавском княжестве определенное влияние оказывали румынский язык и культура.

Специальный раздел “еврейской” географии Центральной и Восточной Европы – особые, бытовавшие только у евреев названия городов и местечек. Подробно рассматривать эту тему в рамках данной статьи нет возможности. Укажем лишь, что значительная часть городов и местечек имела “еврейские” названия, происходящие от местных польских, литовских или украинских, но отличающиеся от них в фонетическом отношении. Приведем лишь краткий перечень таких названий.

“ПОЛЬША”

польское название

Варшава
 Гура-Кальвария
 Казимеж-Дольны (б. Казимеж)
 Козенице
 Коньске

еврейское название

Варша
 Гур
 Кужмир
 Кузниц
 Кинск

Любартув	Левертов
Опатов	Апта
Пшисуха	Пшисха
Тарлув	Тарла
Тыкочин	Тиктин

“ЛИТВА“

<i>литовское название</i>	<i>польское/белорусское название</i>	<i>еврейское название</i>
Жежмаряй	Жижморы	Жезмер
Укмерге	Вилькомир	Вилкомир
Сведасай	Свядосце	Швадост
Шяуляй	Шавли	Шавл
—	Брест	Бриск
—	Дятлово	Жетл, Житл
—	Индура	Амдур
—	Мстиславль	Амчислав
—	Ружаны	Розиной

ГАЛИЦИЯ

польское/украинское название *еврейское название*

Жешув	Рейша
Кракув (Краков)	Крака
Лежайск	Лижанск, Лизанск
Новы-Сонч	Цанз
Роздол	Розла
Ропчице	Ропшиц

ВОЛЫНЬ-УКРАИНА-ПОДОЛИЯ

польское/украинское название *еврейское название*

Владимир-Волынский (б. Владимир)	Людмир
Изяслав	Заслав
Луцк	Лойцк
Олыка	Алик
Сквира	Сквер

Задача идентификации “географических“ фамилий усложняется распространившейся в России после 1917 года модой на пе-

реименования. Многие старинные города и местечки получали имена вождей нового режима и людей, чьи заслуги режим хотел отметить, или “красивые” названия, соответствующие наступившей эпохе светлого будущего. Характерно, однако, что изгонялись с карты по преимуществу “инородческие” (польские, немецкие, румынские) названия или те, что напоминали о живших здесь “инородцах”. Очевидно, что едва не рухнувшую на рубеже 10-х – 20-х годов империю ее новые правители хотели укрепить, пусть даже и таким косметическим, на первый взгляд, способом, как переименование городов и сел.

Приведем краткий список фамилий, образованных от названий городов и местечек, впоследствии переименованных (надо учесть, что в последние несколько лет, в связи с известными событиями, наблюдается обратная тенденция – многим переименованным населенным пунктам возвращаются их прежние названия):

Богопольский – Богополь, ныне часть города Первомайск (Николаевская обл.)

Германовский – Германовка, ныне Красное 2-е (Киевская обл.)

Голтер – Голта, ныне часть города Первомайск (Николаевская обл.)

Жидовецкий – Жидовцы, ныне Жовтневое (Житомирская обл.)

Жолквер – Жолква, ныне Нестеров (Львовская обл.)

Ляховецкий – Ляховцы, ныне Белогорье (Хмельницкая обл.)

Проскуровский – Проскуров, ныне Хмельницкий (Хмельницкая обл.)

Радзивилловский – Радзивиллов, ныне Червоноармейск (Ровенская обл.)

Слободзейский – Слободзея, ныне Слободка (Одесская обл.)

Сокульский – Сокуль, ныне Сокол (Волынская обл.)

Станиславский – Станислав, ныне Ивано-Франковск (Ивано-Франковская обл.)

Хабенский – Хабно, ныне Полесское (Киевская обл.)

Юзефпольский – Юзефполь, ныне Осиповка (Кировоградская обл.)

Янушпольский – Янушполь, ныне Иванополь (Житомирская обл.)

Из дореволюционных переименований отметим присвоение в 1793 г. древнему городу Звягель нового названия – Новоград-Волынский. В фамилиях Звягельский, Звягильский, Звильский – сохранилась память о старом названии.

* * *

Весьма приблизительно, ибо точной статистики нет, можно определить количественное распределение ашкеназского еврейства по перечисленным выше “странам”. На рубеже XVIII–XIX веков, а вернее, после третьего раздела Польши в 1795 г., когда в Центральной и Восточной Европе установились границы, просуществовавшие до Первой мировой войны, еврейское население насчитывало:

Ашкеназ – 250 тыс.
Унгарн – 100 тыс.
Полин – 200 тыс.
Лита – 350 тыс.
Волынь – 70 тыс.
Украина – 40 тыс.
Подолия – 40 тыс.
Галиция – 300 тыс.
румыно-молдавские земли – 20 тыс.

Среди ашкеназских евреев распространены фамилии, происходящие от названий городов и местечек практически всех этих “стран”. Но в каждой “стране” мы увидим особенности. Прежде всего это касается числа “географических” фамилий, происходящих из того или иного региона.

В нашей картотеке насчитывается ок. 2 500 “географических” фамилий, образованных от названий примерно 900 населенных пунктов Центральной и Восточной Европы. Свыше 400 населенных пунктов, т. е. 45%, расположено на Волыни-Украине-Подолии, 175 (20%) – в Литве, 100 (11%) – в “Эрец Ашкеназ”, 90 (10%) – в Галиции, 80 (9%) – в Польше, 40 (4%) – в румынских землях. Мы видим, что “эпицентром” “географических” фамилий можно считать Волынь, Подолию, Украину. Здесь едва ли не каждое село, не говоря уже о местечках и городах, дало фамилию. Причем многие из происходящих отсюда фами-

лий весьма распространены (напр., Немировский, Грановский, Дашевский). Многочисленны также фамилии, происходящие из Литвы, еврейской Германии, Галиции и Польши. Относительно немного фамилий дали румыно-молдавские земли, совсем уж считанные – еврейская Венгрия.

Объясняются эти различия прежде всего характером расселения евреев в той или иной местности и степенью их мобильности. Чем больше было число населенных пунктов, где евреи жили, и чем интенсивнее протекали процессы миграции, тем больше возникало и закреплялось “географических” фамилий. А миграции еврейского населения в этой части Европы на протяжении XIX века были весьма значительными и шли они, в основном, с севера на юг, из еврейской “Литвы” в Подолию, на Украину и в районы, где евреев прежде почти не было, – в Херсонскую, Екатеринославскую, Таврическую губернии, на левобережье Украины, в Бессарабию. Для примера скажем, что если в 1795 г. еврейская “Литва” была в два с лишним раза многочисленнее еврейской Украины-Подолии-Волыни, то уже в начале 40-х годов соотношение резко изменилось: около 470 тыс. евреев жило в “Литве” и свыше 550 тыс. в украинских губерниях (включая Причерноморье и Бессарабию). В 1897 г. в “Литве” насчитывалось 1 423 тыс. евреев, на юге 2 153 тыс.

Переселенцы несли с собой и свои прозвища и фамилии. Так, на Украине были широко распространены фамилии Слуцкий, Виленский, Оршанский, Брагинский, Пинский, Кричевский, Бродский, Варшавский. Характерно, что почти все они происходят от названий тех городов Литвы, Галиции, Польши, еврейские общины которых пользовались известностью. Если же в далекие от родных мест края попадал еврей, известный у себя дома под прозвищем, образованным от названия какого-нибудь соседнего мелкого местечка, то это прозвище сохранялось за ним на новом месте довольно редко. Здесь об этом местечке никто не слыхал, его название ничего никому не говорило, а зачастую было труднопроизносимым. Если за переселенцем и сохранялось “географическое” прозвище, то оно скорее отражало его “литовское” или “польское” происхождение: его называли Литвак, Литвин, Литауэр, Литвик, Литвер и т. п. или Поляк, Полячок, Польский, Пойлишер и т. п.

Но, очевидно, не менее интенсивными были миграции внутри более мелких регионов, внутри еврейских “стран”, где “геогра-

фическая“ фамилия несла вполне конкретную информацию о ее носителе. Во всяком случае, даже в начале нашего века носители “географических“ фамилий обитали, как правило, в радиусе ста, максимум ста пятидесяти километров от тех населенных пунктов, названия которых легли в основу их фамилий.

* * *

Приведем примеры еврейских “географических“ фамилий, происходящих из разных регионов Восточной и Центральной Европы. В скобках приводится название населенного пункта, от которого образована фамилия. Заметим, что одна и та же фамилия могла возникнуть от названия разных населенных пунктов – одноименных или носящих сходные названия.

ВОЛЫНЬ-УКРАИНА-ПОДОЛИЯ

У к р а и н а

Винницкая область (Для этой области мы приводим довольно представительный список с целью показать, насколько значительным может быть число фамилий, образованных от топонимов относительно небольшого региона.)

Анциполовский–Анцыполовский (Анциполовка)
 Бабчинецер–Бабчиницер (Бабчинцы)
 Барский–Барер (Бар)
 Белопольский–Билипольский (Белополье)
 Бершадский–Бершадер–Бершад–Бершацкий (Бершадь)
 Боровский (Боровка)
 Бортникер (Бортники)
 Борщаговский (Борщаговка)
 Браиловский (Браилов)
 Брацлавский–Браславский–Брасловский–Бреславский (Брацлав;
 возможно, также от Браслав в Витебской обл. Белоруссии)
 Бродецкий–Брадецкий (Бродецкое)
 Булаевский (Булаи)
 Варшицкий (Варшица, с 1969 г. часть Калиновки)
 Верхивкер–Верховский (два села, носящие название Верховка,
 укр. Верхівка)
 Винницкий–Виницкий (Винница)
 Витавер (Витава)
 Вовсяникер (Овсяники, укр. Вівсяники; также в Хмельницкой и
 Кировоградской обл.)

Ворновицкий (Вороновица)
Вышковецкий (Вышковцы)
Гайсинский (Гайсин)
Грабаровский (две Грабаровки)
Грановский (Гранов)
Дашевский (Дашев)
Держанский (Держанка)
Джугастр (Джугастра)
Джуринский (Джурин; также в Тернопольской обл.)
Жабокричский–Жабокрицкий (Жабокрич)
Жорницкий (Жорнице)
Завадивкер–Заведивкер (Завадовка, укр. Завадівка; также в Киевской, Черкасской, Хмельницкой, Тернопольской обл.)
Зозовский (Зозов и Зозовка)
Ивчер (Ивча)
Кабатянский (Кабатня)
Кальницкий (Кальник)
Каролинский (Каролина)
Карповский (Карповка)
Кацмазовский (Кацмазов)
Качановский (Качановка; также в Тернопольской обл.)
Качковский (Качковка)
Китайгородский–Китайгородский (два Китайгорода; также в Хмельницкой и Кировоградской обл.)
Клебанер–Клибанер–Клебанский (Клебань; также Клебаны во Львовской обл.)
Кобылянский (Кобыльня)
Крапивнер (Крапивна; также в Хмельницкой обл.)
Краснянский (Краснянка; также в Киевской обл.)
Куравский (Дружелюбовка, б. Курава)
Ладыженский–Лодыженский (Ладыжин)
Линецкий (Ильинцы, б. Линцы)
Липовецкий (два населенных пункта, носящие название Липовец; также в Киевской и Львовской обл.)
Литинский (Литин; также в Волынской обл.)
Махновский (Комсомольское, б. Махновка, и Красное, б. Махновка)
Медведский (Медведка)
Межиров–Межеровский (Межиров)
Могилевский–Могилёвер–Моливер (Могилев-Подольский; также Могилев в Могилевской обл. Белоруссии)
Монастырский (Марково, б. Монастырское)
Мурафер–Мурахвер (Мурафа, также бывшее предместье г. Бар)
Немировский–Немеровский (Немиров; также во Львовской обл.)

- Новогребельский (Новая Гребля; также в Тернопольской, Хмельницкой, Киевской, Черкасской обл.)
Новофастовский (Новофастов)
Печерский (Печера)
Пиковский (Пиков)
Писаревский (четыре Писаревки; также две в Житомирской, Кировоградской, Одесской, Тернопольской, Хмельницкой, три в Черкасской обл.)
Пищанский–Пещанский–Песчанский (Песчанка, укр. Піщанка; также в Житомирской обл., а также Песчаная, укр. Піщана, в Черкасской, Киевской, Одесской обл., Песчаное, укр. Піщане, в Волынской и Тернопольской обл.)
Погорилер (Погорелая, укр. Погоріла)
Погребиский (Погребище)
Попелюхер (две Попелюхи, а также Яворовка, б. Попелюхи)
Райгородский–Рейгородский–Райгородский (Райгород; также в Черкасской обл.)
Самгородецкий (Самгородок; также в Киевской и Черкасской обл.)
Серебрянский–Серебриер (Серебря)
Снитковский (Снитков)
Стратиевский (Стратиевка)
Талалаевский (Талалаи и Васильевка, б. Талалаевка; также Талалаевка в Черкасской обл.)
Теплицкий (Теплик)
Томашпольский–Томашполь (два Томашполя)
Тульчинский–Тульчинер (Тульчин)
Улановский (Уланов; также в Волынской обл.)
Хмельницкий (Хмельник)
Холодовский (Холодовка)
Цвелиховский–Цвилиховский (Цвелиховка)
Чечельницкий–Чечельникский–Чичельницкий–Чичильницкий (Чечельник; также в Хмельницкой обл.)
Шаргородский–Шароградский–Шаргородер (Шаргород)
Шостаковский (две Шестаковки, укр. Шостаковка)
Юшковецкий (Юшковцы; также во Львовской обл.)
Ямпольский–Ямпольский (Ямполь; также во Львовской, Черкасской, Хмельницкой, Киевской обл.)
Ярусский–Яругский (Яруга; также в Хмельницкой обл.)
Яструбинецкий–Ястрабинецкий–Ястребинецкий (Яструбинцы)

Киевская область

- Белоцерковский (Белая Церковь)
Богуславский (Богуслав)

Боярский–Баярский (Боярка)
Володарский (Володарка)
Дымерский–Дымарский–Дымерец (Дымер)
Золотуский–Золотуский (Золотуха)
Кагарлицкий (Кагарлык)
Качальский (Качалы)
Кошаровский (Кошаровка)
Македонский (Македоны)
Медвинский (Медвин)
Москаленский (Москаленки)
Ольшаницкий (Ольшаница)
Пархомовский (Пархомовка; также в Винницкой обл.)
Плесецкий (Плесецкое, б. Плисецкое)
Пятигорский (Пятигоры)
Сквирский (Сквира)
Ставиский–Ставиский (Ставище; также два населенных пункта в Житомирской обл.)
Тетиевский–Титиевский (Тетиев)
Фастовский–Хвастовский (Фастов)
Хабенский–Хабинский (Полесское, б. Хабно)
Чернобыльский–Чернобельский–Чернобильский (Чернобыль)
Шпитковский–Спитковский (Шпитки)

Черкасская область

Городищер–Городисский–Городыский–Городинский (Городище; также в Брестской и Могилевской обл. Белоруссии)
Жаботинский (Жаботин)
Жашковский (Жашков)
Житницкий (Житники)
Звенигородский (Звенигородка)
Каневский–Коневский (Канев)
Корсунский (Корсунь–Шевченковский, б. Корсунь)
Кочубиевский–Коцубиевский (Кочубеевка)
Лебединский (Лебедин)
Лукашевский–Лукашевкер (Лукашовка, б. Лукашевка)
Лысянский–Лисянский (Лысянка)
Матусовский (Матусов)
Скибинский–Скибин (Скибин)
Сахновский (Сахновка)
Смелянский–Смилянский (Смела, укр. Сміла)
Тальянский–Тальянский–Тальянкер (Тальянка)
Уманский (Умань)
Черкаский–Черкас (Черкасы)

Цесарский–Цессарский (Червоная Слобода, б. Цесарская Слобода)
Шполянский (Шпола)

Кировоградская область

Голованевский (Голованевск)
Златопольский (Новомиргород, в 1959 г. в его состав включен г. Златополь)
Золоторевский–Золотаревский (Золоторевка)
Капитановский (Капитановка)
Могильнер (Могильное; также Могильно в Смоленской обл.)
Хащеватер–Хащеватский–Хащеватский (Хащевато)
Юзефпольский (Осиповка, б. Юзефполь)

Николаевская область

Богопольский (Первомайск, б. Богополь, ныне часть г. Первомайск)
Голтер (Первомайск, б. Голта – ныне часть г. Первомайск)
Красновский (Красновка)
Тридубский (Тридубы)

Одесская область

Байтальский (Байталы)
Балтер–Балтовский (Балта)
Борщер (Борщи)
Загнитковский (Загнитков)
Мошнягер–Мошняцкий (Мошняги)
Одесский–Одесер–Одессер (Одесса)
Переймер (Перейма)
Слободзейский (Слободка, б. Слободзея)
Шляховский–Шляховер (Шляховое)

Житомирская область

Белиловский–Белеловский–Билиловский (Белиловка)
Белокриницкий–Белокреницкий (Белая Криница)
Бердичевский–Бердичев–Бердичевер (Бердичев)
Брусиловский–Бросиловский (Брусилов)
Будиловский (Будиловка)
Веледницкий (Веледники)
Вильскер–Вильский (Вильск)
Вчерайшанский (Вчерайше)
Жидовецкий (Жовтневое, б. Жидовцы; также Чапаевка, б. Жидовцы, в Винницкой обл.)
Житомирский (Житомир)

Звягельский–Звягильский–Звильский–Звагельский
 (Новоград-Волынский, до 1793 г. Звягель, у евреев Звягиль,
 Звиль)
 Карабчиевский–Корабчиевский (Карабчиев, укр. Карабчів;
 также Вел. Карабчиев в Хмельницкой обл.)
 Коднер–Коденский (Кодня)
 Коростышевский–Коростошевский–Корысташевский (Коростышев)
 Котляркер (Котлярка)
 Лецинский–Лицинский–Лецинер–Лицинер (Лецин)
 Любарский (Любар)
 Малаховский (Малаховка)
 Малорацкий (Малая Рача)
 Овруцкий–Овручский–Авруцкий (Овруч)
 Паволоцкий–Поволоцкий–Павлоцкий (Паволочь)
 Полянкер (Полянки)
 Радомышльский–Радомысльский (Радомышль; также в Волынской обл.)
 Ружинский (Ружин; также в Волынской обл.)
 Скаковский (Скаковка)
 Сынгаевский–Сингаевский (Сынгаевка, Сынгаи)
 Трояновский (Троянов; также Трояновка в Волынской и Минской обл.)
 Ушомирский (Ушомир)
 Черняховский (Черняхов; также в Киевской обл.)
 Янушпольский (Иванополь, б. Янушполь)

Хмельницкая область

Анапольский–Ганапольский–Ганопольский–Гонопольский–
 Аннопольский (Аннополь, укр. Ганнопіль;
 также в Винницкой, Кировоградской, два в Житомирской обл.)
 Белогородский (Белогородка; также в Киевской и Ровенской обл.)
 Вахновецкий (Вахновцы; также в Черновицкой обл.)
 Вишнопольский–Вьшнепольский–Вишнепольский (Вишнополь,
 укр. Вишнопіль; также в Черкасской обл.)
 Войтовецкий (Войтовцы; также в Винницкой обл., и Ждановка,
 б. Войтовцы в Винницкой обл.)
 Городецкий (Городок; также во Львовской, Винницкой, два
 в Волынской, Житомирской, два в Ровенской, Тернопольской,
 Витебской обл.)
 Жванецкий (Жванец)
 Заславский (Изяслав, у евреев Заслав; также Заславль
 в Минской обл. Белоруссии)
 Каменец–Каменец–Каменецкий–Каминицкий–Каминецкий–
 Каменцер (Каменец-Подольский; также Каменец в
 Брестской обл. Белоруссии)
 Летичев–Литичевский–Летичевский (Летичев)

Ляховецкий (Белогорье, б. Ляховцы)
 Меджибожский–Межибежер (Меджибож)
 Остропольский (Старый Острополь)
 Полонский–Полонер (Полонное; также в Ровенской обл., а
 также Полонка в Волынской, Гродненской, Брестской
 обл., Полоная в Гродненской обл. Белоруссии)
 Проскуровский (Хмельницкий, б. Проскуров)
 Славутский (Славута)
 Тафипольский (Теофиполь)
 Шепетовский (Шепетовка)

Ровенская область

Березнер–Брезнер (Березно)
 Высоцкий (Высоцк)
 Дубнер–Дубнов (Дубно)
 Карачунский (Карачун)
 Карпиловский (Карпиловка)
 Корец–Кориц–Корецкий (Корец)
 Межерицкий–Мезерицкий–Мижерицкий–Межеричер (Межирич)
 Радзивилловский (Червоноармейск, б. Радзивиллов)
 Ровенский–Ровинский (Ровно)

Волынская область

Белинский (два населенных пункта, носящих название Белин)
 Буянер (Буяны)
 Ковлер (Ковель)
 Колкер (Колки; также в Житомирской, Ровенской, Хмельницкой обл.)
 Лукацкий–Лукачер (Локачи, у евреев Лукач)
 Луцкий–Луцкин–Луцкер–Лойцкер (Луцк, у евреев Луцк, Лойцк)
 Людмир–Людмер–Лодмир–Людмирский (Владимир-Волынский,
 у евреев Людмир, Лодмер)
 Оппалинер (Опалин)
 Олыкер (Олыка)
 Сокульский (Сокол, б. Сокуль)

Республика Молдова

Дубоссарский–Дубосарский (Дубоссары)
 Тираспольский (Тирасполь)

“ЛИТВА“

Литовская республика

Антокольский–Антаколец (два населенных пункта, носящих
 название Антакальнис, а также р-н Вильнюса)

Балтупский–Болтупский (Балтупяй, ныне район Вильнюса)
 Бальбериский–Бальберийский–Барбериский (Бальберишкис)
 Векснер (Векшняй)
 Вержболовский (Вирбалис, б. Вержболово)
 Визун (Вижунос, у евреев Визун, Вижун)
 Вилькомирский–Вилкомирский–Вилькомир–Вилкомир
 (Укмерге, б. Вилькомир)
 Вильнер–Виленский–Виленчик–Виленкин (Вильнюс)
 Жезмер–Жижмор–Жизмор (Жежмаряй, у евреев Жезмер)
 Кальвариский (Калвария)
 Ковнер–Ковенский–Ковенчик (Каунас)
 Кретингер (Кретинга)
 Намакштанский (Немакшчай)
 Посвольский–Пасвольский–Посволь (Пасвалис)
 Пренский–Пренер–Прен (Пренай)-
 Пумпянский–Помпянский–Пумпянер (Пумпенай)
 Салант-Салантер (Салантай)
 Свядоц (Сведасай)
 Скирстымонский (Скирснямуне)
 Тверский (Твярай)
 Троцкий–Троцкин (Тракай, б. Троки)
 Ушполь (Ужпаляй, б. Ушполь)
 Шавельский (Шауляй)
 Ширвинд–Ширвиндт–Сирвинт (Ширвинтос)
 Шкуд (Скуодас, б. Шкуды)
 Эйшицкий (Эйшишкес)
 Янискер (Ионишкис, б. Янишки)

Белоруссия

Гродненская область

Быстрицкий (Быстрица)
 Гродзенский–Гродзинский–Гродненский–Гроденский–Гродинский–
 Гродно–Гродзенчик–Гроднер (Гродно)
 Дзендзельский–Дзенцельский–Дзенциольский–Житловский–
 Жетловский (Дятлово, пол. Здзенцёл, у евреев Жетл, Житл)
 Жирмунский (Жирмуны)
 Индурский–Амдурский–Андурский–Амдур–Индур–Амдурер (Индура)
 Клевицкий (Клевица)
 Лидский (Лида)
 Мирский–Мирер (Мир)
 Новогрудский–Новогруцкий–Новогродский–Новогрудкер (Новогрудок)
 Ошмянский–Ошмян (Ошмяны)
 Радунский (Радунь)

Рожанский (Рожанка)
Слоним–Слонимский–Слонимчик (Слоним)
Сморгонский–Сморгон–Шморгонер–Шмаргонер (Сморгонь)
Турецкий–Турец (Турец; также в Минской обл. и Турек в Польше)

Брестская область

Антопольский (Антополь)
Брискер (Брест, у евреев Бриск, Бриск де-Лита)
Карлинер–Карлинский–Карлин (Карлин, ныне часть Пинска)
Кобрин–Кобринский–Кабринский–Кобринер–Кобринец (Кобрин)
Косовский–Коссовский–Косовер–Косевер (Коссово; также Косов в
Ивано-Франковской обл. Украины)
Ляховицкий (Ляховичи)
Пинский–Пинскер–Пинчук–Пинск (Пинск)
Пружанский–Пружан (Пружаны)
Ружанский–Розеноер–Розиноер–Розинер (Ружаны, у евреев Розиной)
Столин–Столинский (Столин)
Хомский (Хомск)
Шерешевский–Шершевский–Шарошевский (Шерешево)

Минская область

Воложинский–Воложинер (Воложин)
Грозовский–Гразовский (Грозово)
Долгиновер–Долгинов (Долгиново)
Клецкий–Клецк–Клецкин (Клецк)
Кривицкий (Кривичи)
Минский–Минскер (Минск)
Раковский–Раковер (Раков)
Свирский (Свирь)
Слуцкий–Слуцкер–Слуцкин (Слуцк)
Старобинец–Старобин (Старобин)

Витебская область

Витебский (Витебск)
Дубровнер (Дубровно)
Камайский–Комай (Камаи)
Линтуп (Льнтупы)
Обольский (Оболь)
Оршер–Оршанский (Орша)
Полоцк–Полоцкий (Полоцк)
Поставский (Поставы)
Радуцкий (Радута)

Могилевская область

Амханицкий–Имханицкий (Мхиничи, б. Амхиничи)

Амчиславский–Анчиславский–Амстиславский (Мстиславль, у евреев
Амчислав)

Быховский–Быховер (Быхов)

Глускер–Глускин (Глуск)

Климовицкий (Климовичи)

Кличевский (Кличев)

Кричевский–Кричевер (Кричев)

Татарский–Татаркер (Татарка)

Чаусовский–Чаус (Чаусы)

Чериковер (Чериков)

Шкловский–Скловский–Шкловер–Скловер–Шкловин (Шклов)

Гомельская область

Брагинский–Брагин (Брагин)

Гомельский (Гомель)

Лоевский (Лоев)

Рогачевский–Рогачовер (Рогачев)

Рогинский–Рагинский (Рогинь)

Туровский–Туровер (Туров)

Чечерский (Чечерск)

Л а т в и я

Динабург–Динабургский–Динобургский (Даугавпилс, нем. Dünaburg)

Р о с с и й с к а я Ф е д е р а ц и я**Псковская область**

Невельский (Невель)

Томсинский–Томшинский (Томсино)

Смоленская область

Смоленский–Смоленскин (Смоленск)

Брянская область

Стародубский (Стародуб)

“АШКЕНАЗ“**Ф р а н ц и я (Э л ь з а с)**

Штрассберг–Штрассбург–Стразберг–Штрассбергер–Штрассбургер
(Страсбур, нем. Strassburg)

Германия

Ансбах–Анспах–Ансбахер (Ансбах)
Ауэрбах–Авербах–Авербух–Урбах–Орбах–Вербух–Вербук–
Авербахов (Ауэрбах)
Бамбергер (Бамберг)
Бахарах–Бахрах–Бахрак (Бахарах)
Берлинер–Берлинский (Берлин)
Бранденбург–Бранденбургский (Бранденбург)
Вайль–Вайл–Вайлер (Вайль-дер-Штадт)
Варбург (Варбург)
Вертгейм–Вертейм–Вертгеймер (Вертхайм)
Вирицбург–Вирицбургер (Вюрицбург)
Вормс–Вормсер–Вермайзер–Гермайзе (Вормс, у евреев Вермайза,
Гермайза)
Гальберштадт (Хальберштадт)
Гальперин–Гейльприн–Гельперин–Гельперн–Гальперн–Альперин–
Эльперин–Альперн–Эльперн–Ельперн (Хайльбронн)
Гамбург–Амбург–Гамбургер (Гамбург)
ГанOVER (Ганновер)
Гильдесхаймер (Хильдесхайм)
Гинзберг–Гинцбург–Гинсберг–Гинсбург–Гинцберг–Гинцбург–
Кинсберг–Гиндзберг–Гинсбарг–Гинзбарг–Гинзбургский–
Кинзбургский (Гюнцбург)
Даненберг–Дененберг (Данненберг)
Дрезднер–Дрезнер–Дрейзнер (Дрезден)
Кандель (Кандель)
Карльбах–Карлебах–Карлибах (Гросс-Карльбах)
Кассель–Кассиль (Кассель)
Каценельнбоген–Каценеленбоген–Канценелинбойген–Каценельбоген–
Каценеленбоген–Каценелленбоген–Каценбоген–Каценбогин
(Каценельнбоген)
Киссингер (Бад-Киссинген)
Кобленц (Кобленц)
Крумбах (Крумбах)
Ландау–Ландой–Ланда–Ланде–Ляндау–Ландо–Лянда–Лянде–Ляндо–
Ландаус–Ландауэр–Ландер (Ландау)
Нюрнберг–Нюренберг–Нирнберг–Ниренберг–Ниремберг–
Ниренберчик–Ниренбергов–Ниренберский (Нюрнберг)
Оппенгайм–Оппенгейм–Оппенхайм–Оппенгайммер–Оппенгеймер
(Оппенхайм)
Оффенбах–Офенбах (Оффенбах)
Ростокер (Росток)
Ротенбург (Ротенбург)

Руппин (Нойруппин и Альтруппин)
 Тривас–Тривус–Тривуш–Трейвас–Трейвасс–Трейвиш–Трейвус–
 Трейвуш–Тревис–Триваш–Дрейфус (Трир)
 Фойхтвангер–Фейхтвангер (Фейхтванген)
 Франкфурт–Франкфуртер (Франкфурт)
 Фульда–Фульд (Фульда)
 Цунц–Цунзер (Цонз)
 Эмден–Эмдин–Емдин (Эмден)
 Эпштайн–Эпштейн–Апштейн (Эппштайн)
 Эттинген–Эттенген–Эйтингон–Эттингер–Этингер (Эттинген)

Швейцария

Цюрих–Цурих (Цюрих)

Австрия

Айзенштадт–Айзенштат–Эйзенштадт–Айзенштадтер (Айзенштадт)
 Вин–Винер–Виннер (Вена)

Чехословакия

Чехия

Брандайс–Брандейс–Брандес–Брандис–Брандус (Брандис,
 нем. Brandeis)
 Горовиц–Горвиц–Гурвиц–Гурвич–Гуревич–Гуревец–Гуревич–
 Гурувич–Урвич–Гуровиц–Гирвич–Уревич (Горжовице,
 нем. Horowitz)
 Праг–Прагер (Прага, нем. Prag)
 Фридланд–Фридланд–Фридландский–Фридланский–Фридлендер
 (Фридлант, нем. Friedland)

Моравия

Айбеншиц–Айбеншюц–Эйбеншюц–Айбешиц–Эйбшюц–Эйбошиц
 (Иванчице, нем. Eibenschitz)
 Гойтейн (Коегин, нем. Kojetein)
 Никольсбург (Микулов, нем. Nikolsburg)
 Оломуцкий (Оломоуц)
 Остерлиц (Славков, нем. Austerlitz)
 Пулицер (Полице, нем. Pullitz)
 Требиц–Трейбиц–Трайбиц–Трейвич (Тршебиц, нем. Trebitsch)
 Штайниц (Жданице, нем. Steinitz)

Польша

Бреслау–Бреслауэр–Бресслер–Бреслер–Вроцлавский (Вроцлав,
 нем. Breslau)

Бромберг–Бронберг–Брумберг–Броннберг–Брунберг–Бромбергер
(Быдгощ, нем. Bromberg)
Глогер–Глоговский (Глогув, нем. Glogau)
Грец (Гродзиск, нем. Grätz)
Дангиц–Данцигер–Данцир–Данцкер–Данскер–Данцагер–Гданьский
(Гданьск, нем. Danzig)
Кольберг (Колобжег, нем. Kolberg)
Позен–Позин–Познер–Пойзнер–Певзнер–Познанский (Познань,
нем. Posen)
Торн–Торнер–Торунчик–Тороньчик (Торунь, нем. Thorn)
Штетнер (Щецин, нем. Stettin)
Эльбингер (Эльблонг, нем. Elbing)

Российская Федерация

Калининградская область

Кёнигсберг–Кенигсберг–Кёнигсбергер–Кенигсбергер (Калининград,
нем. Königsberg)

Латвия

Митавер–Митавский (Елгава, нем. Mitau)
Ригер–Ригерман–Рижский (Рига)

ГАЛИЦИЯ

Польша

Горлицкий–Горлицер (Горлице)
Дукельский–Дуклер (Дукля)
Дыновский–Дыновер (Дынув)
Краков–Краковьяк–Краковьяк–Краковер–Кракауэр–Краковский
(Краков, нем. Krakau)
Пшеворский (Пшеворск)
Решевский–Райшер (Жешув, у евреев Рейша)
Рымановский (Рыманув)
Тарновский–Тарно (Тарнув, у евреев Тарна)
Ярославский–Ярославец (Ярослав)

Украина

Львовская область

Брод–Бродер–Бродский–Броцкий (Броды)
Дрогобычгер–Драгобицкий (Дрогобыч)
Дунаевский (Дунаев)
Жолкевский–Жолквер–Жолковер (Нестеров, б. Жолква)

Злочовер–Злочивер–Слочивер–Злочевский (Золочев, пол. Злочув)
 Лемберг–Лемберк–Лембергер–Лемберский–Львовский (Львов,
 нем. *Lemberg*)
 Сасовер (Сасов)
 Стрыер (Стрый)
 Стрелискер (Новые Стрелища, б. Стрелиски, у евреев Стрелиск)
 Тартаковский–Тортаковский–Тартаковер (Тартаков)
 Фельштинский–Фельштинер (Фельштин)
 Ходоровский–Ходоров (Ходоров)
 Шумячер–Шумяцкий (Шумяч)

Тернопольская обл.

Борщевский–Борщивер (Борщев; также в Житомирской обл.)
 Вишневецкий–Вишнивецкий (Вишневец)
 Гусятинер–Гусятинский–Усятинский (Гусятин; также
 в Хмельницкой обл.)
 Зборов–Зборовер–Зборовский (Зборов)
 Кременецкий–Кременицер–Кременцер (Кременец)
 Подгаецкий–Подгаец (Подгайцы; также в Волынской и Ровенской
 обл.)
 Тернопольский–Тарнапольский–Тернополь–Тернополер (Тернополь,
 пол. Тернополь)
 Трёмбовлер (Теребовля, пол. Трёмбовля)

Ивано-Франковская область

Галицкий (Галич)
 Городенкер–Городенский (Городенка)
 Долинский–Долинер (Долина)
 Коломеер–Коломинский–Колеминский (Коломыя)
 Китовер (Куты, у евреев Китов)
 Станиславский (Ивано-Франковск, б. Станислав)
 Тесменицкий–Тиссминицер (Тысменица)
 Троицкий–Троецкий (Троица)

“ПОЛИН”

П о л ь ш а

Бельский (Бельск-Подляски)
 Билгорай (Билгорай)
 Бяла–Бялер–Бяльский (Бяла-Подляска)
 Бялостоцкий–Белостоцкий–Бялысток–Бялостокер (Белосток,
 пол. Бялысток)

Варшавский–Варшавяк–Варшавчик–Варшавер–Варшауэр–Варшер
(Варшава, нем. Warschau, у евреев Варша)
Венявский (Венява)
Влодавский–Влодавер (Влодава)
Гомбинский–Гомбинер–Гумбинер (Гомбин)
Граевский (Граево)
Дзялошинский (Дзялошин)
Заблудовский–Заблодовский (Заблудув)
Замбровский (Забрув)
Казимирский–Кушмерский (Казимеж-Дольны, б. Казимеж,
у евреев Кужмир)
Калиш–Калишер–Кулишер (Калиш)
Коцкий–Коцкер (Коцк)
Крынский–Кринский (Крынки)
Кутнер (Кутно)
Лаговский–Лаговер (Лагув)
Ласкер (Ласк)
Левертв–Левертвский–Левартвский (Любартув, у евреев Левертв)
Липскер–Липский (Липск)
Ломжер (Ломжа)
Люблин–Люблинский–Любельский–Люблинер–Любельчик (Люблин)
Непорент (Непорент)
Опатовский–Апатовский (Опатув, у евреев Апта)
Пётроковский–Питроковский–Пьотрковский (Пётркув-Трыбунальский)
Пинчевский–Пинчвер (Пиньчув)
Плонскер–Плонский (Плоньск)
Плоцкер–Плоцкий (Плоцк)
Пшисухер (Пшисуха)
Радомский (Радом)
Сандомирский (Сандомир)
Седлецкий–Сидлецкий–Шидлецкий (Седльце)
Тарло–Тарле (Тарлув, у евреев Тарла)
Тыкочинский–Тыкоцинский–Тиктин–Тиктинский–Тыкоцин (Тыкоцин,
у евреев Тиктин)
Хелемский–Хелемер–Хелимер (Хелм)
Ченстоховский (Ченстохова)
Чехановер–Чехановский (Цеханув)

РУМЫНО-МОЛДАВСКИЕ ЗЕМЛИ

У к р а и н а

Черновицкая область

Вижницер (Вижница)

Рашковский–Рошковский (Рашков; также в Ивано-Франковской обл., Рашково в Республике Молдова, Рашкув в Польше)
 Садогурский–Садигурский–Сандигурский (Садгора, б. Садагура, ныне часть г. Черновцы)
 Хотин–Хотинер–Котинер–Хотинский (Хотин)
 Черешский (Череш)
 Черновиц–Чернович (Черновцы)

Румыния

Брайлян (Брэила)
 Мойнештер (Мойнешти)
 Текучану (Текуч)
 Фокшанский–Фукшанский–Фокшанер (Фокшани)
 Ясский (Яссы)

Республика Молдова

Бахмутский–Бахмуцкий (Бахмут)
 Белецкий–Бельцер (Бельцы)
 Бендерский (Бендеры)
 Гриманкауцкий (Гриманкауцы)
 Дондышанский (Дондюшаны)
 Каушанский–Каушанер (Каушаны)
 Кишиневский (Кишинев)
 Корнештяну (Корнешты)
 Липканский (Липканы)
 Маловатский (Моловата)
 Машкауцан (Машкауцы)
 Молокишер (Бол. Молокиш и Мал. Молокиш)
 Петрушанский (Петрушаны)
 Сусленский (Суслены)
 Талмазский (Талмаз)
 Тырновский (Тырново)

“УНГАРИ”

Чехословакия

Словакия

Прессбург–Прессберг–Прессбургер (Братислава, нем. Pressburg)

* * *

Следует отметить, что “географические” фамилии не являются, конечно, исключительным достоянием евреев. Распростра-

нены они в той или иной степени также и среди многих европейских народов. Хотя из-за меньшей мобильности нееврейского населения, крестьянского в большинстве своем, процент “географических” фамилий у него ниже. Тем не менее, фамилии, которые зачастую воспринимаются как еврейские, такие как Слуцкий, Любарский или Полонский, встречаются также у украинцев, белорусов, поляков.

К числу таких фамилий, имеющих и у евреев, и у неевреев, относится большинство “географических” фамилий, образованных при помощи славянских суффиксов *-ский, -ец, -чик* и др. от названий населенных пунктов еврейской Литвы, Польши, Галиции, Волыни, Подолии, Украины. Исключение составляют те фамилии, в которых отразилось еврейское, отличное от польского, украинского и т. д., название города или местечка. Так, фамилии Амдурский, Амчиславский, Людмирский едва ли могут принадлежать неевреям.

Точно так же фамилии, образованные при помощи немецкого суффикса *-ер* от названий населенных пунктов в “Эрец Ашкеназ”, могут принадлежать как евреям, так и неевреям. Во всех областях этой обширной “страны” проживало многочисленное немецкое население, в среде которого “географические” фамилии возникали по той же схеме, что и у евреев. Совершенно иначе обстоит дело в более восточных районах, в Подолии, в Литве и т. д., где немцев было мало, и фамилии типа Вильнер, Олыккер, Пинскер, Шапиевкер возникали исключительно среди евреев.

Любопытную группу представляют бессуффиксные “географические” фамилии, когда фамилией становится само географическое название. Фамилии этого типа происходят, в основном, из “Эрец Ашкеназ” и из Литвы. Приведем лишь несколько примеров. В “Эрец Ашкеназ”: Бахрах, Гамбург, Горовиц, Грец, Данциг, Кенигсберг, Нюрнберг, Оффенбах, Праг, Франкфурт, Эмден, Эттинген. В Литве: Брагин, Жезмер, Кобрин, Салант, Слоним, Сморгон, Столин, Турец, Ширвиндт, Шкуд.

Совершенно уже особняком стоят фамилии, образованные от названий городов, которые расположены за пределами “еврейской” Европы. К ним относятся такие фамилии как Копенгаген, Лондон, Москвер, Парижский, Петербургский, Стамбульчик. Такие фамилии могли возникнуть естественным путем, как и прочие “географические” фамилии, – выходца из Стамбула назы-

вали Стамбульчиком, а из Лондона – Лондоном. Но происхождение их могло быть и иным. Так, если человек вел, например, торговлю со Стамбулом или Лондоном или провел там какое-то время, прозвище Стамбульчик или Лондон могло сопровождать его до конца жизни.

Особой категорией являются фамилии, образованные от названий стран, исторических областей, культурно-этнографических регионов. У ашкеназских евреев встречаются, например, такие фамилии:

- Арнаут (“албанец”)
- Байер–Баер (“баварец”)
- Бем (нем. *Böhm* – “чех”)
- Валах–Волах–Волошин–Влох–Блох (выходец из романских стран, польск. *włoch* – “итальянец”, укр. волошин, волох – “румын”)
- Волынский–Волынец (“выходец с Волыни”)
- Гесс–Гессен (выходец из немецкой земли Гессен)
- Голланд–Голендер–Олендер (“голландец”)
- Грузинер (идиш. *грузинер* – “грузин”)
- Денмарк (выходец из Дании)
- Дойч–Дейч–Дайч–Тайц–Дайчман–Дойчер–Тайчер (“немец”)
- Крым–Крымер (“выходец из Крыма”)
- Курлянд–Курляндский–Курлянчик (“выходец из Курляндии“, западной части Латвии)
- Куявский (“выходец из Куявии“, исторической области в центральной Польше)
- Лендель (венг. *lengyel* – “поляк”)
- Литвак–Литвин–Литвик–Литауэр–Литвер–Литвинов
- Люксембург–Люксенберг
- Мазур–Мазовецкий (“выходец из Мазурии“, исторической области в центральной Польше)
- Марокко–Мароко
- Молдован–Молдавер–Молдавский (выходец из исторической Молдавии)
- Моравчик (“выходец из Моравии“)
- Немец–Немчик–Немченок
- Ойстрах–Австрийх–Остеррайхер–Эстрайхер (“австриец”)
- Подольский–Подолер (“выходец из Подолии“)
- Полещук–Полищук–Полишук (“выходец из Полесья“)

Поляк–Полячок–Польский–Пойлишер
Португали–Португал–Португалов–Португейс
Прусс–Прусман–Прусак (“выходец из Пруссии”)
Румейнер (идиш. *руменер* – “румын”)
Русак–Руснак–Русин–Русинек–Руслендер (“выходец из русских земель” – как правило, с Украины или из Белоруссии, а не из России)
Сербин (укр. сербин – “серб”)
Сфард (“выходец из Испании” или вообще – “сефардский еврей”)
Унгер–Венгер (“венгр”)
Француз–Француз–Франк–Френкель
Чех–Чешский
Швайцер (“швейцарец”)
Шлезингер–Шлионский–Шленский (“выходец из Силезии”)
Энгландер (“англичанин”)

* * *

“Географические” фамилии распространены среди ашкеназских евреев довольно широко: в среднем они составляют 15%–20% всех фамилий. Труднее сказать, какой процент живущих ныне ашкеназских евреев носит “географические” фамилии, но представляется, что он также близок к 15%–20%.

Бурные события еврейской истории XX века привели к тому, что большинство ашкеназских евреев живет сегодня за пределами территории их давнего расселения, за пределами “еврейской” Европы. В места нового рассеяния и на Родину, в Эрец-Исраэль, они принесли с собой, в частности, и свои “географические” фамилии – живое свидетельство о почти исчезнувшем сегодня мире.

КУЛЬТУРА

И. Земцовский

В МИРЕ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКИ

А кинд из а гóлдене...
(Дитя золотое...)

Из еврейской народной песни

Благодаря странностям советской истории граждане СНГ переживают сегодня интереснейшую эпоху великих и разнообразных культурных открытий. Мы открываем для себя то, что по тем или иным причинам было скрыто от нас или преподносилось в искаженном облике: новые имена, новые художественные произведения и даже новые национальные культуры. К последним относится одна из древнейших культур человечества,— в сентябре 1992 года она отметила по своему религиозному календарю 5753 год,— культура еврейского народа.

Мы кое-что знаем о драматических и трагических страницах еврейской истории и гораздо меньше — о героических и лирических. Мы даже позволяем себе забывать, что Библия, чье воздействие на все стороны культуры народов земли беспрецедентно и непреходяще,— создание евреев. Библия — это, по словам Генриха Гейне, «портативное отечество еврея»¹, как и Талмуд — тот самый многотомный Талмуд, наполненный народными сказаниями, поверьями, заклинаниями, поговорками, информацией о бесчисленных народных празднествах и обрядах, обычаях и традициях, тот самый Талмуд, от которого, по словам С.Грачотти, «берет свое начало почти вся культура (со всем миром верований и легенд) средневековой и постсредневековой Европы»². А если это правда, а это действительно так, то как же мы обедняем себя, не сознавая всей мощи еврейского наследия, не вдумываясь в его глубину и актуальность!

Заманчиво было бы воссоздать на этих страницах все многогранное здание еврейской музыки устной традиции в ее неотрывности от духовного богатства еврейского народа — заманчиво, но, увы, невыполнимо. Мы ведь снова спустя десятилетия только в начале большого пути, а начинать надо с азов или, как говорили когда-то, с ликбеза. Будем же, как дети, радоваться своим первым и робким шажкам!

Сделаем первый шаг и посмотрим, сколько этажей в том здании, которое мы пытаемся хотя бы внешне описать.

В его фундаменте мы видим Библию — по-еврейски Танах, основная часть которой — Тора, или Пятикнижие, — уже со времен Эзры (то есть с V в. до н.э.) читалась в Иерусалиме всенародно и нараспев. Так складывалась традиция омузыкаливания священного текста, иначе говоря — *кантилляция*, ставшая основой основ еврейской музыкальной речи, и не только еврейской. Очевидно родство григорианских песнопений раннехристианской церкви с традиционными кантилляциями сохранившихся вавилонских и йеменских евреев. Не менее очевидно и типологическое родство с ними традиционного для мусульман распевного чтения Корана. Эта древнейшая традиция, несмотря на нововведения, жива: она в генах всякого читающего Тору. И сегодня евреи, почти пропевая молитвенные тексты, раскачиваются, как 25 веков назад...

До того как попасть на первый этаж, где древнейшие музыканты-профессионалы — *левиты* — творят храмовую музыку, познакомимся с сохранившимися документами. Любопытно, что в Библии отсутствуют упоминания о чужеземных певцах или музыкантах. С воцарения Давида, сына легендарного царя Соломона, из 38 тысяч левитов не менее четырех тысяч были определены в музыканты: они делились на 24 группы с 12 руководителями. Во время храмовых торжеств к ним присоединялись еще 120 священников с трубами. «И были как один трубящие и поющие, издавая глас единый к восхвалению и славословию Г-да»³. И позже собирались музыканты-левиты с «давидовыми инструментами», которые образовывали, по еврейской традиции, два хора и пели чередуясь, антифонно, «противостоя друг другу».

Древний Израиль был отмечен высоким уровнем музыкально-литургической организации: в храмовой службе использовались многочисленные хоровые группы и музыканты-инструменталисты, применявшие трубы, лиры, арфы, колокольчики,

ударные, деревянные духовые. Так было примерно с 1300-х гг. до н.э. до 70-х гг. н.э.

Пройдем все же по собранию письменных свидетельств о музицировании Древнего Израиля, где, по словам Курта Закса, пел, играл и танцевал весь народ. Один из древнееврейских псалмов дает такое представление о музыкальной процессии своего времени: впереди идут певицы, за ними — струнный оркестр, окруженный девушками с тимпанами. В исторических книгах можно прочесть о толпе пророков, пророчивших под звуки гуслей, тимпан, флейты и цитры, ибо «когда музыкант касается струн, рука господня осеняет его»⁴.

По библейскому преданию, начало музыкального искусства было положено пастухами и первым музыкальным инструментом был бараний рог (по-еврейски «шофар»). Сказано: «...от вола получается семь голосов: два его рога — две трубы, два бедра — две свирели, его кожа — для тимпана, его кишки — для гуслей»⁵. Задолго до профессиональных музыкантов народ использовал свои самодельные инструменты: древнееврейские книги донесли до нас рассказы о «музыкальной лопате» с отверстиями — с ее помощью издавали приятные звуки; о барабанах, которые получали, натянув пергамент на любую посуду, и т.д.

Второй этаж — после разрушения второго храма (70-е гг. н.э.), когда резко возросло значение синагог не только как молитвенного дома, но и как центра всей духовной жизни евреев. На протяжении многих веков в синагоге звучала исключительно вокальная музыка (лишь в начале XIX в. сторонники реформ в Германии стали вводить в синагогу орган). На смену массовых торжеств храма пришли профессиональные певцы молитв, так называемые *хаззаны* (в Европе их стали величать канторами), в их среде на рубеже VIII—IX вв. сложилась своя система пения — *хаззанут*.

Синагогальная музыка — это вторая, после кантилляции, огромная область еврейской традиции, еще более активно менявшаяся на протяжении веков. В ее недрах сложились многие характерные формы исполнения — сольное пение, соло с репликами хора (так называемое респонсорное пение), хоровое исполнение без солиста, часто в виде диалога двух полухоров (так называемый антифон), и другие. Здесь возникли разнообразные жанры музыкальной литургии и целые музыкальные кодексы годовых праздников. Это было живое искусство, реагировавшее на запросы времени. Впоследствии кое-где оно

стало отходить от первоосновы в угоду меняющемуся вкусу прихожан, но все же музыкальный облик еврейской литургии оставался столь характерным, что мог быть воссоздан даже в форме скрипичной сонаты «Синагога» самого Никколо Паганини! И совсем недавно Эфраим Севела в цикле рассказов «Моя Цацкес — знаменосец» заметил об одном из своих героев, бывшем канторе, а потом армейском запевале: «Что бы Фишман ни пел, он по профессиональной привычке вытягивал на синагогальный манер со сложными фиоритурами и знойным восточным колоритом...»⁶

Об этом своеобразном музыкальном мире прекрасно писал в одной из неопубликованных статей М.Ф.Гнесин: «Думается мне, что ныне заканчивается «эпоха великих канторов» — этот знаменательный момент, когда поток культуры общей и музыкальной впервые сливает свои воды с не усохшими еще водами в озере наивной веры... И еще думается мне, что мы, люди «эпохи всяческих переломов» (статья писалась в 1929 г. — Ч.З.)... по непростительному заблуждению не заметили в синагоге, пропустили явление редкой красоты и значительности — цвет подлинного лирического творчества в личностях и проявлениях великих канторов!»⁷

Трудно покинуть этот этаж еврейского музыкального дома — столько в нем красоты музыкальных открытий. Давид Черномордилов, активист знаменитого петербургского Общества еврейской народной музыки (с 1908 г.), вспоминал в энциклопедической статье об одной из концертных форм синагогальной музыки, когда по обе стороны хаззана стояли «зингер» и «бас» (мальчик с чистым дискантом и мужчина с низким грудным голосом), которые импровизировали, подпевая хаззану, «подражая пчелам и птицам, стараясь воспроизводить звуки флейты, фагота или ныне исчезнувшего серпента и давая выход необузданной фантазии в мелодичных пассажах». Среди знаменитых канторов были поистине легендарные музыканты. В их числе и Гершон Сирота — «еврейский Карузо», первый из записавшихся на граммофонные пластинки, выступавший даже перед Николаем II и его семьей; и Йозель Страшавский, по прозвищу «Виленский молодежен», который брал уроки у Станислава Монюшко и по его совету выступал в концертах; и Авраам Дунаевский, дедушка композитора И.О.Дунаевского; и прославленный реформатор Соломон Зулцер, потрясший самого Листа, оставившего о нем часто цитируемые восторженные строки в своей книжке о музыке цы-

ган; и Элизер Герович — М.Гнесин посвятил ему специальное исследование...

Поднимемся чуть выше — на этаж музыки устной традиции. Это целый лабиринт музыки быта, не связанной с религиозными праздниками местом и временем исполнения. Позволим себе остановиться, чтобы сознать, чем объясняется такая, на первый взгляд ошарашивающая стилевая пестрота этой музыки, звучащей на свадьбах и во время работы, в субботних семейных застольях, создаваемая уже не только мужчинами, как музыка первых этажей, но буквально всем народом.

Еврейский фольклор отражает историю создавшего его народа. Вспомним: на родине израильтяне жили до начала арабского завоевания (636 г. н.э.), после чего началась многовековая эпоха тяжкого рассеяния, так называемого *галута*, то есть изгнания — бесконечной цепи угнетений, преследований, геноцида, и — как ответ — сопротивления, борьбы, веры. Самые же ранние переселения начались после трагических разрушений Первого (586 г. до н.э.) и Второго (70 г. н.э.) иерусалимских храмов.

Галут привел к диаспоре (от греч. «рассеяние»), и в результате еврейские общины возникали чуть ли не повсеместно. Судьба их складывалась по-разному, вплоть до появления разных бытовых и фольклорных языков (ладино, идиш и др.), различных самоназваний при сохранении иврита в качестве языка богослужения. Наиболее крупные исторические массивы еврейской диаспоры могут быть сгруппированы в четыре группы.

1) Ближневосточные общины, включая древнейшие поселения йеменитов, живших в сравнительной изоляции после разрушения Второго (Соломонова) Храма и сохранившие в устной традиции древнейшее музыкальное искусство еврейского народа; сюда же относят обычно весь Арабский Восток, исключая Северную Африку, а также евреев Ирана, Курдистана, Индии и Эфиопии.

2) Общины Средиземноморские (Испания, Португалия, Италия, Северная Африка), переднеазиатские (Турция), балканские (Греция, Югославия, Болгария), а также черноморские (крымские и кавказские), известные под общим названием «сефарды» (от ивритского «сфарад» — Испания, хотя более древняя традиция Талмуда относит это слово к государствам Крыма, Кавказа и Босфора).

3) Ашкеназийские общины Восточной Европы (исключая Балканы) и Америки.

4) Среднеазиатские общины, и прежде всего бухарские евреи (Бухара, Самарканд, Хорезм и др.).

Музыкальная традиция каждой из общин могла бы стать темой отдельной книги. Скажу только, что во многих культурных центрах Востока — городах Турции, Ирака, Ирана, Алжира, в Бухаре и других, а также в Испании и Португалии — издревле были известны прославленные придворные музыканты-профессионалы из евреев, мастера изготовления музыкальных инструментов, исполнители-виртуозы и певцы. Создавая свои исполнительские школы, они внесли весомый вклад в культуры разных народов Востока, их традиции до сих пор не угасли.

Как видим, достаточно кратко напоминания еврейской истории, чтобы понять, в каких необычных ситуациях создавался фольклор этого народа — на разных поэтических языках при собственной многотысячелетней высокой книжной культуре, но существующей на другом языке (древнееврейском, продолжаемом современным ивритом), и при высоком музыкальном профессионализме на базе не только своих, но и других национальных традиций. Все это сопровождалось естественным и всегда двусторонним взаимовлиянием музыки евреев и окружающих их народов — христианских или мусульманских.

Даже ограничение одним европейским еврейством не намного облегчает задачу охвата его музыки — так сложна история народа. Один из современных американских обзоров показывает эту историю сквозь призму семи основных культурных течений: 1) *пютим* (литургическая поэзия на иврите, развивавшаяся на протяжении почти восемнадцати столетий) — до нас дошло не менее 30 тысяч гимнов; 2) *хаззанут*, или *канторат*, — со средневековья до наших дней; 3) ренессансное движение, связанное с выходом еврейских музыкантов из гетто и реформированием синагогальной музыки под западноевропейским влиянием; 4) движение хасидизма, возникшее в 30-х гг. XVIII в. в Подолии на границе с Бессарабией и быстро распространившееся по всей польско-литовско-украинско-белорусской черте оседлости; в этом движении, основанном на восторженно-молитвенном служении Создателю, главным средством общения с Ним служила Музыка — мужские хоровые песни и танцы, знаменитые «*ниггуним*» — песни

без слов. Кстати сказать, одна из хасидских мелодий с причиненным в Иерусалиме текстом получила небывалую в истории музыки международную известность и стала своеобразным мостом между евреями и неевреями в современном мире — это знаменитая «Хава нагила», называемая иногда новой еврейской «песнью песней». Может быть, не всем известно и то, что первым композитором, положившим в основание своего сочинения хасидский напев, был М.П.Мусоргский и именно эта мелодия вырезана на его могильной решетке; 5) реформистское движение, повлекшее сближение синагогальной и протестантской служб, введение органа и т.д.; 6) так называемая *Гаскала*, то есть еврейское Просвещение, возникшее во второй половине XVIII в.; важнейшим его следствием на территории России стало создание еврейского музыкального театра (вторая половина XIX в.), а в начале XX в. — появление петербургской школы еврейских композиторов, в основном учеников Н.А.Римского-Корсакова и А.К.Глазунова, а также создание Общества еврейской народной музыки; 7) современный ренессанс еврейской музыки в Израиле, США и других странах, оживление еврейского творчества в СНГ. Такова схема.

Записывать еврейский музыкальный фольклор сефардов (на Востоке) и ашкеназов (в Германии) начали довольно рано — еще в XVI в. На восточноевропейской территории одним из первых опубликовал мелодии еврейских народных танцев украинец Семен Карпенко (1864), а вопросы изучения еврейской музыки (песенной и оркестровой) начиная с конца XIX в. интересно ставил чуваш Иван Липаев (1865 — 1942). Зачинателем же музыкально-фольклорных и композиторских работ в области еврейской песни по праву должен быть назван известный музыкальный критик и композитор Юлий Энгель (1868 — 1927), издавший, помимо собственных сочинений, три выпуска еврейских народных песен (1909, 1912, 1930).

Многое в еврейской музыкальной фольклористике СССР до сих пор не опубликовано и немало уничтожено. Современное еврейское этномузыкознание представляет собой весьма своеобразный феномен *латентной науки*, то есть существовавшей подспудно, скрытно. Наш святой долг обнародовать все достойное, что сохранили архивы, и прежде всего основополагающие работы М.Ф.Гнесина (1883 — 1957), Д.Г.Маггида (1862 — 1940?) и С.Д.Маггид (1892 — 1955), З.А.Кисельгофа (1876 — 1939), М.Я.Береговского (1892 — 1961).

1992 — год 100-летия выдающегося деятеля еврейской музыкальной фольклористики, собирателя и ученого Моисея Береговского. Нам известно не многое из сделанного им — вышедшие посмертно сборники «Еврейские народные песни» (1962; тираж 1555 экз.), «Еврейская народная инструментальная музыка» (1987; тираж 2000 экз.), статья о семантике еврейских ладов (в сборнике «Проблемы музыкального фольклора народов СССР», 1973; тираж 2700 экз.). В архиве же Береговского, хранящемся в Российском институте истории искусств в Санкт-Петербурге, находится пятитомник «Еврейский музыкальный фольклор», заверченный в рукописи полностью к 1946 г. общим объемом около 130 авторских листов — непревзойденный шедевр ученого. Есть намерение опубликовать его в США, но трудно смириться с тем, что он не увидит свет в той стране, которая породила все это художественное богатство...

Собрание Береговского отражает основной жанровый состав еврейского музыкального фольклора: песни различных слоев общества и различного предназначения (от колыбельных и свадебных до лирических любовных), музыка инструментальных капелл (ансамблей и оркестров), так называемых *клезмеров* (от идишизированного иврита: «клей-земер», буквально «музыкальные инструменты»), исполняемая на свадьбах для танцев и для слушания, песни без слов (*ниггун*), театральная музыка, так называемая *пуримшпили*, известные с XV—XVI вв. — народные оперы на библейские сюжеты, которые по традиции сплошь пелись и в недрах которых сложились не только песенно-ариозные, но и оригинальные речитативные формы, запись и исследование которых — величайшая заслуга Береговского.

Жанровая классификация еврейских (идишских) песен еще не отработана. Сейчас публикуется антология Макса Гольдина, в которой песни сгруппированы (по предложению автора этих строк, выступающего там в качестве редактора) в семь разделов. В первом сосредоточена большая группа песен, имеющих основополагающее значение для еврейского фольклора, — песни семейной жизни. Они включают разнородные жанры: колыбельные, детские, свадебные, неприуроченные песни о семье. Их сменяет раздел песен труда, охватывающий основные сферы традиционных еврейских занятий (кузнечное дело, мукомольное, сапожное, портняжное, извоз, пастушество и др.). В центр поставлена большая группа любовных песен.

У евреев, как и других народов, песни любви связаны, как правило, с досемейными и внесемейными отношениями. Преобладают девичьи песни. В отдельные подгруппы приходится выделить глубоко своеобразные лирические песни нелюбовного и философского характера. Шестой раздел — большой цикл праздничных песен, как обычных застольных, так и приуроченных к тем или иным праздникам еврейского традиционного календаря. Сюда же органично подключается популярная подгруппа хасидских песен — сольных и хоровых (хасидизм без музыки немислим. Существовал афоризм: «Кто не может петь, не может быть хасидом»). Живое чувство, породившее хасидские песни, было, видимо, так велико, что и поныне интонационная живость их совершенно исключительна). Венчают антологию, естественно, образцы эстрадных песен — по сути, современных международных шлягеров. Таков содержательный охват идишской песенности, музыкальная же систематизация их — дело будущего.

Но музыка устной традиции не ограничивается содержанием и мелодикой: она ничто без исполнительского мастерства, без способов живой передачи. Еврейская традиция знает множество способов музыкального бытия — от скромнейшего и тишайшего исполнения женщин (по старому обычаю, они никогда не пели публично, лишь «про себя» или среди самых близких подруг, когда никто из мужчин не мог их слышать) до публичных песен-загадок, темпераментных круговых песен-плясок и ярко характерных выступлений бардов — еврейских авторов-исполнителей, известных с середины прошлого века (вспомним знаменитых «Бродеровских певцов», организованных в 1860-е гг. Берлом Бродером, известным народным певцом-бадхеном, автором популярных песен на идиш, — они выступали не только на свадьбах и вечеринках, но и в шинках, харчевнях, постоялых дворах во время своих многочисленных «кочевьях» по Галиции, Венгрии, Румынии). Последователей у Бродера нашлось множество. К сожалению, имена большинства из них до нас не дошли. Мы знаем только наиболее известные. Таковы, например, популярный бадхен Элиокум Цунзер (1845 — 1913), издавший 60 сборников своих песен; таков Перец Волах, разъезжавший со своими песнями по Украине в конце XIX в., и другие, о которых писал в 30-е гг. Береговский, публикуя еврейские рабочие, революционные, солдатские и городские песни. Эта традиция жива до сих пор и хорошо известна в России — она всегда была

интернациональной. Если еврейская тема лишь частично затрагивается в творчестве Александра Галича, Александра Розенбаума и Евгения Клячкина, то главной становится она у Самсона Кемельмахера, родившегося в Молдавии, Даниэля Кэмпина из ФРГ или Шломо Карлебаха из Израиля. Важно знать их традиции, а они ведут далеко — уже к хрестоматийному Марку Варшавскому (1848 — 1907) и Мордехаю Гебиригу (1877 — 1942) — гениальному краковскому плотнику, столяру и поэту-песеннику, автору более 900 песен, которые сейчас возрождаются усилиями немецких и польских активистов; становится ясно, что бывшие «местечки» и городочки («штетл») пресловутой черты оседлости представляли собой отнюдь не «стоячее болото» в культурном смысле, а целую цивилизацию, увы, нам почти неизвестную. Мы можем только догадываться о ее силе по сохранившимся песням, клезмерским наигрышам, поэзии и таким гениальным выплескам, как творчество Марка Шагала.

Еврейская традиция автора-исполнителя своих песен идет в действительности еще дальше — за XIX в., в эпоху средневековья, когда в общеевропейской менестрельной культуре принимали активное участие и евреи. Таковы известные во Франции Матье ля Жюиф и Бонифас из Нарбонна или породивший целую литературу о себе баварский миннезингер XIII в. еврей Зюскинд из Тримберга, — его жизнь и песни вдохновили М.Гнесина на создание квартета с арфой и виолончельной пьесы «Памяти странствующего рыцаря», а Марка Копытмана — на оперу «Камерные сцены из жизни Зюскинда из Тримберга», поставленную в Израиле в 1983 г.

Но если на одном полюсе стоял автор-исполнитель, то на другом — нечто столь специфичное, чему и названия нет. Дело в том, что в еврейском традиционном быту народная песня звучала обычно без аккомпанемента, сольно, и, в отличие от инструментальной музыки, не напоказ, особенно если дело касалось религиозной лирики. Писатель Ицхок Перец (1851 — 1915) в рассказе «Кабалисты» оставил на этот счет удивительное описание. Реб Екл, учитель религиозной школы, объясняет своему ученику «нараспев»: «Есть мелодия, которой непременно нужны слова; это — самая низшая степень... Есть, однако, высшая степень — напев, который поется сам по себе, вовсе без слов — чистый напев! Но этому напеву еще необходим голос... И губы, при посредстве которых он выводится! А губы, понимаешь ли ты меня, это ведь плоть!

А голос, пусть он даже и благородная плоть, тем не менее тоже плоть! Будем считать, что голос находится на грани между духовным и плотским! Но так или иначе напев, который может быть услышан лишь при посредстве голоса, зависящего от губ, еще не чист, еще не вполне чист... Еще не подлинная духовность!.. Истинный же напев поется вовсе без голоса... Он поется внутри, в сердце, во чреве! Вот в этом сокровенный смысл слов царя Давида: «Все кости мои глаголю...» Пение должно звучать в самом мозгу костей, там должно быть обиталище напева — высшей хвалы Господу Богу, благословенно имя его! Это — не напев смертного существа, это — невыдуманный напев! Это — доля того напева, под звуки которого Бог сотворил мир; доля души, которую он вдохнул в мир...»⁸

Последуем же и мы примеру писателя и оставим анализ мелодий — то есть «материализованной» музыки — до другого раза. Но в заключение нельзя не сказать о том, что составляет самый нерв еврейской музыки, ее неповторимое своеобразие и прелесть, — о типе национально-характерного исполнения, музыкального интонирования, артикулирования. Эту «материю» трудно передать и нотами, и словом, но тому, кто не услышит ее, не ощутит, не помогут понять душу еврейской музыки ни самые точные ноты, ни самые красивые слова. Об этом писал еще строгий Курт Закс: «Решающую роль играет исполнение, одухотворенное, выразительное, полное экспрессии, которое мы встречаем и сейчас»⁹. Кажется, эти интонационные гены этноса живы и сегодня, мы слышим их у еврейских кларнетистов, скрипачей и даже у лучших певцов еврейской эстрады, — эти говорящие, смеющиеся, плачущие, а на кларнете причмокивающие, феноменально пронизанные пластикой, жестикуляцией, даже мимикой мелодии, ритмически организованные в повторяемые, доходчивые, пленяемые формулы! Эта легкая мелизматика с дроблением сильных долей, частые внутрислоговые смены мелодической линии, отражающие, по догадке М.Гнесина, гибкую и богатую логическими и эмоциональными поворотами речь евреев и многое другое, включая тембральные изменения звука, что заставляет звучать по-еврейски даже явно заимствованные напевы. (Вспоминают, как в XIX в. в западноевропейских синагогах для пения традиционной молитвы «Каддиш» использовалась по-еврейски «прочитанная» «Марсельеза»!)

И.Липаев, Л.Саминский, Д.Черномордиков, М.Береговский и другие писали об этом ярком свойстве еврейского интонирования — перерабатывать все чужеземное в глубоко национальное одной силой исполнительского творчества-превращения. Замечательный материал для анализа этого феномена содержит, на мой взгляд, мелодии германских синагог, которые основаны подчас на тех же самых немецких народных интонациях, что и протестантские гимны Германии той же поры: сравнение их может дать очень много для понимания музыкальной специфики обеих культур. Евреи не боялись заимствовать, потому что не боялись переинтонировать, не могли не переинтонировать и верили в первостепенную силу своего исполнительского своеобразия. Никто лучше И.-Л.Переца не показал этот феномен,— вспомним его знаменитый рассказ «Перевоплощение мелодии». На идиш он звучит «А гилгул фун и нигн». Слово «гилгул» для еврейской ментальности — это не только бытовое перевоплощение или миграция, но и духовная реинкарнация, связанная с традиционной доктриной о метаморфозах, которым подчинено все сущее. Так свадебный «фрейлехс» (буквально «радость») превращается в рассказе в поминальную молитву, неистовую свадебную пляску, любовный дуэт на театральной сцене, шарманочный напевчик, песенку сиротки, просящей милостыню, и, наконец, наполненную огненной святостью мелодию талмудиста,— то есть в этическом и эстетическом смыслах то опускается, то поднимается.

Если Иосеф бен Шалом Ашкенази, обобщивший учение о *гилгул* в начале XIV в., был прав, то еврейской мелодии предстоит еще долгая жизнь. Никто не знает, какие превращения она претерпит в поколениях, но ее падения не могут не смеяться восхождениями, и этот закон вселяет в нас оптимизм.

¹ Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стлб. 62.

² *Грачотти С.* Один из мотивов легенды о Соломоне и Титоврасе//Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 162.

³ Тора цит. по: *Закс К.* Музыкальная культура Палестины//Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937. С. 76—77.

⁴ *Закс К.* Музыкальная культура Палестины. С. 76.

⁵ Цит. по: Еврейская энциклопедия. Т. 11. СПб., 1911. Стлб. 375.

⁶ *Севела Э.* Моия Цацкес — знаменосец. М., 1992. С. 9.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 2654, оп. 1, ед. хр. 112, лл. 32—33.

⁸ *Перец И.—Л.* Избранное. М., 1962. С. 140—141.

⁹ *Закс К.* Музыкальная культура Палестины. С. 88.

ОБ ЕВРЕЙСКОЙ МУЗЫКЕ В МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ И.В.ЛИПАЕВА*

В 1941 г. в Москве вышел в свет 12-й номер литературного Альманаха «Советиш». Изданный на идиш, он был посвящен Шолом-Алейхему. В альманахе была опубликована статья Моисея Яковлевича Береговского «Еврейские клезмеры, их творчество и быт». Статья начинается словами: «Памяти Шолом-Алейхема, гениального бытописателя, обладавшего великим искусством открывать народные таланты; он понял их силу и верил в их расцвет»¹. Последние слова посвящения — «эр хот фарштанэн зэйэр крафт ун гэглэйбт ын зэйэр уфбли» («он понял их силу и верил в их расцвет») — могут быть отнесены к основной мысли статьи самого Береговского о клезмерах.

Содержание его большой по объему статьи, точнее исследования, раскрывается в названии ее разделов. Оно зиждется на прочном источниковедческом фундаменте; в исследовании широко привлекаются рукописные и литературные источники вместе с самой музыкой, записанной Береговским в непосредственном общении с клезмерами. Об этом сам Моисей Яковлевич говорит: «Длительное время, как я начал собирание материалов у клезмеров... я собирал их в разных краях и областях»². Им было записано около семисот произведений от клезмеров Украины; он ознакомился с записями музыки клезмеров в Москве; оставил свидетельство об обладателе «божественного музыкального таланта» клезмере Шпэтле из Гродненской губернии Белоруссии. В одном из разделов статьи говорится об элементах еврейского музыкального фольклора в народной музыке армян, цыган, венгров, сербов, болгар и других народов, что свидетельствует о том, какое внимание уделял Береговский межнациональным фольклорным связям.

* В статье использован материал доклада Б.Грановского на международной конференции в октябре 1992 г. в С.-Петербурге, посвященной столетию со дня рождения классика еврейского музыкального фольклора М.Я.Береговского.

Как его завет фольклористам будущего мы читаем в статье: «Знакомство с музыкой клезмеров убеждает в том, что очень важно заняться этой областью <музыки>... и у исследователя, и у историка музыки будет широкое поле деятельности в этом подлинно народном искусстве. Многие проблемы, важные для истории еврейской музыки вообще, могут быть здесь и поставлены, и разработаны»³. Красной нитью проходит в статье Береговского мысль о необходимости всестороннего, как мы скажем сейчас, комплексного изучения творческого наследия клезмеров. Статья открывает пути исследования новых материалов и исторического переосмысления уже известных. В этом контексте особый интерес представляет хронологически одна из самых ранних публикаций о клезмерах на русском языке, принадлежащая Ивану Васильевичу Липаеву — оркестровому музыканту, педагогу, историку музыки, музыкально-общественному деятелю. Имеется в виду очерк Липаева «Еврейские оркестры», опубликованный в 1904 г. в Петербурге, в четырех номерах (4, 5, 6-7, 8) «Русской музыкальной газеты».

Несколько слов нужно сказать о самом И.В.Липаеве. Он родился 17 мая 1865 г. в селе Спиридоновке Самарской губернии и детство провел в родном крае. У него был от природы великолепный дискант, и девяти лет, по его словам, он «стал приносить в дом маленький заработок, который получал, будучи певчим сначала в светском хоре, а потом — в духовном»⁴. Переехав с родителями в Самару, Липаев стал успешно учиться на скрипке и совсем юным поступил в местный оркестр скрипачом. Потом для продолжения занятий уехал в Москву, где обучался в Музыкально-драматическом училище Московского филармонического общества. Но, перенеся профессиональное у музыкантов заболевание рук, перешел со скрипки на тромбон и по этому инструменту окончил училище, получив хорошее общее музыкальное образование, особенно по истории музыки в классе профессора Александра Александровича Ильинского. С 1901 г. Липаев преподавал по классу тромбона в том же училище, а в дальнейшем, уже в качестве профессора, — в Саратовской консерватории, где одновременно вел курс истории русской музыки и читал лекции о русском народном песенном творчестве. В 1903 г., находясь в Москве, он поступил тромбонистом в оркестр Большого театра, где проработал в общей сложности шестнадцать лет.

15 сентября 1942 г., в возрасте 77-ми лет, И.В.Липаев умер.

Деятельность Липаева как оркестрового музыканта, педагога, добавим — дирижера была неразрывно связана с его непрерывной, длившейся всю творческую жизнь музыкально-

литературной деятельностью. Он активно сотрудничал как корреспондент и автор статей во многих периодических изданиях, в «Русской музыкальной газете» во время ее существования (в течение 24-х лет). Был редактором-издателем журналов «Музыкальный труженик» и «Оркестр», автором популярных работ о С.В.Рахманинове, А.Н.Скрябине, С.И.Танееве, Р.Вагнере, воспоминаний о П.И.Чайковском, статей о чешской и финской музыке. Отношение историков музыки и рядовых читателей к многочисленным публикациям Липаева было неоднозначным. Мешали встречающиеся фактические неточности, стилистическая небрежность, страстная любовь (по-другому и не скажешь) к изобретению новых слов. Однако содержание его работ, в том числе и неопубликованных, касающихся музыкального быта его времени, включает много, ценного и важного.

В центре творческих устремлений, главным вопросом, который интересовал Липаева больше всего, была жизнь и искусство музыкантов оркестров, не только симфонических и оперных, но и народных, в том числе и клезмеров. Он справедливо называл оркестрантов «совершенно почти неизвестным обществу классом людей». Показательно, что в 1904 г. Липаев организовал и возглавил Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов — первый союз оркестрантов в России. В свете сказанного особый интерес представляет очерк Липаева «Еврейские оркестры». Нет нужды пересказывать содержание очерка, где читатель, по словам его автора, найдет «факты и наблюдения из современной жизни, поскольку она отразилась в еврейских оркестрах»⁵. Приведу начало этой работы Липаева и остановлюсь на основных положениях статьи с максимальным приближением к ее тексту.

«Я думаю,— говорит Липаев,— никто не будет отрицать того мнения, что еврейский народ сыграл в истории музыки громадную роль... Еврейский оркестр — это желанное детище народа. Нигде не слушают его с таким затаенным дыханием, как у евреев... Оркестр у евреев сохранил значение равное древнему сказанию... Если бы вы захотели найти нерв современной жизни, узнать, что трепещет в груди еврея,— слушайте его музыкантов»⁶.

Высокая оценка еврейского оркестра как формы национальной инструментальной музыки способствовала тому, что Липаев стремился запечатлеть жизнь оркестра с разных ее сторон, начиная с экономических вопросов существования, с указанием оплаты рядовых музыкантов и солистов, количества выступлений и так далее, и кончая описанием принятой в оркестре одежды музыкантов.

Из статьи мы узнаем, что существовали два основных состава оркестра — «компанейский», то есть постоянный, и «некомпанейский», где набирали музыкантов внаем, то есть не на постоянное время. Получаем мы также сведения о том, какие инструменты входили в оркестр, как шло на них обучение — «теоретически, то есть на дому, и практически — в оркестре», перенимая игру на инструментах, что называется, с рук, одновременно с изучением нот и азов музыкальной грамоты. При этом знание нот имелось в виду не в нашем современном понимании, а просто заучивание нотной строки с однополосной мелодией, которая, особенно у скрипачей и кларнетистов, «служила многим лишь предлогом для самой яркой фантазии». Однако одной «фантазии», то есть импровизационной манеры исполнения, было недостаточно. Овладение основами игры на инструменте, на скрипке например, давало возможность поступить в оркестр и выступать на свадьбах не только во втором составе. Для того же, чтобы быть музыкантом первого состава, нужно было научиться «вести мелодию», быть солистом и одновременно уметь «давать втору», то есть знать партию второй скрипки, быть особенно гибким и находчивым в аккомпанементе даже тогда, когда нужно было «поддерживать речитатив контрабаса». И наконец, самое главное, неустанно и постоянно упражняться на инструменте изо дня в день.

Отдельную страницу в статье Липаева составляет то, что он пишет о роли бадхена — весельчака, рассказчика, выдумщика и заводилы, создающего праздничное настроение на свадьбах, семейных торжествах, вечеринках во время совместных выступлений с еврейским оркестром. «Бадхен и оркестр,— отмечает Липаев,— представляют неразрывное целое. Бедхен произносит речь, вызывает разные чувства ... оркестр обязан поддержать его, служить выразителем его слов, и быть выразителем вдохновенным... Работающий вместе с бадхеном оркестр это источник, из которого он черпает вдохновение»⁷.

Останавливается Липаев на вопросе о влиянии народной музыки Украины, Польши, Литвы, а также Румынии, Валахии (Молдавии) и стран Востока на еврейскую народную музыку и претворении этого влияния, которое, по словам Липаева, «перерабатывается, точно в горниле, в душе еврейского народа» в искусстве оркестра еврейских музыкантов. В этой связи он большое внимание уделяет характеристике национальных особенностей, присущих еврейской музыке, нашедших отражение в партии солиста-скрипача оркестра, который при «большом просторе фантазии и виртуозном умении» дарит нам и неожиданные, щедро украшенные мелизмами мелодические обороты еврейской песни, и ритмические особенности, «каденцеобразные

ходы», глиссандо, трели, головокружительные пассажи, и все это на форе широкой и неповторимой кантилены.

Из еврейских танцев, звучавших на еврейских свадьбах, Липаев выделяет служащие для проводов гостей по домам «скочна», «гассен-гейн» и «шер», отмечая в последнем быстрый темп, вариационную форму и минорную тональность танца, несмотря на его веселый характер.

Среди еврейских народных музыкантов-клезмеров, которых слышал Липаев, он отметил особо двоих, чьи имена еще при жизни стали легендарными. Это скрипачи, оба из Бердичева, Иосиф Друкер по прозвищу «Степеню» и Авраам-Мойше Холоденко — «Педоцер». Если о Друкере Липаев говорит, что популярность его была настолько велика, что он попал даже «в романы» (например, в роман Шолом-Алейхема «Степеню»), то о Холоденко мы находим следующую характеристику: «Он был выразителем всего лучшего в еврейской бытовой (то есть народной.— Б.Г.) музыке, имя его полвека было на устах, это был музыкант-артист»⁸. Липаев не только восхищался Холоденко как скрипачом, он еще изучал его творчество как композитора. При этом не ограничивался изданными произведениями Холоденко, а ознакомился с ним в рукописи. «Мне пришлось,— говорит он,— познакомиться с несколькими скрипичными концертами Холоденко, которые сами музыканты называли «еврейскими», и я был просто поражен их народным характером. Национальные черты сквозят в концертах Холоденко в каждом такте... по ним можно было бы сделать очень много интересных выводов и заключений относительно музыкального творчества еврейского народа»⁹. Заканчивая краткий обзор основных положений очерка Липаева — его крупной, имеющей принципиальное значение работы,— важно еще отметить, что она была написана тогда, когда Липаев был уже зрелым историком музыки. До 1904 г. вышли в свет такие его работы, как «Очерки быта оркестровых музыкантов» (1891), «Оркестровые музыканты. Бытовые и исторические очерки» (1903) и другие.

Профессор М.Д.Гольдин определил значение очерка Липаева «Еврейские оркестры» в изучении русско-еврейских фольклорных музыкальных связей. В одном из своих примечаний к труду М.Я.Береговского «Еврейская народная инструментальная музыка» (М., 1987) Гольдин пишет, что Липаев «первый обратил внимание музыкальной общественности на самобытное искусство клезмеров... в его очерке тонко передано образное содержание клезмерской (свадебной) музыки»¹⁰. В другом месте этой же работы Береговского Гольдин указал на Липаева как на «первого исследователя клезмерского быта и музыки дореволюционной России», что «способность клез-

мера трансформировать, перерабатывать музыкальные впечатления, превращать инонациональное в национальное схвачена Липаевым поразительно метко»¹¹. К сказанному Гольдиным о месте очерка Липаева в еврейской музыкальной фольклористике нужно добавить, что ею не ограничивался его интерес к еврейской музыке в целом. Знакомясь с необнародованными архивными материалами, можно заключить, что этот интерес проявился у него в юности и с годами оставался неизменным.

Первым учителем музыки у Липаева был самарский музыкант из крепостных, скрипач В.М.Козырев. «Отличный музыкант, — говорит о нем Липаев, — некогда со своим помещиком ездивший в Париж и там даже бравший уроки музыки у А.Вьетана»¹². «Завзятый музыкант. Типичная личность!.. Летом он играл в Александровском саду, зимой — в театре. Он и его товарищи играли свадьбы, вечеринки, играли не за страх, а за совесть»¹³. Мы можем с уверенностью сказать, что именно Козырев был тем, кто впервые познакомил Липаева с клезмерами. «Намедни, — рассказывал Козырев Липаеву, — мы, пять человек, играли еврейскую свадьбу. Скрипач Хаим вел «приму» (играл первую скрипку) и играл до умопомрачения ихние, <еврейские> значит, песни. И ведь всегда играет Хаим так, что в слезы вгоняет. А когда на свадьбе в пляс пошли... Хаим играл за столом один, и черт его знает откуда у него что бралось: «маюфесы» и «жмересы» Хаим так и сыпал. После скрипка играла «шер» — и просто пыль до неба летела»¹⁴. Заметим, что «маюфесы» и «жмересы» — это неточное произношение на древнееврейском языке слов «майофес» (то есть «Как ты красив» — еврейский религиозный гимн) и «тизморет» — оркестр. По-видимому, Козырев хотел в первом случае сказать о песенных, а во втором случае о танцевальных мелодиях, которые исполнял клезмер Хаим. «Шер» — это известный еврейский народный танец.

В Москве Липаев особенно близко сблизился с Ю.Д.Энгелем, с которым они были почти одногодки¹⁵. Оба печатались в «Русских ведомостях», «Новостях дня», «Музыкальном современнике» и других изданиях. Липаева особенно привлекали публичные лекции Энгеля, в которых тот знакомил широкие круги слушателей с еврейским музыкальным фольклором. «Я очень хорошо помню, — пишет Липаев, — первые выступления Энгеля... Он задумал, <идя> по стопам М.А.Балакирева, гармонизировать еврейские народные песни. Он долго изучал их чисто одноголосными... В еврейском журнале «Восход», редактор Ландау, некто Марек выступил с советом, чтобы этнографы записывали слова песен и положили бы тем <начало> записи народной поэзии (Липаев имеет в виду еврейского фольклориста и историка П.Марека, который совместно

с Ш. Гинзбургом издал в 1901 г. антологию «Еврейские народные песни в России». — Б.Г.) ... Следом за этим, — продолжает Липаев, — я также напечатал статью в «Восходе», советовал записывать не только слова песни, как это было когда-то у Рыбникова и Киреевского и других, но и самые напевы — мелодии песен, так как и текст их, и звуковая сторона неразрывны. Энгель нашел мое предложение вполне соответствующим его взглядам... Он не раз посвящал меня в свои работы»¹⁶.

Статья Липаева, на которую он ссылается в своих воспоминаниях, под названием «Еще о народных песнях евреев» была опубликована в журнале «Хроника Восхода» за 1898 г. Ее основное положение изложено автором так: «Если вы хотите знать страдания народа, его боли и радости, верования и чаяния, то ищите все это в мелодиях, сопровождающих песню... В местах еврейской оседлости музыканты есть и, я думаю, охотников записывать мелос найдется немало»¹⁷. И в этой статье, и в других работах Липаева ярко проявилось его внимание к еврейскому фольклору, к духовной жизни еврейского народа, которое нашло отражение в различных источниках.

В изданной в 1915 г. «Истории музыки» Липаева мы находим интересные сведения о происхождении еврейской музыки. В опубликованных статьях «Вечер еврейской песни» и, особенно, «Еврейский концерт» он вновь касается обработок еврейских народных песен, сделанных Энгелем, а также и другими еврейскими музыкантами. Назовем еще рукописные заметки Липаева об еврейских музыкантах из Нижнего Новгорода: флейтисте Крейне, литавристе Барабейчике, альтисте Вельтмане, трубаче Ротенберге, о скрипаче, профессоре Московской консерватории, который в течение тридцати лет был концертмейстером оркестра Большого театра, Давиде Крейне. Укажем на хранящиеся в архиве Липаева снимки известного скрипача-виртуоза М. Пресса и на вырезку из «Живописного обозрения», на которой изображены в своеобразной художественной манере характерные типы клезмеров, на неизданную рукопись «Театрального словаря» Липаева, где привлекает внимание статья «Библейские мистерии евреев» с лучшими, как извещалось в афише, «артистами Моисеева закона». Назовем малоизвестный факт: И. Липаев находился в переписке с основателем еврейского профессионального театра на идиш А. Гольфаденом. И в заключение расскажем еще об одном интересном документе из собрания Липаева: о рукописи «Материалы для истории музыки», где говорится о музыке евреев¹⁸.

На втором листе рукописи против слова «евреи» мы видим начало двух неразборчиво написанных, полустертых слов, начинающихся одно как «Лев...», другое — как «Антиф...». Здесь же выписаны названия еврейских музыкальных инструментов: псалтирь, невель, киннор, шофар. Рукой Липаева нарисованы шофар и невель и выписаны номера шести псалмов Давида из третьей части «Танаха» — «Ктувим» (в переводе с древнееврейского — «Писания»). Отдельно выписано примечание Липаева «Музыкальное» выражение в псалмах» и строки из песнопений, в которых содержатся упоминания о музыкальных инструментах¹⁹. Псалом 108-й, выписка Липаева: «Возьмем псалтирь и арфу»²⁰. Псалом 137-й: «На ивах... повесили мы кинноры наши, потому что там пленившие нас требовали от нас песнопений и насмехавшиеся над нами — веселья». Псалом 150-й: «Хвалите Г-да звуком шофара, хвалите его тимпаном и танцем, мэйнами (струнными инструментами) и свирелью». Псалом 150-й: «Хвалите его цимбалами звенящими... громогласными».

Особый интерес у Липаева вызвал псалом 38-й. Из него он выписал семь стихов и занимался (мы видим это в рукописи) поисками ритмической формы псалма. Для того, чтобы ощутить это на слух, привожу ниже эти стихи по-русски и в русской транскрипции по подлиннику на древнееврейском языке, чтобы обратить внимание на ритмическое совпадение строфики обоих текстов.

Г-ди, не в гневе Твоем наказывай меня
(хашем аль-бэкэцпэха тохихэни)

И не в ярости Твоей карай меня
(увахаматха тэясрэни).

Ибо стрелы твои вонзились в меня
(ки-хицэха нихатуви)

И опустилась рука Твоя
(витинхат алай ядэха).

Нет здорового места в плоти моей
(эйн-мэтом бивсари)

Из-за гнева твоего
(мипнэй замэха).

Кроме псалмов, в рукописи Липаева говорится также о том, что в Торе изложены правила игры (и в каких случаях)

на двух трубах; о мужских еврейских хорах; о хорах, в которых пели мальчики-дисканты; об участии в хорах женщин; о количестве инструментов, на которых играли в храме царя Соломона, и так далее.

Опубликованными в настоящей статье материалами не исчерпываются сведения об еврейской музыке в музыкально-литературном наследии И.В.Липаева, которое требует дальнейшего исследования. В наши дни, когда все шире открывается доступ к закрытым фондам, к неизвестным или малоизвестным коллекциям и собраниям, нужна консолидация сил источниковедов для выработки единых методов изучения межнациональных культурных связей, в том числе и в области русской и еврейской музыки, имеющей глубокие исторические традиции.

-
- ¹ Советиш. М., 1941. С.412.
² Там же. С.412, 437.
³ Там же. С.412.
⁴ *Липаев И.В.* Среди духовенства (Из записок очевидца). Рукопись. Хранится в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. М.И.Глинки в Москве (ГЦММК), ф.13, № 68, л.1.
⁵ Русская музыкальная газета (РМГ). 1904. 25 янв. № 4. С. 102.
⁶ Там же.
⁷ РМГ. 1904. 1 февр. № 5. С. 133.
⁸ Там же. 22 февр. № 8. С. 206.
⁹ Там же.
¹⁰ *Береговский М.Я.* Еврейская народная инструментальная музыка. Общая ред. текста, примеч. и заключительная статья М.Гольдина. М., 1987. С. 218.
¹¹ Там же. С. 269.
¹² *Липаев И.В.* Из прошлого Московской консерватории (Воспоминания). Рукопись. ГУММК, ф.13, № 70, л. 1.
¹³ *Липаев И.В.* На подступах к оркестру (Из записок очевидца). Рукопись. ГЦММК, ф.13, № 45, л.2-а.
¹⁴ Там же, лл. 122—122 об.
¹⁵ Энгель Юлий Дмитриевич (Йозель Давидович; 1868 — 1927) — музыкальный критик, фольклорист, композитор, музыкально-общественный деятель, один из основоположников еврейской национальной музыки.
¹⁶ *Липаев И.В.* Музыкальная пресса (Из записок очевидца). Рукопись. ГЦММК, ф.13, № 5, лл.33, 35, 36.
¹⁷ Хроника Восхода. 1898. № 13.
¹⁸ *Липаев И.В.* Материалы для истории музыки. Рукопись. ГЦММК, ф.13, № 43.
¹⁹ Там же, лл. 36—36 об.
²⁰ Здесь и далее текст приводится по: Ктувим. Иерусалим, 1978,— где эти слова изложены как «Пробудись, киннор и арфа».

**ОЧЕРКИ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПОРТРЕТЫ**

Л.Д.ТРОЦКИЙ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ

Среди бесчисленных мифов, окружавших имя Троцкого и при его жизни, и после его смерти, существенное место занимали инсинуации, связанные с его еврейским происхождением. Эти спекуляции, широко бытовавшие в белогвардейском стане и затем — в наиболее реакционных кругах первой русской эмиграции, возникли на советской почве уже в первые годы борьбы с «троцкизмом» и приобрели, как это ни парадоксально, еще более ярко выраженную антисемитскую окраску после смерти Сталина.

В изданной в 60-е гг. печально знаменитой книге И.Шевцова «Тля» заметное место занимали рассуждения о «Лейбе Бронштейне» как главе «всемирного масонско-сионистского заговора». С первых лет «перестройки» и «гласности» подобные суждения широко выплеснулись на страницы «Памяти» и других органов черносотенно-националистического толка. Посильную лепту в насаждение такого рода мифов внесли некоторые наукообразные писания, специально посвященные Троцкому. В этом ряду первое место принадлежит работам цековского аппаратчика А.Васецкого, в годы «застоя» написавшего немало «трудов», клеймивших «троцкизм» в чисто сталинистском духе, а затем ставшего первым публикатором работ Троцкого в СССР. После августа 1991 г. Васецкий начал откровенно излагать свои шовинистические взгляды. В те же годы, когда он выступал в качестве «марксиста», он выражал свои антисемитские настроения в более завуалированной форме. Так, приводя слова Троцкого о различиях между Сталиным и Каменевым по характеру их дореволюционной работы («Если Каменев в качестве публициста в течение ряда лет оставался с Лениным в эмиграции, то Сталин — в качестве так называемого практика, без теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков — был неотделим от русской почвы»), Васецкий снабдил эту цитату следующим специфическим комментарием: «Если встать на его (Троцкого. — В.Р.) точку зрения, то окажется, что никто вообще в руководстве РСДРП(б), работавшем в России,

онное движение в России руководилось не представителями «космополитизма», а реальными национальными типами»¹. Такое противопоставление «представителей «космополитизма» «национальным типам» весьма явственно напоминает лексику и образ мышления, культивировавшиеся в 40-е гг.

Лучшим опровержением старой и новейшей исторической мифологии «троцкоедов» являются работы самого Троцкого. Свою позицию в еврейском, как и в национальном вопросе вообще, он четко определил в книге «Моя жизнь»: «Национальный момент,— столь важный в жизни России, не играл в моей личной жизни почти никакой роли. Уже в ранней молодости национальные пристрастия или предубеждения вызвали во мне рационалистическое недоумение, переходившее в известных случаях в безразличие, даже в нравственную тошноту. Марксистское воспитание углубило эти настроения, превратив их в активный интернационализм. Жизнь в разных странах, знакомство с их языком, политикой и культурой помогли моему интернационализму всосаться в плоть и кровь»².

Такая позиция была характерна не для одного Троцкого, находившегося на левом фланге русского политического движения, которое отличалось следующей закономерностью: чем правее были политические партии, тем более ярко проявлялись в их идеологии великодержавные, или, как тогда говорили, «истинно русские», настроения. Чем более левую позицию занимала партия, тем больше в ее составе было так называемых «инородцев», тем сильнее в ее программе звучали идеи борьбы не только против социального, но и против национального гнета. В среде социал-демократов, в том числе большевиков, выражение чувства национального превосходства или же пренебрежения к «малым» народам считалось столь же постыдным, как в среде глубоко религиозных людей изрыгать непристойную хулу. В этом, как мы увидим дальше, состояла одна из тактических трудностей для Сталина, неизменно камуфлировавшего свои самые реакционные акции псевдомарксистской терминологией. Даже обладая беспредельной властью, Сталин вплоть до самой своей смерти не решался публично выражать свой антисемитизм и маскировал свои юдофобские акции ярлыками борьбы с «космополитизмом», сионизмом и т.д.

Большевики отдавали себе отчет в глубокой закоренелости антисемитских предрассудков в массах, поскольку в царской России, говоря словами Ленина, «и школа, и печать, и парламентская трибуна — все, все использовалось для того, чтобы посеять темную, дикую, злобную ненависть к евреям»³.

В борьбе с черносотенством Ленин отмечал, что в этом реакционном движении отражался «темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»⁴. Однако после Октябрьской революции большевики, как мне представляется, недооценили силу и глубину антисемитских настроений, считая в своем революционном максимализме и рационализме, что очистительная сила революции в короткий срок сможет «смести» эти настроения. Поэтому они не проявили достаточной осторожности при выдвигании евреев, как и других «инородцев», на руководящие посты, невольно открывая тем самым возможность своим противникам играть на чувствительных национальных струнах масс.

В этом вопросе позиция Троцкого несколько отличалась от позиции Ленина и других большевиков. Троцкий полагал, что заполнение правительственных постов «инородцами», в особенности евреями, на которых царизм долгие годы натравливал народные массы, может способствовать успеху антибольшевистской агитации контрреволюционных сил. Он считал, что в первом революционном правительстве не должно быть ни одного еврея⁵, поскольку в противном случае реакционная пропаганда станет изображать Октябрьскую революцию «еврейской революцией». Это проницательное предвидение Троцкого оправдалось не только в послереволюционные годы, но и в наши дни, когда такого рода аргументация взята на вооружение наиболее темными политическими силами, выступающими за тотальный пересмотр смысла и значения Октябрьской революции.

Видимо, не без влияния этих соображений Троцкого первый состав Совета народных комиссаров был сформирован таким образом, что из 15-ти его членов только Троцкий был евреем. Но и своему вхождению в правительство Троцкий оказывал серьезное сопротивление. Это проявилось уже в первый день после Октябрьского переворота, когда Ленин на заседании ЦК партии предложил назначить Троцкого председателем Совнаркома, а после энергичных возражений последнего по этому поводу — наркомом внутренних дел. Троцкий, намеревавшийся после переворота остаться вне правительства и предлагавший взять на себя руководство партийной печатью, в числе других доводов против этих назначений выделял национальный момент: стоит ли давать в руки врагов такой дополнительный довод, как его еврейство. Ленин почти с возмущением отмахнулся от этих соображений. «У нас великая международная революция,— говорил он,— какое значение могут иметь такие пустяки». На эту тему между Лениным и Троц-

ким возникла полушутливая полемика. «Революция-то великая,— отвечал Троцкий,— но и дураков осталось еще немало». «Да разве мы по дуракам равняемся»,— парировал Ленин. «Равняемся не равняемся,— сказал Троцкий,— а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых порах лишнее осложнение»⁶.

В этом споре Троцкий завоевал на свою сторону Свердлова и некоторых других членов ЦК. Но отказу Троцкого вообще вступить в правительство решительно воспротивился и Свердлов, предложивший, чтобы Троцкий занял пост наркома по иностранным делам. Поскольку в то время было не ясно, какие дипломатические дела смогут быть у молодой Советской республики (большевистское правительство не было признано ни одним из капиталистических государств), Ленин и Троцкий согласились на это предложение «скрепя сердце».

К объяснению причин решительного возражения против своего назначения на пост наркома по иностранным делам, а затем — по военным и морским делам Троцкий возвратился на октябрьском пленуме ЦК 1923 г., где он вновь назвал «один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать, в быту, имеет большое политическое значение. Это — мое еврейское происхождение». Напоминая, что он согласился занять правительственные посты лишь по настойчивому требованию ЦК, Троцкий ретроспективно так оценивал эту свою позицию: «После всей работы, проделанной мною в этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав... быть может, я смог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомните, как сильно мешало в острые моменты, во время наступлений Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей... я никогда этого не забывал. Владимир Ильич считал это моим «пунктиком» и не раз так и говорил в беседах со мной и с другими товарищами как о моем пунктике»⁷.

Этот «пунктик» спустя пять лет после победы Октябрьской революции определил поступок Троцкого, сыгравший, по-видимому, решающую роль в его (да и не только в его) судьбе. Возвратившись осенью 1922 г. к работе после первого тяжелого приступа болезни, Ленин столкнулся с тем, что «триумvirат» (Зиновьев, Каменев и Сталин), фактически превратившийся к тому времени в нелегальную верхушечную фракцию, исходя из групповых фракционных соображений, пытался «отсечь» Троцкого от руководства партией и страной.

О крайнем возмущении, с которым Ленин отнесся к этой интриге, свидетельствует недавно опубликованная его записка к Каменеву. В ответ на высказанное намеком предложение последнего «выкинуть Троцкого за борт» Ленин откликнулся нервным и раздраженным протестом: «Если вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то как вы можете это думать!!! Мальчики кровавые в глазах...»⁸

Еще до своего официального возвращения к работе Ленин внес в сентябре 1922 г. предложение назначить Троцкого первым заместителем председателя Совнаркома, то есть доверить ему высший государственный пост в случае рецидива или обострения своей болезни. Троцкий решительно отверг это предложение. Когда же «триумвиры» в период назревания первой дискуссии с левой оппозицией стали объяснять этот отказ его нежеланием взять на себя ответственную государственную работу, Троцкий был вынужден дать объяснение этому своему поступку. Он заявил, что «в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне стать зампредсовнаркома (единоличным замом)... я решительно отказался из тех же соображений, чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правит еврей»⁹.

Думается, что в этом случае щепетильность Троцкого была излишней. Ведь предшествующее пятилетие наглядно показало, что Троцкий завоевал не меньшую популярность, чем Ленин, несмотря на свое «еврейство» и спекуляцию на нем со стороны многочисленных врагов революции. Отказ Троцкого стать первым заместителем председателя Совнаркома сыграл, быть может, роковую роль в исходе внутривнутрипартийной борьбы, развернувшейся первоначально в форме политической интриги большинства Политбюро, направленной лично против Троцкого. По-видимому, «триумвирам» и их союзникам было бы значительно труднее вести эту интригу, если бы Троцкий находился не во главе армии (роль которой в политической жизни страны значительно снизилась после окончания гражданской войны), а во главе правительства. Ошибка Троцкого в сентябре 1922 г. была дополнена рядом других его тактических ошибок¹⁰, облегчивших Сталину и другим «триумвирам» его изоляцию в Политбюро и ЦК. Вступить в открытый бой с «триумвиратом» Троцкий решился лишь в октябре 1923 г., когда ведущие посты в партийном и государственном аппарате были уже захвачены сторонниками Сталина и Зиновьева, а в партии утвердился режим грубого административного нажима, против которого была направлена борьба возглавляемой

Троцким первой внутрипартийной оппозиции, возникшей после отхода Ленина от руководства партией и страной.

На первом этапе этой борьбы (1923 – 1925 гг.), когда Сталин выступал в союзе с Зиновьевым и Каменевым, «игра на струнах антисемитизма носила очень осторожный и замаскированный характер»¹¹. Лишь наиболее циничные агитаторы, вышколенные лично Сталиным, заявляли на партийных собраниях, что последователями Троцкого являются мелкие буржуа из «местечек», прямо не употребляя слова «евреи». Фактическая сторона этих утверждений была ложной. Штаб оппозиции этих лет составляли в большинстве коренные русские люди — И.Н.Смирнов, Серебряков, Пятаков, Преображенский, Крестинский, Муралов, Белобородов, Мрачковский, Сапронов, Врачев, В.М.Смирнов и др. Ближайший сподвижник Троцкого Раковский был болгарин, еще один видный оппозиционер Смилга — латышом. К активным деятелям оппозиции принадлежали грузинские коммунисты Мдивани, Окуджава, Цинцадзе, Кавтарадзе. Но Сталин неуклонно акцентировал «еврейство» Троцкого не только в «доверительных» беседах со своими нееврейскими приверженцами, но даже с оппозиционерами. Так, он сказал Пятакову и Преображенскому в виде многозначительной «шутки»: «Вы теперь против ЦК прямо с топорами выходите. Тут видать вашу *«православную»* работу. Троцкий действует потихоньку, а не с топором»¹². Мотив «еврейства» оппозиционеров подспудно звучал и на страницах контролируемой Сталиным печати. «Как и при судебных процессах взяточников и других негодяев, так и при исключениях оппозиционеров из партии, бюрократия охотно выдвигала случайные и второстепенные еврейские имена на передний план, — вспоминал впоследствии Троцкий. — Об этом совершенно открыто говорилось в партии, и в этом обстоятельстве оппозиция уже в 1925 году видела безошибочный симптом загнивания правящего слоя»¹³. Как рассказывал автору этой статьи единственный доживший до наших дней «троцкист» Иван Яковлевич Врачев, оппозиционеры, независимо от их национальности, воспринимали антисемитские и вообще шовинистические настроения Сталина с чувством возмущения и брезгливости, видя в них безошибочный симптом его разрыва с принципами большевизма.

Все эти факты отвергают широко распространенные представления о том, что официальный антисемитизм возник в Советском Союзе лишь после второй мировой войны или во время нее, а в 20-е гг. в партии и в стране царил «еврейское засилье».

Положение еще более изменилось к худшему после того, как произошел разрыв Зиновьева и Каменева со Сталиным и они присоединились к левой оппозиции. Теперь на партийных и беспартийных рабочих собраниях официальные агитаторы стали говорить, что во главе оппозиции стоят три «недовольных еврейских интеллигента». Такая линия систематически и почти совершенно открыто проводилась в Москве под руководством тогдашнего первого секретаря Московского комитета партии Угланова, а в Ленинграде — под руководством Кирова. «Чтоб резче продемонстрировать перед рабочими различие между «старым» курсом и «новым», евреи... снимались с ответственных партийных и советских постов. Не только в деревне, но даже на московских заводах травля оппозиции уже в 1926 году принимала нередко совершенно явный антисемитский характер»¹⁴.

Троцкий получал сотни писем, сообщавших о юдофобских приемах, применявшихся в борьбе с оппозицией. Поначалу он надеялся найти поддержку против использования подобных приемов у Бухарина, которого он тогда считал наиболее порядочным человеком среди членов Политбюро. 4 марта 1926 г. он обратился к Бухарину с письмом, начинавшимся словами: «Пишу это письмо от руки (хотя и отвык), так как совестно диктовать стенографистке то, о чем хочу написать». Приводя примеры клеветнических выпадов против него на собраниях некоторых рабочих ячеек, Троцкий ссылался также на полученные им письма рабочего, рассказывавшего, что секретарь его партийной ячейки говорил: «В Политбюро бузят жида». Когда Троцкий проверил эти факты, то обнаружилось, что некоторые члены этой ячейки вначале собрались написать протестующее письмо в ЦК или ЦКК, но потом отказались от такого намерения, мотивируя это тем, что их «выгонят с завода, а они семейные». Автор письма, направленного Троцкому, рабочий-еврей тоже не решился написать в партийные инстанции о высказываниях по поводу «жидов, агитирующих против ленинизма», объясняя это тем, что «если другие, не-евреи, молчат, то мне неловко». Суммируя все эти факты, Троцкий подчеркивал, что «члены коммунистической партии боятся донести партийным органам о черносотенной агитации, считая, что их, а не черносотенца выгонят».

Предвидя, что Бухарин может назвать такую постановку вопроса преувеличением, Троцкий предложил ему поехать вместе с ним в партийную ячейку и проверить данные факты. «Думаю,— писал он,— что нас с Вами — двух членов Политбюро — связывает все же кое-что, вполне достаточное для

того, чтобы попытаться спокойно и добросовестно проверить: верно ли, возможно ли, *что в нашей партии, в Москве, в рабочей ячейке безнаказанно ведется гнусная клеветническая, с одной стороны, антисемитская, с другой, пропаганда*¹⁵.

Бухарин, лично чуждый антисемитским настроениям (как и большинство коммунистов того времени), вначале согласился поехать с Троцким для проверки этого сообщения, но Сталин строго-настрого запретил ему сделать это.

В архиве Троцкого хранится еще один любопытный документ — протокол заседания небольшой партийной группы с участием комсомольцев и беспартийных, на котором обсуждался вопрос «об оппозиции Троцкого и Зиновьева». Один из выступавших на этом собрании заявил: «Троцкий не может быть коммунистом, сама его национальность указывает, что ему нужна спекуляция. Зиновьев одно время, я помню, Троцкого осаживал на пленуме, но, видно, Зиновьев с Троцким и покумились. Они ошиблись в русском духе, за этими изпачами русский рабочий и крестьянин не пойдет»¹⁶.

По-видимому, Троцкий обнародовал это черносотенное высказывание, разительно противоречившее идеологии большевизма. Об этом свидетельствует тот факт, что главный помощник Сталина по «борьбе с оппозициями» Ярославский вынужден был привести на XV съезде ВКП(б) цитату из данного протокола, говорящую о том, что Троцкому как еврею «нужна спекуляция». Характерно, что вслед за этим из зала съезда последовала реплика: «Политическая спекуляция, конечно, есть». Ярославский, поспешивший заявить о недопустимости «для коммуниста давать подобные объяснения», тем не менее утверждал, что оппозиция уделяет вопросу об антисемитизме «более чем болезненное внимание, она раздувает его, пытается представить дело так, что будто бы антисемитизм есть *метод* борьбы с оппозицией... Это есть... отравленное оружие бесчестной клеветы»¹⁷.

Между тем во второй половине 1927 г., когда подготавливались исключение оппозиционеров из партии, их аресты и высылки, антисемитская агитация против оппозиции приняла совершенно разнузданный характер. Лозунг «Бей оппозицию!» нередко окрашивался старым лозунгом: «Бей жидов, спасай Россию!» «Дело зашло так далеко,— вспоминал Троцкий в книге «Сталин»,— что Сталин оказался вынужден выступить с печатным заявлением, которое гласило: «Мы боремся против Троцкого, Зиновьева и Каменева не потому, что они евреи, а потому, что они оппозиционеры и проч.». Для всякого политически мыслящего человека было совершенно ясно, что

это сознательно двусмысленное заявление, направленное против «эксцессов» антисемитизма, в то же время совершенно преднамеренно питало его. «Не забывайте, что вожди оппозиции — евреи», — таков был смысл заявления Сталина, напечатанного во всех советских газетах»¹⁸.

Черносотенная кампания против оппозиции достигла кульминации 7 ноября 1927 г., в день празднования 10-й годовщины Октябрьской революции, когда наряду с официальной демонстрацией в Москве прошла альтернативная демонстрация в поддержку оппозиции. На участников этой демонстрации, включавшей тысячи рабочих, студентов и курсантов военных учебных заведений, набрасывались с избиениями специально подготовленные и проинструктированные «активисты» и «дружинники», действовавшие под прикрытием милиции и агентов ГПУ в штатском. Эти налеты сопровождались выкриками «Бей жидов!», «Бей жидов-оппозиционеров!». В заявлении в Политбюро и Президиум ЦК, направленном по этому поводу, Троцкий писал: «Здесь повторилось точка в точку то, что наблюдалось при избиении большевиков на улицах Ленинграда в июле 1917 года, когда наибольшую активность проявляли наиболее черносотенные элементы... Все действия такого рода ни в малейшей степени не походили на расправу толпы... Наоборот, все они совершались за спиной толпы, при небольшом количестве зрителей, силами небольших групп, при руководящем участии официальных или полуофициальных лиц»¹⁹. Троцкий требовал расследования этих инцидентов и наказания виновных с публикацией об этом в печати. Но виновными были объявлены не хулиганы-антисемиты, а Троцкий и другие оппозиционеры.

После изгнания оппозиции из партии Сталин беззастенчиво демонстрировал свои антисемитские настроения перед своими тогдашними союзниками, причем даже наиболее видные из них, разделявшие со Сталиным полноту власти, не протестовали против этого, а в лучшем случае выражали свое негодование в частных беседах. Н.Валентинов — меньшевик, находившийся в 20-е гг. в СССР, вспоминал, что Рыков в разговоре с ним возмущался антисемитизмом Сталина, заявлявшего, что «мы теперь всех жидов из Политбюро удалили»²⁰.

Лучше всего политический смысл юдофобских акций Сталина уловили открытые враги большевизма. В начале 30-х гг. бывший член партии Дмитриевский, ставший «невозвращенцем» и примкнувший к наиболее реакционному, профашистскому крылу русской эмиграции, выпустил апологетическую книгу о Сталине. В ней он обрушивался на Троцкого, якобы

«из семитской завистливости» распространявшего по всему миру «карикатурно-уродливый образ Сталина». Дмитриевский приветствовал Сталина как человека, очистившего руководство партии от Троцкого, Каменева, Зиновьева и других евреев. Он писал, что Сталин настолько утрамбовал российскую дорогу, что страна через национал-коммунизм быстрыми шагами двинется к национальному строю, возглавляемому православным царем. В этом процессе, по мнению Дмитриевского, «многие люди сегодняшнего дня и сегодняшней правительственной верхушки найдут себе место»²¹.

В годы большого террора аналогичные прогнозы с удовлетворением делали даже в сталинских тюрьмах некоторые бывшие русские аристократы. Писатель Л.Разгон в своих воспоминаниях рассказывает о встрече в Бутырках с неким Рошаковским, членом старой дворянской фамилии, находившимся до революции в дружеских отношениях с Николаем II. В начале 30-х гг. Рошаковскому по его просьбе было разрешено вернуться из эмиграции на родину, где он был принят с почетом, осыпан привилегиями и часто встречался со Сталиным и Ворошиловым. В 1937 г. он был арестован, но даже в тюрьме говорил Разгону, что чувствует себя счастливым, наблюдая тюрьмы, «набитые коммунистами, этими, как их — коминтерновцами, евреями, всеми политиками, которые так ничего совершенно не понимают, что же с ними происходит». По мнению Рошаковского, осуществлявшийся Сталиным антикоммунистический геноцид предвещал «становление русского национального государства с его великими национальными идеями». В этом государстве, прогнозировал Рошаковский, «будет государственный антисемитизм. И снова будет процентная норма в университетах, и снова перестанут принимать евреев в ведомство иностранных дел, в полицию, в жандармерию, выключат их из государственной элиты... В цивилизованной Германии малокультурный и малоцивилизованный Гитлер пришел к власти, сказав «Германия — для немцев!»... И у нас выкинут этот лозунг: «Россия — для русских!» Неминуемо, неизбежно! А за этим лозунгом пойдут все, для кого евреи — конкуренты! Пойдут чиновники, профессура, журналисты, литераторы...»²².

В то время, когда этот прогноз показался бы совершенно фантастическим подавляющему большинству современников, но не Троцкому. По отдельным, на первый взгляд мелким, штрихам Троцкий сумел разглядеть признаки наступления государственного антисемитизма. Один из таких признаков он видел в кампании, открытой против его младшего сына Сергея

Седова. На протяжении всего советского периода Троцкого никто не называл в СССР Бронштейном, подобно тому как Сталина никто не называл Джугашвили. Сыновья Троцкого носили фамилию своей матери. Однако после того, как Сергей Седов, отказавшийся от всякой политической деятельности и не пожелавший отправиться вместе с отцом в изгнание, был обвинен в подготовке массового отравления рабочих, в советской печати появились сообщения о том, что его «настоящая» фамилия не Седов, а Бронштейн. Тем самым, как подчеркивал Троцкий, «две гнусности соединились воедино... Если б эти фальшивомонетчики хотели подчеркнуть связь обвиняемого со мной, они назвали бы фамилию Троцкий, ибо политически фамилия Бронштейн никому ничего не говорит. Но им нужно было другое, именно: подчеркнуть мое еврейское происхождение и полуеврейское происхождение моего сына. Я остановился на этом эпизоде только потому, что он имеет животрепещущий и отнюдь не исключительный характер»²³.

По-видимому, антисемитизм Сталина укрепился в силу его патологической ненависти к Троцкому, непрерывно разоблачавшему его преступления в глазах мирового общественного мнения. Не имея еще возможности прямо дотянуться до Троцкого, Сталин разряжал свой антисемитизм в беспощадных расправах над евреями, доля которых в общем составе репрессированных в годы «великой чистки» многократно превышала их долю в населении страны. Уничтожение «троцкистов» шло рука об руку с полным изгнанием евреев из партийного и государственного аппарата. После «великой чистки» лишь считанные единицы из числа лиц еврейской национальности сохранились на командных постах в армии или в хозяйственном руководстве. Хрущев в своих «Мемуарах» писал, что Берия, занявший в конце 1938 г. пост наркома внутренних дел, завершил начатую Ежовым чистку евреев в органах НКВД. Партийный аппарат, реально управлявший страной, оказался почти полностью «освобожденным» от евреев. Неизвестно, имелись ли на этот счет какие-либо особые секретные инструкции, но фактом остается то, что среди партаппаратчиков — «новобранцев 37-го года», пришедших на смену прежней большевистской генерации, не оказалось ни одного еврея. В ближайшем окружении Сталина осталось всего два еврея (Каганович и Мехлис), с 20-х гг. проводивших антисемитские акции с не меньшим рвением, чем другие преступления правящей клики.

В то же время на ведущие роли, например, в научной жизни выдвигались лица, отличавшиеся в прошлом ненави-

стью не только к «старому» большевизму, но и к евреям. В этой связи можно сослаться, например, на судьбу историка Ю.В.Готье. В его дневниках периода гражданской войны встречается немало злобных выпадов против большевиков, и особенно «жидов», в первую очередь Троцкого²⁴. В 30-е же гг. Готье сделал головокружительную карьеру. В 1937 г. он стал одним из авторов учебника по русской истории, работа над которым велась под личным контролем Сталина, а в 1939 г. был избран академиком.

Возбуждению антисемитских настроений не могли не способствовать «антитроцкистские» московские процессы 1936 – 1937 гг. На процессе «параллельного троцкистского центра» около половины, а на процессе «троцкистско-зиновьевского центра» две трети подсудимых были евреями. Особый цинизм последнего процесса выражался в том, что на скамью подсудимых, наряду с «троцкистами» и «зиновьевцами» были посажены пять евреев — немецких эмигрантов, обвиненных в сотрудничестве не только с Троцким, но и с гестапо.

Тем не менее в эти страшные годы значительная часть демократической интеллигенции Запада, находившаяся под влиянием сталинской пропаганды, продолжала верить в успешное решение еврейского вопроса в СССР и отвергала все разоблачения Троцкого на этот счет. Даже в еврейской печати, издававшейся в США, публицисты, ранее писавшие о своем «восхищении» Троцким, выступили против него, когда он заявил об антисемитской подоплеке московских процессов. В январе 1937 г. издатель газеты «New York Tag» Б.Гольдберг писал: «... впервые мы, представители еврейской печати, услышали такое обвинение. Мы привыкли смотреть на Советский Союз как на наше единственное утешение в том, что касается антисемитизма... Непростительно, что Троцкий бросает такие необоснованные обвинения против Сталина»²⁵.

Сам же Троцкий под влиянием разгула антисемитизма в Германии и симптомов возрождения антисемитизма в Советском Союзе пришел к переосмыслению своих взглядов по еврейскому вопросу. В интервью американско-еврейской газете «Fogwärts» он заявил, что возникновение этих рецидивов средневекового варварства заставляет его отказаться от своих прежних представлений об ассимиляции евреев народами тех стран, где они проживают. По-прежнему полагая, что проблема антисемитизма не может быть разрешена при капитализме, он пришел к выводу, что даже в социалистическом обществе еврейский вопрос потребует «территориального разрешения», то есть евреи должны будут поселиться в собст-

венной стране. При этом Троцкий считал, что в силу геополитических факторов такой страной не сможет стать Палестина и что сионизм не сможет эффективно и бесповоротно решить проблему антисемитизма²⁶.

Изучение взглядов Троцкого по еврейскому вопросу позволяет лучше представить существо действительных процессов, которые происходили в 20—30-е гг. в Советском Союзе и предвещали утверждение государственного антисемитизма, господствовавшего в нашей стране на протяжении нескольких десятилетий. Знакомство с этими взглядами обнаруживает истинную цену новейших мифов, усиленно распространяемых современными черносотенными силами, о «зловещих троцкистских планах», направленных на подчинение Советского Союза и международного коммунистического движения «мировой стратегии сионизма».

-
- ¹ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 314, 430.
² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 329.
³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 86.
⁴ Там же. Т. 24. С. 18.
⁵ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.
⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С. 329.
⁷ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.
⁸ Коммунист. 1991. № 5. С. 36.
⁹ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 36.
¹⁰ Подробнее об этом см. в книге: Роговин В. Была ли альтернатива? Троцкизм: взгляд через годы. М., 1992.
¹¹ Троцкий Л. Термидор и антисемитизм. Цит. по: Бюллетень спартаковцев. 1991. № 3. С. 35.
¹² Троцкий Л. Сталин. М., 1991. Т. 2. С. 171.
¹³ Бюллетень спартаковцев. 1991. № 3. С. 35.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991. С. 189—190.
¹⁶ Коммунистическая оппозиция в СССР. М., 1990. Т. 4. С. 188.
¹⁷ XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. Т. 1. С. 397—398.
¹⁸ Троцкий Л. Сталин. Т. 2. С. 171.
¹⁹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. С. 256.
²⁰ Валентинов Н.В. Наследники Сталина. М., 1991. С. 220.
²¹ Там же. С. 198.
²² Разгон Л. Непридуманное. М., 1991. С. 77, 80—81.
²³ Бюллетень спартаковцев. 1991. № 3. С. 35.
²⁴ Готье Ю.В. Мои записки // Вопросы истории. 1991. № 6-12; 1992, № 1-6.
²⁵ Цит. по книге: Дойчер И. Изгнание Троцкого. М., 1991. С. 408.
²⁶ См.: там же. С. 408—409.

От редакции. Точка зрения автора не всегда совпадает с мнением редколлегии «Вестника».

В. КЕЛЬНЕР
(Санкт-Петербург)

АЛЕКСАНДР БРАУДО И БОРЬБА С АНТИСЕМИТИЗМОМ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

На протяжении столетий проблема борьбы с антисемитизмом была самой актуальной задачей, стоящей перед еврейским обществом. К концу XIX в. отошли в прошлое методы, с большим или меньшим успехом применявшиеся на протяжении десятилетий,— обращения и бесконечные петиции, использование личных связей в «высших сферах», а порой и материальные рычаги. Пожалуй, уже погромы 1881 — 1882 гг. и волна антисемитской пропаганды в печати показали слабую эффективность прежней тактики, а именно непосредственного верноподданнического апеллирования к монарху и правительству. В начале нового века традиционный институт патроната, когда несколько богатых и влиятельных евреев представляли всю еврейскую общину перед лицом государства, уступил место политическим партиям и организациям. Несмотря на всю социальную и политическую дифференцированность еврейского общества, проблема сопротивления антисемитизму была одной из немногих, что еще объединяли приверженцев различных идеологий. В этой борьбе до сих пор не оцененной остается роль Александра Исаевича Браудо.

Он родился в ноябре 1864 г. в г. Вилькомире Ковенской губернии в семье врача. Как имеющий высшее образование, его отец получил право жить и работать вне черты оседлости. Уже в 60-е гг. семья переезжает во Владимир. Там и прошли детство и юность Александра Браудо. Он учился в местной гимназии. В первые годы учеба шла весьма успешно, но вот в последних классах произошел какой-то конфликт, и в итоге Браудо был исключен из гимназии. О том, что произошло, можно только догадываться. Сам А.И.Браудо не вспоминал об этом, и в нашем распоряжении имеются только косвенные данные. По всей видимости, юноша столкнулся с антисемитскими преследованиями соучеников или преподавателей. Тем

более, что его исключение из гимназии совпало как раз с резкой вспышкой антисемитизма в стране в 1881—1882 гг. Браудо покинул Владимир и вскоре сдал экзамены за курс гимназии экстерном. Для этого ему пришлось переехать в Ревель. В 1883 г. Браудо поступил на историко-филологический факультет Дерптского университета. О годах его учебы в Дерпте мы знаем не много, хотя даже имеющиеся в нашем распоряжении детали говорят о его сложном душевном состоянии. Еврей, воспитанный вне национальной среды, он долгое время был далек от проблем своего народа. Но действительность тех лет поставила перед ним проблему выбора. Обостренное чувство собственного достоинства, врожденное стремление к справедливости заставили его встать на защиту еврейства. В годы учебы он занимался историей евреев, был членом, а затем и председателем университетского общества еврейской истории и литературы¹. В тот период произошел инцидент, по нашему мнению, достаточно характеризующий его как личность. В ответ на антисемитскую выходку одного из студентов Браудо, согласно традициям Дерптского университета, вызвал его на дуэль и в ходе поединка был тяжело ранен².

Как ученый А.И.Браудо специализировался по истории средневековой России. После окончания университета он некоторое время зарабатывал на жизнь уроками и библиографической работой в газете О.Нотовича «Новости»³. В марте 1889 г. Браудо был принят на службу в Императорскую Публичную библиотеку⁴. Устройству на работу в это учреждение способствовал уже много лет трудившийся в библиотеке известный ученый А.Я.Гаркави, на племяннице которого Браудо был женат. С тех пор вся научная жизнь Браудо была связана с этой библиотекой. В ней он прошел путь от библиотекаря до вице-директора.

Свою службу А.И.Браудо совмещал с активной общественной деятельностью, причем как с легальной, так и с нелегальной. Значительную часть этой деятельности составляло участие в издательских начинаниях самых разнообразных политических направлений. Браудо никогда не был членом какой-либо партии. Он оказывал содействие любым политическим силам, выступающим против самодержавия, от кадетов до социал-демократов. При этом единственным непременным условием в оказании помощи различным течениям русского освободительного движения было следование ими общедемократическим принципам. Одновременно Браудо принимал самое активное участие в еврейском национальном движении⁵. Он считал, что успех этого движения неразрывно связан с

общерусской борьбой, и поэтому содействовал постоянным контактам между русскими и еврейскими политическими деятелями. Современники хорошо понимали эти особенности политической борьбы в России начала XX в. Много лет спустя друг А.И.Браудо, лидер партии кадетов П.Н.Милюков, вспоминал: «По доброжелательному характеру Александра Исаевича, по сходству наших политических взглядов и по одинаковому направлению нашей общественной деятельности эти сношения только и могли быть самыми дружественными. В свою национально-еврейскую работу, носившую частью конспиративный характер, Александр Исаевич ни тогда, ни потом меня не посвящал; но он был *русским* евреем того поколения, когда различие национальностей не только принципиально отрицалось в нашем политическом кругу, но просто не замечалось и в бытовом и в культурном отношении. Мы сообща делали русское политическое дело, одинаково нам близкое и одинаково нужное для достижения общих целей. Все это тем более сближало, что окружала нас враждебная атмосфера старого режима и, лицом к ней, мы были естественными союзниками. Вот почему было бы просто невозможно отделить, что в то время делалось для специально еврейских и общерусских задач. Мы работали с Александром Исаевичем плечом к плечу, и объединяла нас в тогдашнем довольно тесном литературно-политическом кругу Петербурга атмосфера полного и безусловного взаимного доверия»⁶.

Как деятель общерусского освободительного движения А.И.Браудо участвовал в протестах общественности в связи с самоубийством в Петропавловской крепости Ветровой, подписал протест литераторов против избиения полицией студентов во время демонстрации в 1902 г. в Петербурге у Казанского собора, содействовал организации в стенах Публичной библиотеки знаменитого митинга-протеста по поводу событий 9 января 1905 г.⁷. Наверное, наименее известным и наиболее конспиративным было содействие, оказанное Браудо руководству партии социалистов-революционеров в разоблачении провокатора Е.Ф.Азефа. Именно Браудо был связным между эсерами и согласившимся на участие в этой акции директором Департамента полиции А.А.Лопухиным⁸.

Главным полем его общественной работы было издательское дело и сбор политической информации. По воспоминаниям Л.М.Брамсона, уже в 90-е гг. XIX в. возглавляемый им отдел юридической литературы в библиотеке стал центром либерально-демократической оппозиции⁹. Уже в конце 90-х гг. он непосредственно связался с издателями сборников «Освобожде-

ние». Этот центр по выпуску оппозиционной либерально-демократической литературы, обосновавшийся в Штутгарте, возглавлялся знакомым Браудо — П.Б.Струве. Между ними существовала прочная связь. Браудо переправлял в Штутгарт добываемую им политическую информацию и занимался распространением изданий сборников в Петербурге. Одна из тогдашних деятелей «Союза освобождения», Е.Кускова, вспоминала о том, что Браудо оказывал им бесценную помощь. Он связал Союз с руководством известного издательства «Общественная польза», ставшего вскоре легальной полиграфической базой либерального движения. Особенно ценила оппозиция организационные способности Браудо. «Если не удавалось найти квартиру под нелегальное собрание или под новый транспорт литературы, мы шли к Александру Исаевичу», — вспоминала Е.Кускова. «Плохо работаете! — шутил он. — Да я вам найду место под склад у любого министра: очень это либеральный народ стал... Того и гляди без нашей помощи введут конституцию...»¹⁰

В 1905 г. в политической жизни страны произошла сенсация. Газета «Речь» опубликовала разрабатываемые в строгой тайне правительственные законопроекты, призванные сбить накал общественной борьбы вокруг создания I Государственной думы. Редактор «Речи» П.Н.Милюков долгие годы хранил в тайне имя человека, от которого он получил эти документы. Только десятилетия спустя он сообщил о том, что их предоставил в его распоряжение А.И.Браудо, в свою очередь получивший эти бумаги от директора Публичной библиотеки Д.Ф.Кобеко¹¹, бывшего в то время членом Государственного совета и возглавлявшего Комиссию по реформе печати.

В 1906 г. в стенах I Государственной думы разразился скандал. Левая оппозиция представила неопровержимые доказательства участия высших чинов Министерства внутренних дел в погромной агитации. Была открыта «тайная» типография, печатавшая антисемитскую литературу, которая размещалась... в здании Департамента полиции и обслуживалась ее чинами. Сведения об этом также были добыты Браудо.

А.И.Браудо был человеком не только демократических воззрений, но и личностью с большой степенью национальной ориентированности. В условиях постоянных антисемитских кампаний и погромов требовались смелость, воля и упорство для того, чтобы противостоять этому. В начале века Браудо входил в редакционный круг так называемого «обновленного» журнала «Восход» вместе с М.М.Винавером и Л.Севом. Как член еврейской «Демократической группы», в руководство ко-

торой' он входил вместе с такими известными политическими деятелями, как Л.М.Брамсон и Г.А.Ландау, он был одной из центральных фигур редакции журнала «Еврейский мир».

Одной из его забот была борьба за сохранение исторической памяти. Как член Еврейского историко-этнографического общества, А.И.Браудо, вместе с С.А.Гинзбургом и С.Ан-ским (Раппопорт), стоял во главе уникального издания — сборников статей и документов «Пережитое».

Основным же методом борьбы с антисемитизмом Браудо считал создание и реализацию контриздательской программы. В 1901 г. он в письме известному русскому издателю, последователю и пропагандисту идей Л.Н.Толстого В.Г.Черткову отмечал большое значение выпущенных им книг «для распространения среди представителей разных кругов Русского Общества истинного понимания того, что делает русское правительство с живущими под его властью народами». При этом Браудо подчеркивал: «...но один вопрос, которого Вы в Ваших изданиях не касались, заслуживает особого внимания, это вопрос об отношении правительства к шестимиллионному еврейскому населению. Он заслуживает этого внимания, во-первых, потому что о нем меньше, чем о каком-нибудь другом, можно здесь говорить и, во-вторых, потому что, быть может, именно по этой причине, о том, что происходит в области этого вопроса, не знают часто даже самые лучшие, прекрасные русские люди. Именно Вы, как никто, можете открыть обществу глаза, можете показать ему картину безвыходного горя и страданий, которые царят здесь. Если бы Вы согласились издать сборник фактов, полно отражающих положение еврейского населения, подобно тому как Вы издали сборник о Финляндии, о духоборах и т.п., я уверен, что многие русские сегодня ужаснулись бы, узнав, что нечто подобное может твориться в Христианском государстве. Я уверен, что Вы сами ужаснетесь, когда ознакомитесь с фактами, имеющимися у меня в руках. Эти факты не требуют никаких комментариев; никаких теоретических рассуждений о так называемом «еврейском вопросе». Одни голые факты раскроют такую бездну горя, такое изуверство со стороны власти, что нельзя будет спокойно и смотреть на все это»¹².

Казалось, российские условия должны были приучить его ко всему. Но все же разразившийся в 1903 г. жесточайший Кишиневский погром был потрясением и для него. Сразу после случившегося А.И.Браудо приступил к созданию за границей специальных изданий, целью которых было точное и своевременное информирование общественного мнения об истинном

положении русского еврейства. Для этого из числа молодых литераторов были подобраны люди, способные выполнить эту непростую миссию. В трех странах: Германии, Франции и Великобритании с 1903 по 1910 г. выходили в свет бюллетени («Russische Korrespondanz», «La Correspondance Russe» и «Darkest Russia»).

Браудо не только постоянно добывал для них важнейшую информацию, но и собирал средства на их финансирование. Ежегодно он выезжал за границу для контактов с этими изданиями. Для руководства ими в самой России было создано нелегально действующее «Бюро печати». В него, помимо А.И.Браудо, входили М.М.Винавер, Г.Б.Слиозберг, М.И.Кулишер и Л.М.Брамсон. Задачами Бюро являлись сбор и анализ информации об антисемитском движении, снабжение этими сведениями зарубежных средств массовой информации и издательская деятельность. В Германии в этом направлении активно действовали Р.М.Бланк, Г.Б.Иоллос и Л.Е.Мацкин, во Франции — С.В.Познер, в Великобритании — Люсьен Вульф. По воспоминаниям Познера, представителя «Бюро информации» во Франции, Браудо постоянно руководил его действиями. Он добывал информацию, переправлял ее в Париж, субсидировал выход в свет бюллетеня и занимался его распространением¹³. Присылаемая Браудо информация была столь актуальна и конфиденциальна, что местная пресса публиковала ее с большой охотой. Правительство, обеспокоенное подобной скандальной утечкой информации, направило в Париж известного агента И.Ф.Манусевича-Мануйлова. Он должен был выяснить источник этой информации, а также наладить контрпропагандистскую работу.

В самой России «Бюро печати» тоже вело издательскую работу. В 1906 г. на процессе по поводу погрома в Житомире и Гомеле присутствовал адвокат М.Кроль. Он произвел собственное негласное расследование событий, а в ходе процесса вел его стенографическую запись. Эти материалы были отпечатаны затем в типографии «Общественная польза». В этой серии самым замечательным было подготовленное Браудо издание сборника документов «Материалы к истории русской контрреволюции». Книга была отпечатана в легальной типографии, но не представлялась в цензуру. В ней были собраны многочисленные документы, свидетельствовавшие об участии государственных структур в проведении антисемитской агитации и их непосредственном пособничестве погромам. Книга вышла в свет в 1908 г. Браудо разместил весь тираж в нелегальном складе и приступил к его распространению, когда

случайно воры выкрали часть тиража и начали продавать книгу на Невском проспекте. Арестованные полицией, они указали место кражи. Буквально в последний момент Браудо удалось вывезти остатки тиража в другое место.

Пожалуй, одним из самых крупных издательских начинаний А.И.Браудо была его деятельность по созданию и руководству издательством «Разум». Говоря современным языком, это было издательство, пропагандирующее идею «дружбы народов». На его идеологию большое влияние оказали и идеи Л.Н.Толстого. Официально во главе его стоял журналист и литератор С.В.Познер. За несколько лет до того он уже выполнял поручение Браудо — руководил во Франции изданием бюллетеня «La Correspondance Russe». В 1907 г. он вернулся в Россию и по заданию Браудо приступил к созданию издательства, которое должно было специализироваться на выпуске литературы, направленной на борьбу с шовинизмом. В создании издательства «Разум» приняли участие все те же силы, что с конца 90-х гг. неустанно боролись против национальной политики самодержавия. Это М.М.Винавер, ставший к тому времени одним из лидеров партии кадетов, А.Г.Горнфельд, литератор, завоевавший к тому времени прочные позиции в отечественной критике. В 1908 г., в период становления издательства, Браудо обратился к Горнфельду за советом в деле расширения программы «Разума». В ответном письме Горнфельд излагал свое мнение: «Итак, я бы рекомендовал издать библиотеку забытых классиков европейского романа. Она должна представлять собой замкнутый цикл, чтобы у читателя не было впечатления, что он имеет дело с чем-то случайным и разрозненным, — должна исполняться сериями и сопровождаться литературными предисловиями. Не могу сейчас же определить состав первой серии, но выбор можно было бы сделать из следующих произведений, пользующихся на родине почетным признанием не только в науке, но и в читающем обществе, у нас же публике неизвестных»¹⁴. Далее следовал обширный список произведений английской, немецкой и французской литературы конца XIX — начала XX в. Все же основной задачей издательства был выпуск литературы, направленной против антисемитизма. Об этом прямо писал еще в мае 1907 г. Винавер Горнфельду¹⁵. Видимо, он и привлек его к участию в работе. Более того, с помощью Горнфельда, работавшего в отделе критики журнала «Русское богатство», у издательства «Разум» установились прочные отношения с этим известным демократическим органом печати. Они даже обменивались рукописями¹⁶. Этому способствовал

Браудо, имевший давние связи с одним из руководителей журнала — Иванчиным-Писаревым¹⁷.

Начало свою деятельность издательство «Разум» с выпуска начиная с 1908 г. ежегодного альманаха «Календарь для всех». В нем, кроме обычных «календарных» сведений, давались обзоры политической жизни, выступлений в Государственной думе, печатались литературные произведения. Альманах предназначался для самых широких слоев общества. Параллельно с календарями выходили и сборники в серии «Альманах для всех». В качестве составителей выступали сам С.В.Познер (под псевдонимом Стеллин), С.Басманов, С.Ан-ский, М.П.Бойков, М.А.Карпов, А.Пресс. Сборники были тематическими, и каждый имел свое название: «Всюду жизнь», «Труженики», «За правду божию», «На чужбине», «Смех и слезы», «Солдатская доля», «Под игом», «Цветы Востока». В них включались литературные произведения типичного для той поры народнического звучания. Главная тема практически всех сборников — это единство людей труда вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности, в противостоянии социальному, религиозному и национальному гнету. Этой же политике следовало издательство и при реализации своих планов по выпуску отдельных изданий.

А.И.Браудо координировал работу «Разума» по выпуску литературы, направленной на борьбу с антисемитизмом. В период «дела Бейлиса» именно он добыл текст знаменитой «папской буллы», снимавшей с евреев обвинение в ритуальных убийствах, и организовал ее скорейший выпуск в России. Вообще в ходе борьбы в защиту Бейлиса Браудо возглавил издание целой серии соответствующих работ. Это А.Н.Ачкасов «Злой навет», Е.Вакандер «Вопрос о ритуальном убийстве у евреев», сборник «Европа о кровавом навете», речь адвоката В.А.Маклакова «Убийство А.Ющинского» и другие. Венчал эту серию трехтомный «Стенографический отчет по делу Бейлиса».

Высокий авторитет А.И.Браудо среди ученых, занимавшихся исследованиями в области еврейской истории, позволил ему организовать выпуск ряда монографий на эту тему. Среди них такие известные труды, как «Закон и жизнь» Ю.И.Гессена и «Отечественная война и евреи» С.М.Гинзбурга. Ежегодно с 1908 по 1916 г. издательство «Разум» выпускало в свет около сотни брошюр, книг и сборников, в основном предназначенных самым широким массам, направленных на критику национальной политики царизма. Львиная доля этих изданий была посвящена теории и практике антисемитизма. Когда в 1915 г. группа русской интеллигенции задумала выпустить специаль-

ный сборник литературных и публицистических произведений, направленных против очередной волны антиеврейских выступлений, то именно Браудо был связующим звеном между многими авторами и издателями сборника, получившего название «Щит»¹⁸. Он же привел в сборник и П.Н.Милюкова. «Разум» взял на себя все труды по реализации этого замысла¹⁹.

Другой заботой А.И.Браудо была деятельность московского книгоиздательства «Мир». Он возглавлял отделение этого издательства в Петербурге. Главным делом, которым занимался Браудо, была подготовка к изданию «Миром» многотомной истории евреев. Он и сам был автором этого труда, но необыкновенно велика его роль и как организатора. С помощью Браудо осуществлялось общение между руководителями «Мира» Л.А.Лурье и группой историков-петербуржцев: С.Гинзбургом, Ю.Гессеном, П.Семевским и другими. Через его руки проходили их рукописи, он улаживал и деловые проблемы²⁰.

Подводя итоги, можно сказать, что заслуга А.И.Браудо состояла в том, что он фактически сумел создать целую сеть издательств, которые выпускали литературу, посвященную борьбе против антисемитизма.

В дальнейшем судьба А.И.Браудо сложилась трагично. После Февральской революции он привлекался к созданию закона о равноправии народов России. После октября 1917 г. оставался сотрудником библиотеки. Был даже избран ее вице-директором. 1919—1920 гг. Браудо провел в Одессе, куда он выехал к своей семье, а затем оказался отрезанным от Петрограда фронтами гражданской войны. В Одессе он возглавил городскую публичную библиотеку. Там ему пришлось пережить все ужасы гражданской войны, когда город бесконечное количество раз переходил из рук в руки. В Петроград Браудо вернулся в феврале 1921 г. и вновь стал вице-директором Публичной библиотеки. Но напрасно считают, что после октября 1917 г. он прекратил политическую деятельность. Из изданных за рубежом воспоминаний известно, что весной 1918 г. именно Браудо содействовал переброске в Англию своего сотрудника Р.Бланка, которому было поручено информировать правительственные круги этой страны об отрицательном отношении российского еврейства к Брестскому миру. Позднее он передал в секретариат Версальской мирной конференции документы о позиции евреев России²¹. После разгона Учредительного собрания Браудо предлагал создать Еврейский национальный совет из евреев — депутатов этого собрания для оказания сопротивления диктату²².

В 1924 г. А.И.Браудо был направлен в командировку в страны Европы для восстановления международных связей Публичной библиотеки. Он побывал в Германии, Франции и Великобритании. Везде кроме выполнения своих профессиональных обязанностей Браудо встречался с эмигрировавшими из России друзьями и соратниками по общественной деятельности. В Берлине он посетил известного историка С.М.Дубнова. Тот вспоминал: «Летом он посетил меня здесь грустный, разбитый в борьбе за существование в Совдепии»²³. На Запад Браудо приехал с планом создания книги «История русско-еврейской интеллигенции». Это должно было быть исследование феноменального явления российской жизни конца XIX—начала XX в. — превращения еврейской интеллигенции в важную составную часть интеллигенции России. Однако этому начинанию не суждено было сбыться. Осенью 1924 г. А.И.Браудо скоропостижно скончался в Лондоне накануне своего шестидесятилетия. Незадолго до этого он говорил Е.Кусковой: «Трудности перед Россией стоят неисчислимые. Но нам, уцелевшим интеллигентам, надо работать не разгибая спины... Ждать положительного нечего. Надо становиться за станки, кто что умеет. Только не ждать»²⁴.

Таковым было завещание А.И.Браудо, еврея и российского интеллигента.

¹ ОР ГПБ (Дом Плеханова), ф. 352, ед. хр. 295, лл. 45 — 46.

² Александр Исаевич Браудо. 1864 — 1924. Очерки и воспоминания. Париж, 1937. С. 110.

³ ЦГАЛИ, ф. 339, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1.

⁴ Архив ГПБ, д. № 510 (Личное дело А.И.Браудо), л. 1.

⁵ Дубнов С.М. Книга жизни: Воспоминания и размышления. Рига, 1934. Т. I. С. 395.

⁶ Александр Исаевич Браудо. С. 24. Отметим, что в 1917 г., спасаясь от ареста, П.Н.Милюков, навсегда покидая Петербург, поручил судьбу своей библиотеки и архива именно А.И.Браудо (*Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 410).

⁷ Архив ГПБ, д. № 510 (Личное дело А.И.Браудо), л. 122.

⁸ Бурицев В.Л. В погоне за провокаторами. М., 1989. С. 145—146; *Николаевский Б.* Масоны и революция. М., 1991; Провокатор. Л., 1929. С. 242—271.

⁹ Александр Исаевич Браудо. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² ЦГАЛИ, ф. 552 (Чертков В.Г.), оп. 1, ед. хр. 499, лл. 1—2.

¹³ Александр Исаевич Браудо. С. 81—82.

¹⁴ ОР ГПБ, ф. 211 (Горнфельд А.Г.), ед. хр. 185, л. 1.

¹⁵ Там же, ед. хр. 409, л. 1.

¹⁶ Там же, ед. хр. 876, л. 4.

¹⁷ ОР ИРЛИ, ф. 114 (Иванчин-Писарев), оп. 2, ед. хр. 53.

¹⁸ ЦГАОР, ф. 102 (ДП, особый отдел), оп. 246, ед. хр. 344. Т. 1, л. 10.

¹⁹ Там же, ф. 579 (Милуков П.Н.), оп. 1, ед. хр. 2019.

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 597 («Мир»), оп. 1, ед. хр. 259. В этом фонде хранится около сотни писем и телеграмм А.И.Браудо в это издательство. Попутно отметим что, по некоторым имеющимся в нашем распоряжении данным, Браудо, возможно, был связующим звеном между этими издательствами и так называемым Ковенским комитетом — организацией, созданной в 1909 г. для координации деятельности еврейских политических партий и групп (ОР ИРЛИ, ф. 266, оп. 5, ед. хр. 30, лл. 1—1 об.).

²¹ Александр Исаевич Браудо. С. 63.

²² Там же. С. 48. Думается, что о личном мужестве А.И.Браудо и гражданской позиции в те годы говорят и воспоминания С.Е.Трубецкого. В 1920 г. Трубецкой был арестован в Москве и затем приговорен к десяти годам заключения как руководитель подпольной белогвардейской организации. В 1922 г. он в составе группы крупнейших отечественных ученых (С.Л.Франк, Н.А.Бердяев и др.) был выслан из страны. Высылка производилась через Петроград, куда Трубецкого доставили под конвоем прямо из тюрьмы ОГПУ. Он вспоминал: «В Петербурге нас встретило неприятное известие: немецкий пароход, на котором мы должны были плыть в Штеттин, почему-то отправлялся не на следующее утро, а только через два дня... Где же приткнуться на это время, как пропитаться? В те времена это были большие и жгучие вопросы. Но и тут нас выручило исключительно сердечное отношение со стороны совершенно незнакомых людей... А надо понимать, что тогда означало приглашение к себе, да еще таких нежелательных людей, как высылаемые... Наша семья была приглашена заведующим, или помощником заведующего, Публичной библиотеки. Это была интеллигентная семья... некоторые члены которой пострадали во время гражданской войны — как евреи — от Белой, нашей Армии... Чувства благодарности к нашим хозяевам, которые и стесняли себя и даже рисковали собой ради нас, смешались с чувством неловкости и даже некоторого стыда, хотя мы сами ни в чем не были виноваты перед ними...» (Трубецкой С.Е. Минувшее, Париж, 1989. С. 287—288).

²³ Дубнов С.М. Книга жизни: Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. Нью-Йорк, 1957. Т. 3. С. 45.

²⁴ Александр Исаевич Браудо. С. 91.

ДРУГОЙ НАУМОВ

История одной повести и одной жизни

Такое случается не часто: в каталоге Ленинской библиотеки (и в созданных на его основе указателях) на положенном месте не оказалось повести Н.Наумова (псевдоним Наума Львовича Когана¹) «В глухом местечке»; последняя фигурировала среди сочинений Николая Ивановича Наумова (1838-1901)², известного бытописателя Сибири, автора книги, «ходившей в народ», — «Сила солому ломит». Ошибка тем более досадная, что у другого Наумова «отняли» по существу единственное произведение, представляющее к тому же заметное явление русско-еврейской литературы.

История создания и публикации повести «В глухом местечке» в беллетризованном (и несколько драматизированном) виде изложена в рассказе другого забытого писателя, А.И.Новикова (1861-1913), — «Единственная повесть Каценбогена» (1903)³. Не представляя особой художественной ценности, он именно тем и интересен, что воссоздает реальные события и достаточно узнаваемые портреты двух главных действующих лиц: Н.Л.Когана, с которым, кстати, Новиков был лично знаком⁴, и В.Г.Короленко. В этом нетрудно убедиться, обратившись к их переписке.

Но прежде о ее предыстории, то есть о жизни Когана до его знакомства с автором «Слепого музыканта». Жизнь эта была полна невзгод и страданий. Выходец из бедной еврейской семьи, Н.Л.Коган родился 23 августа (ст. ст.) 1863 г. в одном из местечек Екатеринославской губернии, где его отец служил в помещичьей экономии⁶. В дальнейшем он занимался комиссионерством по хлебной части в Никополе и Геническе, так что в детстве будущий писатель имел довольно широкие возможности для знакомства с нравами черты оседлости, которые он потом описал в своей повести.

Получив начальное образование в хедере, двенадцатилетний Коган в 1875 г. был определен во второй класс Херсон-

ской гимназии. С этого же времени он самостоятельно содержит себя, зарабатывая на жизнь уроками.

Гимназию Коган не закончил — в седьмом классе у него начала развиваться чахотка. Оправившись, он едет в Харьков и поступает в Ветеринарный институт, но и на этот раз его подводит здоровье: на третьем курсе впечатлительный юноша заболевает нервным расстройством и почти полгода проводит в «тихом отделении» Харьковской университетской клиники.

С мечтой о высшем образовании пришлось расстаться. Коган возвращается в Никополь, женится и вместе с женой открывает там частное начальное училище и библиотеку. Однако спустя несколько лет вновь обострившийся туберкулез вынуждает его переселиться в Крым.

Он живет то в Симферополе, то в Ялте, пробавляясь уроками и случайной канцелярской работой. Видимо, в поисках заработка Коган начинает также сотрудничать и в местных газетах, вследствие чего, если верить мемуаристам, очень скоро наживает себе врагов среди тех, кого так или иначе задевают его обличения. И вот уже директор Ялтинской прогимназии убеждает родителей не доверять жиду обучение детей православного вероисповедания, так что мало-помалу лишается уроков; затем его выживают и из тамошней типографии, где он одно время подвизался в качестве заведующего деломпроизводством⁷.

Помимо корреспонденций и хроникальных заметок, Коган публикует в эту пору и первые свои собственно литературные опыты. Некоторые из них удалось выявить в севастопольской газете «Крымский вестник». Под уже знакомым нам псевдонимом Наумов (но без инициала) здесь в 1889-1890 гг. был помещен ряд стихотворений и мелких рассказов Когана⁸, а также печатавшийся в трех номерах кряду очерк «Сутки в душевном отделении»⁹.

В художественном отношении эти произведения неравноценны. Если стихи и рассказы (особенно первые) малосамостоятельны и сентиментальны, то очерк, наоборот, написан уверенной рукой. Основанный на тех реальных впечатлениях, которые автор почерпнул во время пребывания в «желтом доме», он интересен его самонаблюдениями и психологическими зарисовками людей, потерпевших крах.

Не удивительно, что, как и большинство начинающих, Коган испытывал сомнения в собственных силах и потому искал совета и поддержки у тех, кто уже обрел известность в ли-

тературе. Так, в одном из его писем есть упоминание о встрече в 1889 г. с А.П.Чеховым и приведены слова писателя по поводу принесенной ему на отзыв рукописи: «Вы писать умеете»¹⁰.

В сентябре или октябре того же года произошло и знакомство Когана с Короленко, который в то время отдыхал и лечился в поселке Карабах близ Гурзуфа. Рассказывая о том, как оно произошло, А.И.Новиков явно прибегает к преувеличениям: «Абрам Борисович Каценбоген посылает столичному писателю, названному Всеволодом Гавриловичем, рукопись уже завершённой повести, а тот, прочитав ее, бросается в ночную пургу разыскивать тяжелобольного юношу, чтобы поделиться с ним своими восторженными впечатлениями. На самом деле повесть Когана тогда еще не существовало (полагают, что он послал на суд Короленко уже упомянутый очерк «Сутки в душевном отделении»)¹¹. И посетил его писатель не сразу, а некоторое время спустя, в один из своих приездов в Ялту (а до того он написал Когану).

В тот раз он услышал лишь его устный рассказ из жизни еврейского местечка, в котором фигурировал некий мѐламед (учитель в хедере) Шлема, беззаботный философ-талмудист и «идеалист чистой воды». Стоически, с безразличием мудреца переносивший бедность и беспрестанные гонения, он в конце концов сделался жертвой «закона» в лице всемогущего полицейского надзирателя Ардалиона Игнатъевича. По Когану, этот грубоватый, но не лишенный сострадания человек тоже является жертвой. «Я фоб поневоле, почти бессознательно всего, на что натравливает меня любая бумага», — заявляет он в минуту раскаяния.

Дотоле не касавшийся еврейской темы, Коган решил обратиться к этому сюжету по настоятельному совету Короленко. «Я дал ему слово, — вспоминал позднее последний, — что проведу рассказ во что бы то ни стало. Мне казалось просто обидным предположить, что в русской литературе возможно одно только науськивание и кривляние по адресу целого племени»¹².

Есть на этот счет и свидетельство самого Когана, содержащееся в его письме к Короленко от 1 декабря 1889 г.:

«Я пишу повесть из еврейского быта, и Вы виноваты, что из еврейского. Я в первый раз видел, что он (быт) может вызвать интерес в лучших людях, Вы мне это показали... Я себя чудно чувствую при одном даже воспоминании, что меня, жида, заставил писать из родного быта хохол»¹³.

Там же Коган признается, что «никто до сих пор» не отнесся к нему «с таким вниманием», просит о «благословении»

и о праве время от времени делиться «накипью», но, получив, как видно, и то и другое¹⁴, надолго замолкает. Переписка возобновляется лишь в ноябре следующего, 1890 г., когда был завершен первый черновой вариант произведения. Сообщая об этом, Коган объясняет столь длительную паузу тем, что «не всегда была возможность писать»¹⁵. Увеличивающаяся семья (к тому времени у него было уже трое детей) и жизнь вдали от дома вынуждали его большую часть времени трудиться ради хлеба насущного. Однако не писать он уже не мог, вот почему, как ни огорчил его отзыв Короленко («Откровенно Вам скажу: данный рассказ, если Вы еще над ним поработаете, да потом немного еще его пообчистить — выйдет очень недурен, но кажется мне, что писательство не Ваше призвание. Оно очевидно требует от Вас слишком много усилий и главное — у Вас совсем нет повествовательного стиля»)¹⁶, он вновь засел за работу.

Одновременно Коган вынашивает планы переезда в Нижний Новгород в надежде, что, живя вблизи своего доброго наставника, он будет чувствовать себя лучше и многому выучится. Планы эти не были осуществлены, а заново переработанное произведение Коган отправил Короленко спустя полгода. «Я сделал все, что мог, исправил все, что Вы указали, — писал он из Симферополя 23 октября 1891 г. — Когда я отослал Вам рукопись, мне сделалось легче как-то: больно мне было смотреть на нее... Простите за два почерка. Я взялся переписать, но не в силах окончить. Слаб, очень слаб, совсем поистерся... Лежу и надеюсь... Должен же я иметь хоть один день хороший в моей жизни, которая теперь совсем уж никуда не годится»¹⁷.

Судя по всему, «день хороший» наступил для Когана с получением ответа от Короленко. Хотя это письмо, как и ряд других, до нас не дошло, о его содержании можно догадаться по реакции адресата: он чувствовал себя окрыленным. «Точно новый свет открылся передо мной, и новые, не испытанные мною ощущения положительно бодрят и освежают», — читаем в его письме от 9 февраля 1892 г. И далее: «Спасибо за такое сочувствие ко мне. Вы мне доставили много хороших моментов, которые забыть нельзя. Позвольте обратиться к Вам с просьбой: разрешите посвятить Вам мой первый рассказ, — я только Вам обязан появлению его в свет, да Вы же и внушили мне мысль написать его»¹⁸.

Обратим внимание, что, называя «В глухом местечке» своим первым рассказом (жанровое определение, возможно, принадлежит Короленко, который также именовал рассказами

некоторые свои повести), Коган как бы отделяет это произведение от тех, что он печатал ранее, ведь между ними существовала та же разница, как между провинциальной газетой и толстым столичным журналом, сама публикация в котором уже начала как бы прорыв в большую литературу. Другое дело, что даже несмотря на благоприятный отзыв Короленко, Коган все еще сомневался в возможности такой публикации, в том, что в обстановке разгула антисемитизма, когда еврейская тема, по сути, исчезла со страниц русских журналов, какой-либо из них согласится доvolmente «ожидовать»¹⁹.

Уже ближайшее будущее показало, что сомневался он не без оснований. В редакции «Русской мысли», куда была первоначально передана повесть, ее хотя и одобрили, но публикацию сочли неудобной, причем, как явствует из письма Короленко Г.А. Мачтету (так же хлопотавшему за Когана), «только из-за того, что там евреев не ругают, а как бы похваливают»²⁰.

Коган воспринял этот отказ крайне болезненно. «Я просто содрогаюсь от мысли, что и «Вестник Европы» может не принять»,— писал он Короленко 16 февраля 1892 г.²¹. Отчаяние, которое слышится в этих словах, можно понять. Их автор находился в этот момент в крайне бедственном положении. Полуголодный, кашляющий кровью, он из своего более чем скудного сорокарублевого жалованья выделял еще половину разбросанной по родственникам семье. Вот почему с отвергнутой рукописью были связаны «все его надежды на кусок хлеба, кров и жизнь»²².

К счастью, редактор «Вестника Европы» М.М.Стасюлевич оказался смелее владельца «Русской мысли» В.М.Лаврова. «Я так же, как и в Москве, нахожу рассказ прекрасным,— извещал он Короленко в неопубликованном письме от 4 июня 1892 г.,— и также за этим ставлю: «но» — но с тем, чтобы сказать: но я никак не могу понять, что же тут может быть названо — polizeiwidrig*, нецензурно. Бывает иногда так, что сама жизнь нецензурна, как это и есть, надеюсь, в данном случае; но художественное изображение нецензурной жизни может сделать ее в литературе цензурною, или иначе Гоголь при Николае Павловиче был бы невозможен. Итак, без дальних слов, шлю Вам утвердительный ответ, а в таком случае

* вредно, с полицейской точки зрения (нем.).

и признательность за то, что Вы дали рассказу *сoup de maître**, — это и весьма приподняло его, а соответственно и вместе с тем сделало его еще более «цензурным», т.е. художественным»²³.

Здесь следует пояснить, что речь идет о той редакции, которой подверг рукопись Короленко. К сожалению, мы не знаем, каким был ее объем и характер, известно только, как отнесся к ней сам автор. Увидев свое произведение напечатанным, он писал, что там, где рука Короленко коснулась его, оно «дышит человечностью и мастерским чутьем художника, а вставленные строки в описании хватают за сердце»²⁴.

Но еще прежде, чем повесть Когана увидела свет (в ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1892 г.), он, охваченный радостным чувством ожидания, был в немалой степени разочарован, узнав, что ему предстоит явиться перед читателем под псевдонимом. Нет, псевдоним — Н.Наумов — не был придуман редакцией, как это изображает Новиков, ведь Коган пользовался им и ранее. Вот и на сей раз он прибегло к нему, чтобы «не бросаться сразу в глаза предубежденному читателю»²⁵, выбрав с этой же целью и нейтральное заглавие; но в последний момент, следуя совету Короленко, обратился в редакцию с просьбой поставить под первым своим большим произведением настоящую фамилию и поменять название на более определенное — «В еврейском местечке». Однако и то и другое предложение было отвергнуто, а автора, кроме того, предупредили, что в случае, если он будет настаивать на своем, — рукопись ему возвратят обратно²⁶.

По существу это был ультиматум, и Коган скрепя сердце вынужден был его принять. Между тем неудачный псевдоним сыграл явно отрицательную роль в дальнейшей судьбе произведения.

Дебют молодого писателя не прошел незамеченным: на него откликнулась — и весьма благосклонно — как столичная, так и провинциальная печать. В том, что «рассказ его обнаруживает бесспорный талант и читается с большим интересом», что автор проявляет «редкую наблюдательность», «близкое знакомство с изображенным бытом», «глубокое понимание еврейской жизни», сошлись и фельетонист «Одесских новостей» П.Т.Герцо-Виноградский, и безымянный рецензент «Недельной хроники Восхода», и укрывшийся под криптонимом «Ъ»

* дословно: удар мастера (*франц.*).

обозреватель «Семьи», и маститый А.М.Скабичевский, и, наконец, сам Н.К.Михайловский²⁷. Последний в рецензии, помещенной на страницах «Русского богатства», указывал, что, даже болея за «еврейскую нищету и темноту», автор «отнюдь не думал польстить евреям и идеализировать их». «От рассказа,— отмечал он,— веет правдой в самом широком смысле этого слова,— и той высшей человеческой правдой, которая обнимает собою людей всех цветов, пород и происхождений, и той правдой действительности, которая чувствуется даже при незнакомстве с изображенным бытом; слишком типичны эти фигуры, слишком характерны и оригинальны подробности, чтобы в них не отражалась сама жизнь»²⁸.

Между прочим, эта оценка повести Когана перекликается с той, что дал ей А.П.Чехов. Разбирая посланную ему для отзыва книгу М.Полиновского «Еврейские типы» (1900), он заметил в письме к ее автору: «И зачем писать об евреях так, что это выходит «из еврейского быта», а не просто из «жизни»? Читали ли Вы рассказ «В глухом местечке» Наумова (Когана)? Там тоже об евреях, но Вы чувствуете, что это не «из еврейского быта», а из жизни вообще»²⁹.

Надо сказать, что успех повести предопределили не только ее литературные достоинства. Как писал позднее А.Г.Горнфельд, она «пришлась ко времени» и удачно выразила «некоторые общественные настроения», ознаменовав собой «перевал» и «некое событие». Он же утверждал, что именно с этого произведения «начинается в русской беллетристике внедрение еврейских тем и мотивов»³⁰.

Хотя, на наш взгляд, это наблюдение небесспорно (с не меньшим основанием пионером еврейской темы можно назвать, скажем, Мачтета, чей рассказ «Жид» в 1887—1888 гг. выдержал несколько изданий), верно, во всяком случае, то, что на долю повести Когана выпал отнюдь не рядовой успех.

Естественно, что неведомым Н.Наумовым заинтересовались, но немало было и тех, кто принял его за настоящего носителя этой фамилии. Не помогло и печатное предостережение А.М.Скабичевского не смешивать двух разных писателей³¹,— их все равно путали³². И не только неискушенные читатели. Даже опытнейшая А.В.Мезьер попала впросак, вследствие чего в ее известном указателе по истории русской литературы повесть Когана оказалась приписана все тому же Н.И.Наумову³³. Есть и пример противоположный. Заглянув в печатный каталог Библиотеки Конгресса США, можно убедиться, что здесь уже Н.Л.Когану (наряду с его собственным произведением и сборником переписки с Короленко) припи-

саны сцены «Куда ни кинь — все клин» и «Юродивая» (1879)³⁴, в действительности принадлежащие его старшему брату по перу.

Понятно, что успех должен был побуждать Когана продолжать в том же русле. Он и продолжал, но не без колебаний, о чем, в частности, свидетельствует оставшийся после его смерти не законченным роман «Еврейка». С одной стороны, его по-прежнему угнетали внешние препятствия, с другой — он не мог не принять во внимание мнение М.М. Стасюлевича, считавшего, что ему «незачем... держать свой талант «в черте оседлости», поскольку все, что он напишет «на эту тему, будет похоже или на повторение, или на продолжение первого»³⁵. Ему же самому, как видно, хотелось оставаться евреем и в жизни, и в литературе.

«Посоветуйте мне, что делать. Как Вы думаете? Хочу писать, но надо же мне знать куда и как? — обращался Коган к Короленко 13 декабря 1892 г. — Ведь это значит опять лишиться голоса. «Русская мысль» боится, кто же поместит? На эту тему пока один я говорил (из евреев), но говорить следовало многим». Далее он сообщал, что мечтает о поездке в «черту», где надеется собрать «много нужного материала, и что хочет писать так, «чтобы не испортить Шлемы»³⁶.

Короленко поддержал его намерения («По-моему, Вам пока незачем еще бросать свою тему»³⁷), но осуществить их Коган не смог. Болезнь продолжала прогрессировать, и работать ему удавалось лишь урывками между приступами. В конце концов он как за спасительную соломинку ухватился за совет одного из докторов уехать из Ялты и поселиться в лесной местности, остановив свой выбор на Гомельском уезде. В дороге, однако, его состояние резко ухудшилось. Пришлось сделать остановку в Екатеринославе, где Когана поместили в Еврейскую больницу. Здесь он и умер (15 мая 1893 г.)³⁸, не дожив чуть более двух месяцев до своего тридцатилетия. Местная община организовала его торжественные похороны. Об «угасшей надежде» в те дни писала русская и еврейская печать³⁹.

«У покойного других трудов не было. Наследников, которые издали бы повесть отдельной брошюрой, — тоже» — так изображает посмертную судьбу своего героя А.И.Новиков⁴⁰. В действительности она не была столь уже безотрадной. Переговоры об отдельном издании своей повести вел еще сам Коган, но тогда не удалось получить разрешения цензуры, которая запретила даже перевод на древнееврейский язык⁴¹. Тем не менее в год смерти писателя «В глухом местечке» была выпущена отдельной брошюрой издателем-редактором петер-

бургского журнала «Восход» А.Е.Ландау⁴². Еще дважды, в 1895 и 1898 гг., она была напечатана в серии книг для народа (вместе с рассказом Р.М.Хин «Макарка») издательством «Посредник»⁴³, что, замечу попутно, в какой-то степени облегчило положение вдовы Когана, оставшейся после его смерти с пятью детьми и без средств к существованию. Из ее неопубликованной переписки с Короленко (последний после смерти Когана не остался безучастен и к судьбе его семьи) видно, что повесть «В глухом местечке» была переведена также на английский и немецкий языки⁴⁴.

Были и попытки издать ее позднее. Так, в ноябре 1913 г. к Короленко обратился старший сын Когана, Борис Наумович, выразивший пожелание, чтобы повесть была переиздана «Русским богатством» с предисловием самого писателя «в связи с процессом Бейлиса», а доход — употреблен на благотворительные цели⁴⁵. К сожалению, проект этот не был осуществлен, хотя в ответном письме Короленко соглашается, что «В глухом местечке» следовало бы переиздать «даже и вне связи с делом Бейлиса»⁴⁶.

Такова вкратце история одной повести и одной жизни. Не скрою, что лично для меня она началась с досадной библиографической ошибки, из-за которой Н.Л.Коган, в сущности, выпал из поля зрения исследователей. Случайно столкнувшись с нею, я счел своим долгом, пусть и задним числом, восстановить справедливость по отношению к другому Наумову. Похоже, что это тот случай, который имел в виду писатель В.Г.Лидин, заметивший однажды, что «иногда все же стоит внести поправку в строгий закон забвения».

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов... М., 1957. Т.2. С.251.

² См., например: Указатель заглавий произведений художественной литературы. 1801—1975. М., 1985. Т.1. С.123.

³ Новиков А. Единственная повесть Каценбогена. Баку, 1903. Вошел в его кн.: Сборник рассказов. СПб., 1904. С.268—303. Об авторе см.: Русские ведомости. 1913. 25 января. С.3.

⁴ Еврейская энциклопедия. СПб., б.д. Т.9. Стб.596.

⁵ Переписка В.Г.Короленко и Н.Л.Когана (Наумова; 1889—1893). По материалам архива В.Г.Короленко / Под ред. и с примеч. Н.В.Короленко и А.Л.Кривинской. М., 1934. См. также: Новополі Г. (Нейфельд Г.С.). Листи В.Г.Короленка // Літературний архів. Харків, 1931. Кн. VI. С.83-87.

⁶ Точное место рождения Н.Л.Когана неизвестно. В одних источниках фигурирует Екатеринославский уезд (Крымский вестник. 1893. 25 июня. С. 2; там же. 1893. 29 июня. С. 2), в других — Александровский (Недельная хроника Восхода. 1893. 27 июня. Стб.699).

⁷ Наблюдатель. Памяти Н.Л.Когана // Крымский вестник. 1893. 29 июня. С.72; Шаргородский Г. Памяти Наума Львовича Когана (Наумова) // Недельная хроника Восхода. 1894. 23 января. Стб.69.

⁸ Ялтинская баллада (Подражание А.Толстому) // Крымский вестник. 1889. 9 августа; Старый год (Стихотворение); Домашний учитель (Святочный рассказ) // Там же. 1889. 30 декабря; Трудный ребенок // Там же. 1890. 18 мая.

⁹ Крымский вестник. 1889. 5—7 сентября. № 191—193.

¹⁰ Переписка В.Г.Короленко и Н.Л.Когана (Наумова). С. 15.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 7.

¹⁴ На письме есть помета Короленко об ответе (там же. С.8).

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 12—13.

¹⁷ Там же. С. 18.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цит. по: *Новополін Г.* (Нейфельд Г.С.). Листи В.Г.Короленка. С. 85.

²¹ Переписка В.Г.Короленко и Н.Л.Когана (Наумова). С. 21.

²² Там же.

²³ ОР ГБЛ, ф.135. П. 34, ед. хр. 15, лл.6 и об.

²⁴ Переписка В.Г.Короленко и Н.Л.Когана (Наумова). С. 30.

²⁵ Там же. С. 21.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ См.: Одесские новости. 1892. 18(30) ноября. С. 72; Недельная хроника Восхода. 1892. 15 ноября. Стб. 1291; Семья. 1893. № 7. С. 11; Новости и биржевая газета. 1892. 19 ноября. С. 2; Русское богатство. 1893. № 12. Отд. II. С. 31—33 (перепеч.: *Михайловский Н.К.* Собр. соч. СПб., 1913. Т.10. Стб. 1002-1004).

²⁸ *Михайловский Н.К.* Собр. соч. Т.10. Стб. 1002-1004.

²⁹ Цит. по: Одесский листок. 1904. № 175. С.1.

³⁰ *Горнфельд А.* Русское слово и еврейское творчество // Еврейский альманах. Пг.—М., 1923. С.182-183. Указано А.И.Рейтблатом.

³¹ Новости и биржевая газета. 1892. 19 ноября. С.2.

³² См.: *Станиславский С.* Некролог Н.Л.Когана // Екатеринославские губернские ведомости. 1893. 19 июня. С.4.

³³ *Мезьер А.В.* Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности. СПб., 1902. Ч.2. С.245. Ср.: Каталог журнальных статей домашней библиотеки бр. Таланцевых. Н.-Новгород, (1906). С.347.

³⁴ Library of Congress Catalogue. National Union Catalogue. 1973-1977. Б. м., 1978. Vol. 62. P. 508.

³⁵ Переписка В.Г.Короленко и Н.Л.Когана (Наумова). С. 38.

³⁶ Там же. С. 38—39.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ Эта дата фигурирует в некрологах Н.Л.Когана (см. сноску 39), однако в метрической книге синагоги г. Екатеринослава за 1893 г. смерть мещанина Таврической губернии города Ялты Нухима Лейбова Когана (sic!) датирована 16 июня 1893 г. (Справка Гос. архива Днепропетровской области № 214 от 5 мая 1988 г.).

³⁹ Крымский вестник. 1893. 25 июня. С.2; Д. Угасшая надежда // Новости дня. 1893. 23 июня. С.2; -И. Пришло на память // Новости дня. 1893. 25 июня. С.2. *Станиславский С.* Н.Л.Коган // Недельная хроника Восхода. 1893. 27 июня. Стб.699-710. См. также сноски 7, 32.

⁴⁰ *Новиков А.* Единственная повесть Каценбогена. С.37.

⁴¹ В виду того, что «такая популярная иллюстрация будто бы имеющих место административных гонений на евреев не может быть допущена к распространению среди народа» (ЦГИА, ф.777, оп. 4, 1893, ед. хр. 46, л. 54). Сообщено В.Е.Кельнером.

⁴² *Наумов Н.* В глухом местечке. Рассказ. СПб., 1893 (на обл. 1894).

⁴³ *Наумов Н.* В глухом местечке; *Хин Р.* Макарка. М., 1895 (то же, изд. 2-е. М., 1898).

⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 135. II. Картон 25, ед. хр. 58, л.7. Письмо С.М.Когана от 1 ноября 1894 г.

⁴⁵ Там же, ед. хр. 54.

⁴⁶ Там же, II.15, л. 37.

АРХИВ

ПУБЛИКАЦИИ

ЕВРЕЙСКИЙ ХУДОЖНИК В РОССИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: СТАТЬЯ М. Л. МАЙМОНА «КТО ВИНОВАТ?»

Моисей Львович Маймон (1860–1924) — живописец, действительный академик Российской Академии художеств — был заметной фигурой в художественной среде Петербурга рубежа XIX—XX вв. Его участие в выставках, как правило, не оставалось незамеченным, его картины имели успех (нередко даже скандальный) у публики.

Сейчас имя Маймона известно лишь немногим специалистам, как художник он незаслуженно забыт. Это отчасти объясняется тем, что его творческое наследие практически полностью утрачено, и составить себе некоторое представление о его произведениях можно лишь по несовершенным репродукциям и документальным фотографиям. К сожалению, такова судьба художественного наследия многих еврейских художников того поколения, к которому принадлежал и Маймон, — поколения И. Аскназия, П. Геллера, П. Пэна, — и, вероятно, это не случайно. Художники, посвятившие свое творчество еврейскому народу, работавшие, как тогда говорили, в «национальном направлении», «национальном жанре», заранее готовили себе такой удел: еврейская тематика в искусстве, непопулярная и при их жизни, вскоре после того, как ушли из жизни последние представители этой генерации, была предана забвению. Между тем их искусство — чрезвычайно важный этап еврейской культуры в России, во многом подготовивший блистательный расцвет еврейского искусства, связанный с именами М. Шагала, Э. Лисицкого, Н. Альтмана, И. Рыбака и др. Последним было намного легче: они во многом опирались на опыт своих предшественников, шли по проторенному ими пути.

При всей кажущейся скромности художественных достижений опыт первых еврейских художников в России уникален: они утвердили социальную и эстетическую значимость «еврейской темы», само право на ее существование в искусстве. С другой стороны, в их сознании уже начало формироваться представление о творчестве как форме национальной жизни. Этим художникам пришлось не только преодолевать устоявшиеся представления и предрассудки, но и столкнуться с непониманием в среде самой еврейской интеллигенции, с отсутствием национального зрителя, которому они адресовали свое творчество.

Именно этим проблемам посвящена публикуемая статья М. Маймона «Кто виноват?», написанная в 1901 г. Несмотря на то что статья не закончена, в ней вполне выражена его позиция. Маймон здесь более развернуто, чем его современники, высказался о вопросах, которые волновали тогда многих деятелей еврейской культуры.

Статья публикуется по автографу, переданному мне вместе с другими рукописями М. Маймона его внучкой Миррой Борисовной и ее мужем Азарием Львовичем Кондобским при содействии Элеоноры Владимировны Алесковской,

внучатой племянницы Маймона. Они бережно сохранили архив и некоторые произведения художника. Выражаю им свою глубокую благодарность.

М. Маймон

КТО ВИНОВАТ?

Исходящее от сердца
принимается к сердцу.

Под впечатлением превосходнейших писем г. Бен-Ами¹, дышащих неподдельною правдою и исходящих из глубины его чистой еврейской души, поднимаю и я свой «глас вопиющего» по поводу тех несправедливых укоров, брошенных, хотя вскользь, г. Бен-Ами в лицо еврейскому художественному миру, обвиняя его в черной неблагодарности за его умышленное избегание сюжетов родного жанра². Какое обидное недоразумение! Какая глухая, непроницаемая стена поставлена между еврейским художником и еврейскою же публикою, не исключая и интеллигентную! Что за странный народ эти еврейские художники, спросит изумленный читатель? Как же так? Иметь такую славную, богатейшую свою историю и писать картины вроде «Святополка окаянного» или «Греческую пифию на треножнике». Что же это такое: умственное оскудение или духом обнищание? Так обстоит дело с первого взгляда, когда читаешь нападки на тружеников искусства, но так ли оно на самом деле? Вникните хорошенько, читатель, быть может, причина кроется не здесь, а совершенно в другом месте? Станет ли кто излагать свои мысли и печатать книги на каком-нибудь непонятном языке или, что еще хуже, на таком языке, которого никто понимать не желает? Это же донкихотство, сказали бы, не правда ли? Разве писатель не зависит от читателя? Разве он пишет для себя? Ведь это было бы воистину глас вопиющего в пустыне! Войдите теперь в положение идеалиста-художника еврея, который пишет картины для украшений своих собственных апартаментов. Стали

бы вы его упрекать в том, что он не пишет таких картин еще и еще? Ведь это была бы насмешка! А между тем дело обстоит именно так.

Чтобы не быть голословным, представляю факты. У одного моего близкого известного еврейского художника (*нрзб*) стоит до сих пор никем не приобретенная громадная историческая картина из еврейской жизни. Картина эта наделала огромный успех здесь на выставках и в провинции. О ней говорили и судили на все лады, а между тем не нашелся никто, который ее приобрел, исключительно из-за сюжета. У него же имеется еще целая масса оригиналов на темы из еврейской жизни, и ни один из них никогда не был приобретен евреями³. У другого не менее известного художника все стены увешаны картинами еврейского жанра⁴. То же у третьего. Одним словом, я не знаю ни одного еврейского художника, у которого на руках не нашлись бы картины еврейского содержания. Так что хоть целый музей устройте.

Теперь, любезный читатель, полюбопытствуйте и обратите ваше благосклонное внимание на стены кабинетов и гостинных наших богачей, для которых, собственно, картины предназначаются, встречали ли вы когда-нибудь картины еврейского жанра? Ведь чего-чего только там вы не найдете: «Охоту на зайца», «Малороссийскую свадьбу», «Турецкого янычара» или «Похищение Прозерпины». Но разве этот просвещенный интеллигент повесит у себя еврейского пахаря в ермолке, в талесе котон и развевающихся по ветру цицес, сюжет, рекомендованный г. Бен-Ами? Ведь это, Боже сохрани, не только перед гостями, но даже перед прислугой стыдно станет, если увидят на стене такой позор; ведь, избавь Боже, могут подумать, что он имеет кое-какое отношение к этому пейсатому пахарю. То ли дело малороссийский пахарь с тупым и пьяным лицом. Этот всем понравится и никого шокировать не будет. Да что же говорить о картине, когда даже своего родного отца или дедушку такой либерал на стенку не повесит, чтобы не подумали, что он родственник этого пейсатого старика. И это ведь все не выдумка, не фантазия, а печальная действительность. Вот та публика, для которой предметы искусства предназначены вообще.

Итак, читатель, я вам изобразил одну сторону медали, так сказать, ее материальную сторону⁵. Возьмем обратную, так называемую нравственную сторону этого дела и посмотрим,

каково отношение этой публики к такому идеалисту-художнику, который несмотря на все лишения и на все житейские невзгоды все же неуклонно потом и кровью (картина вообще не так легко делается, как полагают многие) продолжает работать на ниве еврейской, не дав замолкнуть в себе чувству, приобретенному им от своего многострадального народа, и посмотрите тоже на отношение той же публики к художнику, хотя носящему еврейское имя, но понимающему, куда ветер дует, и знающему, что «Святополка окаянного» выгоднее избражать, нежели пейсатых евреев. В то время когда последнему, бросавшему им только объедки со своей духовной трапезы, евреи устраивают юбилеи и лезут из кожи вон, чтобы только доказать, что и они почитают талант и гений, — эти же господа отворачиваются с презрением от тех, которые всю свою жизнь трудились, работали для них и ради них. За примером ходить недалеко. В прошлом году исполнилось сто лет со дня рождения известного художника Оппенгейма, писавшего картины исключительно еврейского жанра⁶. Ведь, казалось бы, что бы этим господам хоть словом почтить память этого труженика, отдавшего им весь свой талант и все силы, чтобы кистью увековечить радости и печали своего народа. Даже печать еврейская не сочла нужным обмолвиться хоть словом об этом замечательном человеке⁷. Нет даже до сих пор приличной биографии его. Никому он не нужен, так как он был еврей и писавший только как мыслил, то есть по-еврейски. А вот вам и другой пример, еще более обидный. Умер в Галиции более двадцати лет тому назад замечательный художник Мориц Готтлиб⁸. Он хотя умер молодым — ему было всего двадцать четыре года, но оставил неизгладимый след в искусстве евреев. Несмотря на свою кратковременную жизнь, он успел написать несколько крупных вещей, которые дали ему всемирную известность.

¹ Бен-Ами Мордехай (псевдоним; подлинное имя — Марк Яковлевич Рабинович; 1854 — 1932) — еврейский писатель и публицист, писавший преимущественно по-русски. Маймон имеет в виду публицистический очерк (в форме писем к читателю) «Глас из пустыни», опубликованный в журнале «Книжки «Восхода» (1900, август—ноябрь; 1901, январь—декабрь).

² Упреки палестинофила Бен-Ами (в 1890 г. он примкнул к Ховевей Цион, а позднее принимал участие в сионистском движении) обращены к ассимилированной еврейской интеллигенции, предавшей забвению национальную культуру, утратившей национальную гордость и связь со своим народом. Однако «укоров, брошенных в лицо еврейскому художественному миру», как пи-

шет Маймон, в очерке нет. Не содержится в нем и каких-либо рекомендаций сюжетов для еврейских живописцев, как об этом чуть ниже пишет Маймон. В своем очерке Бен-Ами значительное место уделит Генриху Гейне, восхищаясь его верностью национальным святыням и национальным мужеством. Именно этих качеств Бен-Ами не находит у современных ему деятелей культуры еврейского происхождения. Он пишет буквально следующее: «О да, Гейне широко искупил свой грех перед еврейством. Никто так громко, так смело и так мужественно не говорил о своем еврействе, как он. Мне, быть может, больше, чем кому-либо, тяжело и даже крайне неприятно говорить о подобного рода мужестве. Но когда видишь, с какою жалкою, презренной трусливостью другие более или менее выдающиеся евреи скрывают свое еврейство, невольно приходится говорить о мужестве в данном случае. Читайте, например, воспоминания Антона Рубинштейна и даже внешним образом оставшегося в еврействе Антокольского».

Как старательно эти господа обходят все то, что может напомнить их еврейское происхождение, до какого преувеличения они доводят свое скромное молчание на этот счет. Если уже упоминают об этом несчастье, то там, где оно уже неизбежно, да и то делают это как-то вскользь. Между тем Рубинштейн широкой рукой черпал свои мелодии в еврейских национальных мотивах, которые легли в основу его лучших произведений. Даже его симфония «Океан» в своей первой части построена главным образом на еврейском хасидском нигуне, который легко узнает тот, который хорошо знаком с хасидским миром в Бердичеве. Очень многие еврейские нигуним, распеваемые хасидами, перенесены им целиком, без всякого изменения. Таковы, например, мотивы двух хоров в Вавилонском Столпотворении, мотивы хора «Бейте в тимпаны» (Маккавеи), который я лично слышал за столом при шолеш-судос, когда мне было всего четыре года, и многие другие.

О его превосходительстве статском советнике — виноват, действительном статском советнике г. Антокольском я ничего не могу сказать. Быть может, он, выросший в Вильне, действительно евреям ничем не обязан, а потому и вправе служить своим искусством только тем, которые могли дать ему столь украшающий его титул. И странная вещь. В то время как наши евреи из кожи лезут, кричат и горланят и адреса преподносят евреям, которые ничего для них не сделали, ничего не внесли в еврейское национальное сокровище, кроме титула действительного статского советника, которые оставались равнодушными зрителями в години величайших страданий и унижений своего племени, не переставая прислуживать тем, которые были главными виновниками этих страданий, пользуясь их милостями и подачками, или именно потому, что пользовались, в то время как на все лады прославляли и воспевали подобных господ, мы постоянно так безучастно, так равнодушно стоим в стороне, когда празднуется память Генриха Гейне, считая его «бывшим евреем» (см.: Книжки Восхода. 1900. Сентябрь. С. 103—104).

Маймон, таким образом, лишь интерпретирует по-своему мысль Бен-Ами, заостряет ее, а точнее говоря, пишет о том, что волнует его как еврейского художника. Проблемы, о которых идет речь в статье Маймона, в той или иной степени вставали перед многими еврейскими живописцами его поколения, искавшими путей национально-художественного творчества. О зависимости еврейского художника от художественного рынка, об отсутствии спроса на «еврейский жанр» упоминает, в частности, Д. Магид в своем очерке об Исааке Аскназии (см.: *Магид Д.* Исаак Львович Аскназий. Его жизнь и художественная деятельность // Еврейская семейная библиотека. 1903. Март, май, июль, сентябрь; особенно июльский номер, с. 79—80). Та же тема звучит в романе Р.Брайнина «Записки еврейского художника» (см.: Еврейская семейная библиотека. 1903. Июнь—сентябрь).

³ Я полагаю, что, говоря об «известном еврейском художнике», Маймон имеет в виду самого себя и намекает на свою картину «Тайный седер в Испании во времена инквизиции (Марраны)», впервые показанную на академи-

ческой выставке 1893 г. Именно за нее Маймон и был удостоен звания академика живописи. Громкий успех «Марранов», художественные достоинства картины были причинами постановления Академии Художеств о приобретении ее для Музея Александра III. Однако группа профессоров, поддержанная тогдашним президентом Академии великим князем Владимиром Александровичем, добилась отмены этого решения на основании якобы «антихристианской направленности» картины. Позднее «Марраны» с успехом экспонировались в «Художественном салоне» в Варшаве и в Вильне, а в 1904 г. на Всемирной выставке в Сан-Луи, где были проданы ловким дельцом-аферистом без ведома автора. С этого времени местонахождение картины неизвестно (см.: *Маймон М.* История одной картины // Еврейская летопись. М.; Пг., 1923. Сб. 1. С. 104—111).

⁴ Вполне вероятно, что и за этими иносказаниями скрывается реальное лицо. Близким другом Маймона был Петр Исаакович Геллер (1862—1933). Оба художника учились в Академии Художеств (Геллер — с 1878 г.), а позднее стали членами Санкт-Петербургского товарищества художников. Геллер даже несколько раньше своего товарища стал работать в «еврейском жанре»: его картина «Присяга евреев-новобранцев» была показана на выставке в 1889 г. (см.: Русская художественная культура конца XIX—начала XX века. Кн. вторая. Изобразительное искусство, архитектура, декоративно-прикладное искусство. М., 1969. С. 244, 245).

⁵ Конец предложения в рукописи неразборчив, реконструирован по смыслу.

⁶ Оппенгейм Мориц-Даниил (1800—1886) — еврейско-немецкий художник, создавший серию «Картин из старинной еврейской семейной жизни». (Указание на столетний юбилей со дня рождения Оппенгейма дает возможность датировать рукопись 1901 г.)

⁷ Маймон ошибается: ему, видно, неизвестен очерк художника М.Иоффе, приуроченный к юбилею (*Иоффе М. С.* Мориц Оппенгейм, национальный еврейский художник // Научно-литературный сборник «Будущности». СПб., 1900. Т. I. С. 291—300). Иоффе здесь по-своему высказывается по тем проблемам, о которых пишет Маймон: «Редко можно, и теперь даже, встретить картины из еврейской жизни, исполненные так художественно, ибо наши художники редко берутся за изображение еврейской жизни. И это имеет известное основание. Евреям бедным не до искусства, богатые редко покупают картины, а христианам еврейский жанр не нужен» (С. 293). См. также: *Брумберг С. И. Л.* Аскназий (Восход. 1902. № 50. С. 21): «Наши богачи избегают еврейских сюжетов, а еврейской бедной и малочисленной интеллигенции не до картин, не до эстетики: она, когда удастся урвать час досуга, должна работать на пользу народа...»

⁸ Готтлиб Мауриций (1856—1879) — польско-еврейский художник. Наиболее известна его картина «Синагога в Йом-Киппур» (1878, Музей искусств, Тель-Авив).

Подготовка текста, предисловие
и комментарии Григория КАЗОВСКОГО (Иерусалим).

ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ

С. Букчин

ПОПЫТКА ВОЗВРАТА

Зимой 1945—1950 гг. попасть из школы после уроков домой было для меня сложной проблемой. Трехкилометровый путь до дома представлял собой «вражескую» территорию, и нужно было быть всегда наготове. Отдельные же ее участки требовали специальной подготовки. Например, Шестой Щербаковский переулок. Неизвестно откуда мог вылететь конопатый Гоник со своими друзьями. В одно мгновение они окружали меня, валили на землю и... Да, оторванные пуговицы, разбросанные по снегу учебники и тетради, подбитый глаз... Но более всего страдала моя гордость. Я не знал, за что они бьют меня. Вот пацаны со Стахановской улицы четко предупреждали, чтобы мы, «арзовские», то есть живущие в поселке авторемонтного завода, через их улицу не ходили. Это была их территория. Сложность заключалась в том, что школа находилась на Стахановской улице и поэтому миновать запретную землю мы просто не могли. Такими же запретными для нас территориями были Промышленная улица и Банный переулок.

И какое требовалось доскональное знание этих дворов, проходов, пролазов между сараями, огородами, какими-то древними землянками и заборами, чтобы не натолкнуться на «врага», хозяина этой земли. Ежедневно, когда приходилось ходить в школу, решалась эта сложнейшая проблема. Самым главным было вовремя заметить неприятеля. И когда это случилось, его шансы становились ничтожными. Догнать меня он не мог: я был сам ветер, не ноги, а какая-то волшебная сила поднимала и несла меня. И не нужно было оглядываться — я знал, что «враги» непоправимо отстали. Уже преодолен пустырь за общежитием строителей, а затем каких-нибудь четыреста метров по улице Буденного, и вот он, родной забор, за которым высокая деревянная помойка — тогдашний нако-

питель мусора в виде большого ящика с крышкой. Загодя припасенные здесь камни летят через забор, и неприятель с руганью отступает, тем более что уже бегут, бегут на помощь свои, «арзовские». И может быть, мы еще перейдем в наступление и будем преследовать противника почти до самой Стахановской. И тогда вмешается милиция...

Они были тракторозаводскими, и мы, «арзовские», ходили в их школу. Они преимущественно жили в маленьких двухэтажных кирпичных коробочках, сооруженных на скорую послевоенную руку, но считавшихся в ту пору, когда Минск лежал в развалинах, роскошным жильем. А трехэтажная школа выглядела настоящим дворцом. В нашем же «соцгородке», этой необъятной стране бараков, стояли только два небольших каменных дома в два этажа, в которых жило начальство заводика. Дома эти уцелели с довоенных времен, говорили, что во время оккупации обитали здесь немецкие офицеры, а на заводике нашем немцы ремонтировали танки.

Семьи тракторозаводских и «арзовских» жили, по сути, одинаково небогато. Общей была послевоенная бедность. И наша детская жестокость, рожденная войной. Но чего хотел от меня Гоник? Он ведь никогда не говорил, чтобы я не ходил через его двор.

И вот я узнал однажды... Они повалили меня лицом в снег, и, стремясь вытащить из кармана здоровенный гвоздь, который начал носить в целях самообороны, я вдруг услышал какой-то сдавленный голос Гоника: «Ты жид или русский?» Они тыкали мне в лицо снежные горсти — это называлось «накормить снегом», — и вопрос Гоника повторялся: «Ты жид или русский?» «Не понимаю!» — крикнул я, вывернувшись из-под них и вскочив на ноги. И не побежал почему-то. «Не понимаю!» «Не прикидывайся дураком», — сказал Гоник. — Я тебя как человека спрашиваю: ты жид или русский?» «Не понимаю!» — крикнул я снова. Видимо, что-то было в этом моем крике. «Брось этого психа», — неуверенно сказал один из дружков Гоника. «В самом деле, псих ненормальный». — Гоник сплюнул, показав свою знаменитую фикса, и они пошли, оставив меня в жестоком недоумении.

За ужином я спросил отца, кто такие жида. Не помню сегодня его ответа. Вопрос свой помню... Интересно, что мог ответить сыну капитан Советской Армии, который прошел войну от Волоколамска до Кенигсберга?

Мне было восемь лет. Из них первые четыре я не знал отца, ибо появился на свет, когда он уже был на фронте. Мать, беременная мною, приехала из Гомеля в Минск 23 июня. Давняя подружка по минскому еврейскому педагогическому техникуму устроила ее на ночь в своей квартире, а утром заявила: «Это, конечно, фашистская провокация, а не война. Немцам дадут прикурить, вот увидишь! Но тебе в твоём положении лучше уехать. Идем на вокзал!»

На привокзальной площади мать стала свидетельницей сцены, навсегда врезавшейся в ее память. Война застала на гастролях в Минске МХАТ. На площади стоял грузовик, предназначенный, видимо, первоначально для эвакуации какого-то детского дома. Народный артист СССР Яншин, стоя в кузове, выбрасывал детские стульчики, вещи, игрушки, непрерывно выкрикивая: «Эта машина отдана нашему театру! Только нашему театру!» С той поры мать никогда не ходила на спектакли МХАТа, когда он гастролировал в Минске.

Подружка, взявшая матери билет до Москвы, погибла в гетто. Немцы вошли в Минск через два дня. Поезд в Москву не пустили, повернули на юг. Бомбежки, пересадки в другие поезда, опять бомбежки... Беженский путь привел к середине августа в большое и богатое село Волоконовку Курской области.

Какая хата примет молоденькую, черноволосую да еще беременную учительницу из Белоруссии? Настороженно молчат хаты. А уже нет сил ждать... В заброшенном флигельке при доме сельского священника отца Федора суждено было мне появиться на свет. И как быстро и спокойно согласилась комсомолка-активистка из большой еврейской семьи (десять братьев и сестер) на крещение сына. Под вечер того первого дня моей жизни, рассказывала мать, появился любопытный и потому немного смешноватый деревенский священник. «Дозволь, милая, поглядеть на маленького еврейчика! Никогда не видел!» Может быть, ему казалось, что это дитя от колен Израилевых, историей которых пронизана Библия, должно иметь на себе какой-то знак. И потому ему хотелось увидеть только что рожденного...

Уже никогда не узнать мне, что он думал в те минуты, мой креститель. Но мне трудно отделаться от мысли, что я не был для него только представителем того народа, к которому принадлежали «не узнавшие» Христа. Ибо знал он, что

сам Христос и его апостолы вышли из того же народа. Только потому так уверенно предложил матери крестить меня.

Уже на пятом году жизни отец Федор показал мне буквы, подарил старую азбуку еще с «ятями» и «ерами». Потом пошли старые издания для детей с большими буквами и цветными рисунками — «Сказки Пушкина», «Тарас Бульба».

Мать работала учительницей начальных классов в деревенской школе. А моим учителем был отец Федор. Он жил вместе со своей сестрой Елизаветой Ивановной, доброй и немногословной женщиной. К ним приходили племянники Колюня и Витюша, пацаны, бывшие года на два-три старше меня. Мы вместе помогали ему в церкви и во время литии в хатах, куда приходили похоронки. И вместе с тем мы были обычными деревенскими пацанятами. И рогатки у нас были, и, случалось, чужие груши мы трясли. Я никогда не ощущал, что чем-то отличаюсь не только от племянников отца Федора, но и от всех других детей нашей деревни. Бывало, кто-то из женщин после службы в церкви подойдет к нам, подарит яичко или яблоко и погладит по голове. И мне иногда казалось, что добрая рука задерживалась на моей голове немножко дольше. А может, это только казалось... Добро, одно только добро осталось в памяти от того моего деревенского детства.

И самые яркие эпизоды. Страшная зима. Наш дощатый флигелек промерз насквозь. Нечем топить печку, дров не хватило. Я болен, лежу закиданный всем тряпьем, что у нас есть. Мать с утра в школе. Но я не один. Уже несколько часов я веду молчаливый диалог с громадной белой крысой, которая сидит под шатким и щербатым столиком напротив моей кровати. Она совсем меня не боится — знает, что нет у меня сил даже для того, чтобы швырнуть в нее книжкой. Но вот крыса все ближе и ближе подбирается ко мне. Сейчас она вскочит на кровать. Кричал я или нет? Не знаю, не помню... Кажется, и сил не было на крик. Но дверь открылась, и Колюня, мой избавитель, шуганул крысу, а потом просидел со мной до прихода матери. Не помню большей в жизни радости, чем раскрытая дверь и явление Колюни...

И другое... Вновь я болен. Корь с осложнением. Я ослеп, ничего не вижу. Говорят, что это пройдет, но пока я живу в темноте. Очень теплая весна. Свежий воздух, весенние запахи из раскрытого окна волнуют меня. Слышу голоса детей, идущих в школу мимо нашего флигелька. Окно буквально

прижато к забору, дети заглядывают в него, что-то говорят мне. Не знаю, специально или нет мать повесила на гвоздик полотняный мешочек — как раз над кроватью и очень близко к окну. Слепой, я нащупываю стену, ползу пальцами по доскам к мешочку и нахожу там куски хлеба, иной раз яйцо. Они делились со мной тем скудным завтраком, который им давали с собой в школу. Я ел этот грубый хлеб с остьем, с соломой, которая колола мне нёбо и язык, и не было вкусней еды.

Я привык к пище грубой и горькой. И когда в первую встречу с отцом мне дали — впервые в жизни! — кусочек сахара, я выплюнул его, сказав: «Очень горько!» Сахар показался мне горьким, потому что я не знал его настоящего вкуса.

... Свою первую бабушку — по матери — Мейту я увидел семилетним мальчиком в Бобруйске. Отца по армейской службе назначили в автомобильный дивизион, располагавшийся в тамошней старинной крепости, помнившей еще декабристов. Бабушка Мейта, маленькая, очень живая, смуглая, с коричневыми огоньками в глазах, приходила к нам с Пушкинской улицы, где она в старом деревянном доме жила вместе с семьей маминого брата Евгения. Она приносила закрученное в шерстяной платок чудо — гороховый суп со шкварками в глиняном горшочке. Только для меня, для своего внука. И разве это было не чудо? Он был еще теплый и даже горячий, этот суп, пропутешествовавший в руках моей бабушки через столько улиц к нашему барaku на Социалистической.

Несколько лет назад, во время похорон дяди Евгения, я отыскал этот наш барак. Двухэтажный, из толстенных зеленых досок, он выглядел обреченным монстром. Мы прожили в нем до отъезда в Минск совсем мало, около года. Но память точно повела меня к правому подъезду, заставила подняться по истлевшей лестнице на второй этаж, держась за широкие, отполированные временем деревянные перила, и остановиться перед забитой кусками фанеры такой небольшой дверью.

За баракom стояли те же рассыпающиеся сараи, среди которых летом 48-го года я услышал крик: «Семка, твоя мать приехала!» Сломя голову я бросился со двора на улицу и остановился как вкопанный: из «Победы» выходила мать, держа в руках большой белый сверток. Уже говорили соседи: «У тебя брат родился». Но я не верил. Я жаждал брата. Все мое существо ждало его прихода. Это было чрезвычайное со-

бытие, призванное не только развеять мое одиночество, но и дать выход той потребности любить и заботиться, которая уже созрела в моей душе.

Я тыкался среди бачков с теплой водой, разложенным бельем, еще какими-то вещами, и меня прогоняли на улицу. И когда я вышел снова во двор, то сразу заметил, что чувство гордости и радости, переполнявшее меня, каким-то образом подействовало на моих друзей, мне показалось, что они как-то по-особому стали уважать меня.

Вечером того же дня я впервые отчетливо услышал этот язык. Набегавшись по двору, голодный, я в один миг взлетел по лестнице, распахнул дверь и сразу же ощутил необычную атмосферу. Было тепло, как-то особенно уютно, пахло свежим отутюженным бельем и вкусной едой. В кухне, где, не помыв руки, я сразу полез в сковородку с жареной картошкой, услышал доносившиеся из большой комнаты голоса матери и бабушки Мейты. Сначала я не прислушивался, потому что очень хотелось есть, но вдруг мгновенно понял: мать и бабушка разговаривают на каком-то неизвестном мне языке. Иногда проскакивали русские слова, но понять, о чем говорят, я не мог. Мне показалось, что какие-то слова, выражения этого языка я уже где-то слышал, может, в доме дяди на Пушкинской, может быть, еще где-то...

Мне хотелось к брату, но этот язык... он сдерживал желание, мешал войти в комнату. И все-таки я вошел. Они ласково приветствовали меня. Потом пришли гости — военные, сослуживцы отца, соседи. Был ужин с вином, песнями, воспоминаниями о войне, которые я так любил слушать.

Только через несколько дней, когда мы остались как-то в доме вдвоем — мать, брат и я, — спросил: «На каком это языке говорили вы с бабушкой? Я ничего не понял». «Когда?» — спокойно спросила мать. «Когда привезли брата. Вечером». Так же спокойно она ответила: «Мы говорили по-еврейски».

Евреи! Народ из Библии! Сказочные люди, какими они и выглядели в прекрасно иллюстрированной книжке «Библейские рассказы для детей», принадлежавшей отцу Федору. И моя мать знает их язык?.. Совсем растерявшись, я спросил: «А зачем тебе?.. И бабушке? Можно же по-русски?» Она согласилась: «Можно. Но мы с бабушкой знаем еще и еврейский язык». — «А почему я не знаю?» — «Может, еще научись».

Это уже было интересно! Знать чужой язык! Научиться тому, что знают мать и бабушка. «А как по-еврейски будет «хлеб»?» «Брот»,— ответила мать. И уже совсем утомившийся (набегался за день), отправляясь к кровати, спросил еще: «А как будет «идти спать»?» — «Гей шлофн». — «Ну, так я буду шлофать».

Ничего в моем сознании не пошатнулось. Правда, я скоро узнал, что и отец может говорить по-еврейски. Когда они с матерью хотели что-то скрыть от меня или оставались вдвоем, то нередко переходили на этот резковатый, не очень приятный моему уху язык. Но мое национальное самоопределение никоим образом не было поколеблено. Я родился в русской деревне и был русским. Мои родители, разумеется, тоже были русскими. А кем же еще? Русские победили немцев. Мой отец победил немцев. Значит, он русский. Просто они, мои родители, знают еще и еврейский язык. Может, они специально выучили его, чтобы что-то скрывать от детей? А для чего еще он им?

«Вот эти евреи,— слышу я голос отечественного «патриота»,— даже ребенку своему ничего не объяснили... Вечно прячутся... Национальность свою скрывают... Фамилии меняют...»

Скучное это дело — что-то доказывать «патриоту». И все-таки напомним: шел 48-й год, начиналась борьба с «космополитами», земля уже раскачивалась под ногами советских евреев, приближалось сталинское решение «еврейского вопроса», газеты наполнились фельетонами с еврейскими фамилиями. Подходящее, безусловно, время для национального воспитания. А кто осудит мою мать, бежавшую от верной гибели в гетто или газовой камере, нашедшую приют в русской деревне и согласившуюся с местным священником, что сыну лучше быть крещеным и вообще расти как русскому мальчику?

... А ведь 1948—1949 годы были только началом. В центре Минска сотрудники НКВД, выполняя задание Сталина, убили Михозлса. Потом пришел 52-й год — «разоблачение» шпионской группы «Джойнт», в которую почему-то входили известные еврейские писатели Перец Маркиш, Ицик Фефер, Лев Квитко... Их расстреляли. Стало раскручиваться вовсе дело «врачей-отравителей». Помню карикатуру в «Крокодиле»: из-под белейшего докторского халата вылезает когтистая лапа, с которой крупно капает кровь. И краткий текст вверху о

раскрытии группы кремлевских врачей-отравителей с подписью «Из газет».

Все это какими-то неясными, тревожными отзвуками доходило до меня. Не помню в подробностях, как рухнула тайна, но именно в этот период я узнал о своей национальной принадлежности. Тревога разрушила тайну. В доме чувствовалось сильное напряжение. Родители чаще уединялись и чаще при нас, детях, переходили на идиш.

Однажды отец вернулся с работы очень взволнованный. Волнение было настолько сильным, что он, не обращая внимания на нас с братом, по-русски рассказал матери о митинге на заводе, во время которого одна женщина потребовала высылки всех евреев в Сибирь. На митинге присутствовал секретарь Сталинского райкома партии. Отец, член партии с 41-го года (вступил на фронте), спросил у него: «Это что, указание ЦК?» Тот ответил: «К тебе какие-нибудь претензии есть? Ты работаешь — ну и работай». «Ну и что ты думаешь?» — спросила мать. «Может быть, придется уезжать».

Той ночью мать перебирала вещи, что-то откладывала. Я же лежал в постели необыкновенно счастливый. Ну как же? Предстоит путешествие! В Сибирь! Я прикидывал, какие из книг возьму с собой, а какие подарю соседу Славке.

Через несколько месяцев умер Сталин, и моя мать, только что собиравшая вещи, чтобы ехать в сибирскую ссылку, неутешно рыдала. Впрочем, вспоминая те дни, я нахожу в слезах родных, соседей, школьных учителей что-то официально-ритуальное. Мне кажется, что тогдашние слезы по «отцу народов» были и неким свидетельством благонадежности. Не плакать в ту пору на виду у людей — это было небезопасно.

Тогда же я получил первый урок критики культа личности. У нашего поселкового хлебного магазина занимал свой пост изувеченный на войне безногий инвалид Николай. Мы с ним дружили. Он обращался ко мне как к взрослому, все понимающему человеку. Я давал почитать ему кое-какие затрепаные советские романы, ходившие тогда по квартирам в качестве большой ценности. Мы устраивали читательские конференции. Ну и, естественно, когда в кепке Николая набиралось достаточно мелочи, я бежал в магазин за «Беломором» и пивом.

В тот день, задавленный траурными мелодиями и текстами из никогда не выключавшейся черной «тарелки», я выскочил

на улицу и наткнулся на блаженно-улыбчивое лицо Николая. «Ну что, подох?» — подмигнул он мне. Сталинский соколенок, сын капитана Советской Армии, фронтовика, горячий патриот Родины, автор нескольких высокоидейных стихотворений, уже читанных на пионерских сборах, я бросился на оказавшегося предателем Николая. Полетели в сторону костыли, прислоненные к стенке магазина, а затем и кепка с мелочью. Я буквально душил врага народа за любимого вождя. Нас разнимали прохожие, а Николай, слабо отбиваясь, добродушно приговаривал: «Семка, ну что ты? Ну, одурел парень... Да он же вашего брата совсем изничтожить хотел.. Ты что, Семка?»

Прости меня, Николай, если ты жив! Впрочем, в тех твоих словах — «Что ты, Семка?» — уже было прощение.

В актовом зале школы был установлен громадный портрет Сталина с черной каймой. Горшки с цветами в несколько рядов создавали впечатление капища. Каждые десять минут сменялся у портрета строгий пионерский караул. Моему патристическому чувству было мало десяти минут. Я попросил послать меня в почетный караул еще раз. В этой просьбе государство мне не отказало. Едва не уничтоженный Сталиным, я дважды засвидетельствовал свою скорбь в связи с его смертью.

А вскоре я получил и первый урок политического конформизма. Одноклассник Толя Фикангур, большой мыслитель, по секрету сообщил мне, что теперь нужно говорить не «честное сталинское» (принятая в детской среде идеологизированная форма «честного слова»), а «честное маленковское».

Я расценил это предложение как предательство. Спустя три года Сталин в моих глазах стал фигурой и жуткой и ненавистной всего из-за одного факта. Из доклада Хрущева на Двадцатом съезде партии я узнал, что любимый вождь и отец народов, лучший друг советских детей самолично в кремлевском кабинете застрелил своего племянника Алешу Сванидзе. В докладе было немало примеров сталинского беспредела. Но этот факт потряс меня. Я не знал, что имя Алеша в Грузии может принадлежать вполне взрослому человеку. А тут еще речь идет о племяннике. В моем тогдашнем представлении это непременно подросток. И вот я, пятнадцатилетний, отчетливо представил себе, как Сталин стреляет в моего сверстника Алешу. Это ведь все равно что выстрелить в меня. Следовательно, Сталин убил меня. Я и жил те не-

сколько лет после Двадцатого съезда с полуубитой душой. Начались конфликты со взрослыми, со школой...

Но все это произойдет гораздо позже. А пока шел 1949 год, и по дороге из школы домой мне был устроен небольшой погром, суть которого в ту пору я не мог осмыслить. Видимо, Гоник и его друзья знали, о чем говорят родители за ужином. Не только я любил слушать домашние вечерние разговоры. Наверное, они, эти немного постарше меня пацаны, уже слышали от родителей, кто сегодня враги народа и кому мы обязаны тем, что живем бедно... Родители говорили, что скоро будет наводиться порядок «с этими жидами». И дети решили пойти навстречу событиям...

Я был светловолосый мальчик, совсем непохожий на еврея. Внешность же моей матери, которая преподавала как раз в классе Гоника, никаких сомнений не вызвала. Безусловно, Гоник и его друзья находились в сильнейшем недоумении, чему, кстати, способствовала и моя отчетливая русская речь. У такой очевидной матери и такой неочевидный сын... Вот они и подступились впрямую: «Ты жид или русский?»

Отдавая должное непосредственности этого вопроса, я вынужден признать, что он, то обостряясь, то уходя в «подполье», сопровождал меня всю жизнь.

В десятом классе (1959 г.), накануне выпускных экзаменов, наш классный руководитель, математик Александр Иванович Рачёк, толстый носатый украинец, ходивший в расшитой рубашке, шумно сморкавшийся и не ставивший мне никогда больше тройки даже при абсолютно выученном уроке, сделал открытие. «Ну вот,— сказал он,— надо готовить аттестаты зрелости, а тут оказывается, что мы толком и не знаем, как зовут некоторых наших выпускников. Например, Семен Букчин. Оказывается, по паспорту он не Семен, а Самуил. А по всем школьным документам проходит как Семен».

Класс замер. Наступила пауза. Кровь бросилась мне в лицо. Задыхаясь, я отчеканил: «Вы подонок!»

Александр Иванович Рачёк был не только математик и классный руководитель, но и парторг школы, член бюро райкома партии. И опять — в который раз — плакала в директорском кабинете моя мать, упрашивала, стремилась разжалобить начальство рассказами о моем тяжелом военном детстве. Ибо речь на педсовете шла не только об исключении,

но и о выдаче ужасной характеристики, своего рода «волчьего билета».

А с именем у меня получилось так. Мать выбрала имя Самуил (когда-то она мне сказала, что здесь сыграл свою роль увлекший ее роман какого-то американского писателя «Самуил — искатель правды»), и отец Федор одобрил эту мою связь с библейским пророком. Во дворе и в школе ребята звали меня Семка, Сенька — кто как хотел. Когда мы достигли лет двенадцати—тринадцати, начали курить, попивать вино, поглядывать в сторону девочек, соответственно и обращаться друг к другу стали солиднее. Во всяком случае, на людях. Ко мне друзья, знакомые стали обращаться — Семен. Это было естественно еще и потому, что я имел неофициальное в своем кругу звание профессора по той простой причине, что много читал. Так я и подписал свои первые журналистские опыты в газете «Зорька» — Семен Букчин. Ибо кто же знал Самуила Букчина?

Мое подлинное имя как бы ушло в тень. Впрочем, это не совсем верно. Как и у многих советских евреев, подлинное имя у меня стало неким свидетельством неполной ассимиляции. И вместе с тем оно было неким дактилоскопическим отпечатком. Имя, фамилия, национальность — эти данные в Советском Союзе всегда были самыми главными. Государство зорко следило, чтобы еврей не ускользнул, не растворился, не проник в какие-то важные структуры.

Кстати, в моем случае имя напоминало о себе даже чаще, чем пресловутая пятая графа. Спустя пять лет школьная история повторилась в университетском варианте. Но прежде несколько слов о моем юношеском опыте национальной самоидентификации.

Итак, еврейство жило во мне подспудно — записью в метрике, именем, языком родителей, но прежде всего — сознанием неблагополучности людей этой национальности. Когда все это не выступало явно, находилось как бы на втором плане, я, безусловно, считал себя русским. Ах, кто из интеллигентных евреев не клялся своей рускостью, приверженностью идеалам русской культуры! И разве сама распространенность этой клятвы — не следствие естественности ассимиляционного процесса? Но в том-то и дело, что в советских условиях этот процесс был в немалой степени неестественным. И только по одной причине — неукоснительного антисемит-

ского курса системы. Шовинизм системы развращал еврея, приучал его к унижительным играм с государством.

К моменту поступления в университет я уже понял законы этих игр. Государство как бы говорило мне: «Есть случаи, когда тебе не следует указывать на свое еврейство, ты будешь его скрывать, я буду делать вид, что ничего не знаю, но в нужный момент я напомню тебе, кто ты есть».

Вступительное сочинение по русской литературе я написал в Белорусском университете от имени Семена Букчина. От его же имени я подал и все прочие документы. В графе «национальность» написал «русский». Девочки в приемной комиссии томились в летнюю жару и паспорта не потребовали.

Это был сложный для меня акт. Я отлично понимал, что шансов поступить у Самуила гораздо меньше, чем у Семена. На отделение журналистики филологического факультета принимали только 25 человек (1961 г.). Но дело заключалось не только в стремлении обмануть бдительность системы. Это был одновременно и протест против нее, выразившийся в остром желании вот здесь, на этом проклятом «Листке учета», в соответствующей графе поставить ту национальность, к которой я сам себя причислял. Я был единственным евреем (тайным евреем), поступившим на отделение журналистики в том году.

Спустя три с половиной года, уже на четвертом курсе, меня неожиданно вызвали в отдел кадров. «Так кому мы будем вручать диплом?— спросила не улыбкавая пожилая кадровичка.— Семену или Самуилу?» Вот какой большой срок позволила система гулять в «чужой» национальности. И все-таки где-то концы замкнулись. Объяснить ситуацию мне было нетрудно: с детских лет так звали, да и газетные публикации, которые находятся в моем студенческом деле, подписаны тем же именем. Получалось, что я просто не придавал значения этим формальностям, поскольку сжился с Семеном. Удобная, вполне приемлемая ложь и для тех, кто ее выслушивал. Потому что в противном случае получалось, что студент скрывал свою национальность, имея на то какие-то серьезные причины. А какие-такие причины могут быть в нашем распрекрасном государстве, где все национальности равны?

Между тем дело о Семене-Самуиле поступило на рассмотрение проректора. До сих пор восхищаюсь мудростью нашего государства. Проректор, человек незлой и рассудительный, усадил меня в своем кабинете и заставил переписать заново

те документы, которые вместе с моим «делом» принесла кадровичка. Через три с половиной года после поступления в университет я переписал заявление от имени Самуила, поставив на нем старую дату. На сочинении я собственной (что важно!) рукой зачеркнул Семена и сверху вписал Самуила. В «Листке учета» та же операция была проделана с национальностью. Справедливость была восстановлена. Я заново поступил в университет. Государство заботливо вернуло меня в лоно еврейства.

Надо сказать, что мне жаль было зачеркивать Семена. Делая это, я неожиданно ощутил, что на этот раз предаю другую свою половину, — чувство совершенно новое. Вдруг выяснилось, что я, будучи Самуилом, вполне реальный Семен. И отречься от Семена мне было тяжело и невозможно, как и от Самуила. Может быть, тогда меня впервые посетила мысль о естественности национального двуединства. Но сколько раз за последующие годы эта мысль подвергалась серьезнейшим испытаниям!

Через два месяца после этой истории я был отчислен из университета как призванный на действительную службу в Советскую Армию. Тогда шел набор 46-го года рождения. Призывников, естественно, было мало, и потому подгребли из более ранних лет, пользовавшихся разными отсрочками. Военком нашего района прямо сказал мне: «Я все понимаю. Ты работал два года на заводе после школы. В двадцать лет поступил в университет. Сейчас на четвертом курсе. Но пойми и ты нас. Мы имеем право призывать до двадцати пяти лет. Тебе сейчас двадцать три. Военной кафедры на вашем факультете нет. Значит, мы обязаны призвать тебя». Здесь он сделал паузу, а затем совсем неожиданно предложил: «Вот если ты принесешь справку, что занимаешься по индивидуальному плану и закончишь университет в будущем году, то есть два курса за один год, то я, пожалуй, возьму на себя ответственность и дам тебе отсрочку еще на год».

Я учился довольно прилично. И что стоило деканату выдать эту ни к чему не обязывающую университетскую власть, но такую судьбоносную для меня бумажку? Но декан Булацкий пошел бы против своих убеждений, если б не воспользовался этой счастливой возможностью очистить отделение журналистики от единственного, но уже намозолившего ему глаза своей независимостью и языкастостью «еврейского эле-

мента». В последний день на факультете я увидел стенгазету, выполненную двумя моими приятелями. Ее украшала карикатура: памятник возомнившему о себе с надписью «Самуил Букчин. Год рождения 1941-й». Подсказали в деканате авторам карикатуры (кстати, благодаря родственным связям отмазавшимся от армии), как действительно зовут их однокурсника. И друзья не замедлили выполнить «социальный заказ».

Заканчивался 1964 год. Уходила хрущевская эра.

В армии имя напомнило о себе буквально в первые же дни. В «учебке» нас пять-шесть раз на дню выстраивали и делали переклички. Попав в сибирскую зону и наслушавшись разных ужасов о предстоящей службе (тяжелые военно-строительные работы), кое-кто сразу ударялся в бега. Были и попытки самоубийства (голову в ремень, перекинутый через перекладину в уборной), которые в основном совершали психически неполноценные люди. Военкоматы, заведомо зная об их негодности, тем не менее цинично отправляли этих людей в армию, только чтобы выполнить план. Поэтому начальство на первых порах постоянно пересчитывало нас, как насадка цыплят. А поскольку попадались одинаковые фамилии, то старшина называл и имена. Соответственно, я откликнулся на старшинское «Букчин Самуил».

После очередной переклички ко мне развинченной походкой блатного подошел парень, ехавший со мной из Минска. «Самуил, как это ты в армию попал?— сказал он с характерной еврейской интонацией.— Вы же все вот так от нее...» Он сделал жест, означавший увертливую змейку.

Короткий удар в переносицу был нанесен мгновенно. Блатной ударился затылком о толстый столб, поддерживавший своды нашей казармы, и тихо сполз вдоль него на пол.

Вечером наш взводный, сержант Шумратов, одобрительно сказал мне в сушилке, где мы на правах старшего поколения спокойно распивали бутылку водки: «Прилично ты его сделал!»

Больше национальных проблем в армии у меня не возникало. Но то, с чем я столкнулся в армии, развило мое критическое отношение к системе. В национальном плане игра с государством переросла в осознанный вызов, в жажду столкновения.

В послеармейский период мои знания понадобились в новом издательстве «Белорусская Советская Энциклопедия». Что ж, пожалуйста! В известном «Листке учета кадров», ни секунды

не колеблясь, я пишу «Семен» и «русский». «Листок» несут для оформления приказа главному редактору — народному поэту БССР Петрусю Устиновичу Бровке. И тот, прекрасно зная о моей национальности (в студенческие годы я посещал разные творческие заседания и вечера в Союзе писателей, встречался с Бровкой, он дарил мне свои поэтические сборники), произносит в присутствии своих помощников: «Ну что ж, анкету мы видели... Товарищ нам подходит». И подписывает приказ.

В общем-то, благородный поступок народного поэта. Но очень скоро оказалось, что я не оправдал доверия Петруся Устиновича.

Спешно, аврально готовился первый том двенадцатитомной Белорусской Советской Энциклопедии, издание которой находилось под патронатом ЦК Компартии Белоруссии. Сверстали «на пробу» треть тома — посмотреть, что получается. И — о ужас! Анализ фамилий авторов энциклопедических статей показал недопустимый процент людей с «нехорошими» фамилиями. На специальном совещании по этому поводу тревога была сформулирована точно: получается, что евреи написали белорусскую энциклопедию. Было принято решение: авторам-евреям гонорар за сделанную работу заплатить, а статьи вновь пере заказать авторам с приличными фамилиями. Мне как научно-контрольному редактору предстояло участвовать в этой акции — рекомендовать отраслевым редакциям (истории, литературы и др.) искать других авторов. Дикость ситуации заключалась еще и в том, что авторами ряда статей были единственные в стране специалисты по данной теме. Но это не смутило наших «патриотов». Ответственный секретарь Петрашкевич так и заявил: «Если нет другого специалиста, мы поставим под статьей подпись нашего белорусского писателя. Писатель — это универсальный знаток жизни».

Своему начальнику, заведующему редакцией Юшкевичу, я заявил, что отказываюсь участвовать в этой антисемитской кампании. «Вы неправильно поняли нас,— уверял меня заместитель главного редактора доктор философских наук Пузиков.— Речь идет о придании нашему изданию более национального характера, в том числе и в авторском плане». — «Выходит, национальный характер издания важнее его научной основательности?» — «Не ловите меня на слове!» — раз-

драженно бросил Пузиков и отвернулся, давая понять, что беседа закончена.

Между тем соответствующий отдел уже провел работу. Начальству было доложено о проникновении противника в су-перидеологическое учреждение, кормушку для родственников белорусской партэлиты. После возвращения из отпуска мне объявили о сокращении штатов. Наивный человек, я написал заявление в суд и отправился для начала в юридическую консультацию. «Кто там главный?— спросил меня пожилой еврей-адвокат с крупным набором орденских планок на пиджаке. — Бровка? Народный поэт, член ЦК? И вы хотите судиться с ним? Да судья не возьмет у вас заявления... Мой вам совет: не теряйте времени, ищите работу».

Спасибо этому адвокату. Тогда он помог мне сэкономить время. Да и силы. Но потом я опять стал тратить то и другое достаточно безрассудно. Все последующие годы я пытался, оставаясь евреем по рождению, быть русских и белорусским интеллигентом, каким меня сформировала судьба, жизнь. Но все это время меня толкали с разных сторон в какую-то одну национальную щель. Перестроечная либерализация, казалось, должна была сделать дыхание более свободным. Увы! заталкивание в щель приобрело активнейший характер в условиях замены марксистско-ленинской идеологии националистическими трафаретами. Попробуй быть одновременно евреем, русским и белорусом. Тут тебе сразу пришьют и «сверхинтернационализм», и «суперкосмополитизм».

Сегодняшние события в стране — националистическая лихорадка во всевозможных видах — проверяют такую позицию на излом. Мне подарили карту Израиля. Масштаб потрясающий — чуть ли не тропинки обозначены. Карта больше, чем страна. Израиль выглядит на ней весьма впечатляюще. Я читаю названия библейских городов и отмечаю: в этом живет двоюродная сестра, в этом — дядя, здесь — близкий знакомый... Самуил хочет понять, что они нашли, обрели там, на исторической родине. А Семен вспоминает историю фамилии Букчиных. Есть на белорусском Полесье деревня Большая Букча. В конце XIX в. местному уряднику, коему поручен был сбор сведений для переписи населения, надоело возиться с мудренными «жидовскими прозвищами», и он попросту объявил жителям: отныне вы все будете Букчины.

Что же это получается? Царский урядник произвел евреев, живших в белорусской деревне, в славян (хотя бы по фамилии). А проректор советского университета вернул претендента в славяне на еврейскую стезю. Что-то есть в этой диалектике...

Тяжек, сложен груз и путь национального двуединства, национальной неадекватности. Но не дай мне Бог предать Самуила или Семена. Отнимите любую половину — и я перестану существовать.

Г. ЛАНДАУ

ВОСПОМИНАНИЯ

«...Оглянувшись на пережитые десятилетия, видишь их оторванными от протекающего потока, каким-то другим миром, в другой плоскости расположенным, невозстановимым и невоссоединимым с миром окружающим», — писал Григорий Адольфович Ландау, приступая к своим воспоминаниям. Если сказанное верно для любых исторических эпох, то еще более актуальным является это для истории евреев России. События и люди, отдаленные от нас всего лишь столетием, представляются нам ныне уже или легендарными, или оказываются вовсе неизвестными. Ведь в тех пор народ пережил две мировые войны, три революции, гражданскую войну. За эти годы не только погибли миллионы людей, — духовная смерть, наступающая с потерей исторической памяти, постигла значительную часть российского еврейства. Сегодня, для того чтобы хоть в какой-либо мере можно было восстановить наше забытое прошлое, требуются документы, те, казалось, никому не нужные, а порой и опасные рукописи, письма, дневники, книги, журналы, газеты, фотографии, что были растеряны и уничтожены людьми в страхе и беспамьятстве, что сгорели в огне войн и погромов. Погибшего не вернешь, — и тем ценнее для нас все, что сохранилось, вопреки историческим обстоятельствам.

Воспоминания Григория Ландау относятся к числу таких документальных источников, и судьба их автора в полной мере отразила все перипетии истории евреев России конца XIX—первой половины XX в.

Григорий Адольфович Ландау (1877—1940) родился в семье человека, имя которого хорошо знала та часть евреев страны, для которой под воздействием различных социальных, экономических и культурных факторов к 70-м гг. XIX в. русский язык стал вторым, а порой уже и главным, родным языком. Адольф Ефимович (Ахарон Хаимович) Ландау (1842—1902) уроженец г. Россиены Ковенской губернии. Он еще в ранней юности испытал сильное влияние Гаскалы — общественного движения, ставившего своей целью европейское просвещение еврейских масс. В 13 лет он был отдан в знаменитое раввинское училище в Вильне. Здесь он познакомился с русской литературой. Окончание училища совпало с началом эпохи реформ, проводимых в начале царствования Александра II. Эти реформы непосредственно коснулись и евреев. Была смягчена система различных запретов. Значительная часть еврейской молодежи, воспользовавшись этим, поступила в высшие учебные заведения. В их числе был и А. Ландау. Он поступил на юридический факультет в Петербургский университет. Одновременно начинается и его журналистская деятельность в столичной и провинциальной печати. К этому времени в основном сложились его политические и общественные взгляды. Пройдя университетский курс, он отказывается от выпускных экзаменов и полностью посвящает себя журналистике. Основной темой его публикаций в таких газетах и журналах, как «С.-Петербургские ведомости», «Молва», «Неделя», «Библиотека для чтения»,

«День», «Рассвет», была защита еврейства от нападков антисемитской печати. В то же время А. Ландау оставался горячим поборником идей просвещения. Он считал, что евреи должны получать европейское образование и полноправно войти в гражданскую и культурную жизнь России. При этом до конца своей жизни он оставался противником ассимиляции.

В начале 70-х гг. А. Ландау приступил к издательской деятельности. В 1871 г. вышел в свет первый том «Еврейской библиотеки». Всего в 70—80-е гг. было издано восемь томов. Позднее, в 1902 г., вышел в свет 9-й том. Следующий, 10-й том был собран и частично отредактирован им, но окончание работы по его изданию делал уже Григорий Ландау — его сын.

Постепенно, с середины 70-х гг., встав на ноги, А. Ландау стал добиваться разрешения на издание журнала. Такое разрешение он получил только в 1880 г. С этого момента все его силы были отданы этому делу. Новый журнал «Восход» под руководством Ландау выходил в свет 18 лет. В его подзаголовке значилось: «Журнал учено-литературный и политический». Он выходил ежемесячно. Более того, с 1882 по 1899 г. им выпускались еще и еженедельник «Недельная хроника Восхода». В виде приложения к «Восходу» А. Ландау выпустил ряд художественных произведений, исторических памятников и исследований. Следует особо отметить, что среди них были всемирно известные произведения Иосифа Флавия «Иудейская война» и «Иудейские древности», а также справочник «Систематический указатель литературы о евреях и еврейском вопросе с 1708 по 1889 год».

Как отмечал выдающийся исследователь истории евреев, многолетний сотрудник и автор журнала С. М. Дубнов: «все наследие «смутного времени» досталось «Восходу», возникшему в самый момент кризиса (1881—1882 гг.) и остававшемуся в течение многих лет единственным органом евреев на русском языке. В нем сосредоточивалась энергия той части нашей прогрессивной интеллигенции, которая без бою не хотела сдать занятую позицию. В этой последней цитадели укрепились зелоты нашего прогресса и равноправия. В первые годы своего существования «Восход» был органом нашего внутреннего возмущения. Никогда еще русские евреи не имели литературной трибуны, где с такой силой выражалось бы негодование против всевозможных проявлений юдофобии, против физических и нравственных погромов, как в публицистике «Восхода» первой половины 80-х годов»¹.

Если большинство еврейских периодических изданий в той или иной мере были органами какого-либо общественного или политического направления, то «Восход» и «Недельная хроника Восхода» постоянно сохраняли свою независимость. В значительной мере это определялось тем, что их выпуск А. Ландау осуществлял только на собственный счет. Более того, он сам редактировал их, был постоянным автором, вел все хозяйственные дела редакции.

Главным источником успеха изданий А. Ландау была неизменно проводившаяся им политическая линия. Пик его издательской деятельности пришелся на 80—90-е гг., когда еврейское население России подверглось не только новым ограничениям, но и стало жертвой погромов, потрясших страну в 1881—1882 гг. Все это происходило на фоне усиленной антисемитской кампании в печати. В этих условиях еврейское общество крайне политизировалось и раскололось на несколько часто враждующих друг с другом групп. Ассимиляторы и палестинофилы, автономисты и сионисты, поборники различных социальных учений, они выплескивали свою вражду, боль и гнев на страницы «партийных» изданий. В отличие от них «Восход» А. Ландау никогда не занимал крайних позиций. На его страницах еврейство защищалось как единая национальная общность. Прежде всего высвобождались требования предоставления евреям равных со всеми народами России гражданских прав. На его страницах можно было найти статьи практически всех ведущих публицистов того времени.

Следует также отметить, что «Восход» был единственным еврейским русскоязычным периодическим изданием, которому, несмотря на все гонения и материальные трудности, удалось просуществовать столь длительное время. Все остальные издания такого типа, время от времени возникавшие в 60—80-е гг. («День», «Русский еврей», «Рассвет»), смогли продержаться лишь самое короткое время.

«Восход» был органом той части российского еврейства, для которой русский язык стал равноправным языком наряду с ивритом и идиш. Более того, он стал не только языком межнационального общения, а постепенно стал превращаться в часть национальной культуры.

«Восход» стал мостом между двумя культурами — русской и еврейской. Школу «Восхода» прошли и те, кто впоследствии полностью ушел в русскую литературу (А. Горнфельд, Н. Минский, А. Вольтинский, С. Венгеров), и те, кто оставался в рамках еврейской культуры (С. Дубнов, С. Гинзбург, Ю. Гессен, С. Ярошевский, С. Фруг). В журнале сотрудничала и целая группа русских литераторов и ученых — противников антисемитизма, исследователей истории и культуры евреев (С. Бершадский, В. Стасов, Е. Корш, К. Фофанов). Следует отметить еще одну сторону издательской и редакторской деятельности А. Ландау — он выпускал журнал и книги не только для евреев, говорящих на русском языке, но и для русских, желающих больше узнать о народе, живущем рядом вот уже более ста лет.

В «Восходе» были постоянные разделы, по которым распределялся материал. В нем находили свое место и злободневная публицистика, и произведения писателей и поэтов, исследования по истории и истории культуры. При этом в журнале и в приложении к нему освещались история и современная жизнь евреев не только в России, но и во всем мире.

А. Ландау был противником палестинофильства и сионизма. Он считал их идеи утопией, отвлекающей силы нации от борьбы за свои гражданские права. Его кредо, выработанное еще в 60-е гг. XIX в., оставалось неизменным. Он писал: «Наше сокровенное желание состоит лишь в том, чтобы евреи были людьми и чтобы их считали людьми, чтобы от них требовали то, чего требуют от всех прочих людей, и чтобы им предоставляли то, что предоставляют прочим людям»².

А. Ландау полагал, что его издания не могут быть органами какого-то одного течения, одной партии. Он все время ощущал ответственность за судьбу всех евреев России.

Сына А. Е. Ландау, Григория Адольфовича, можно причислить к «племени петербургских евреев». Выросший в высокоинтеллектуальной среде, с детства впитавший как еврейскую, так и русскую культуру, он после окончания гимназии и юридического факультета Петербургского университета прочно вошел в российскую политическую и культурную жизнь. Значительное влияние на взгляды Ландау, как явствует из публикуемого текста и ряда печатных работ этого автора, оказали русская философия и литература, в особенности — творчество Л. Н. Толстого и, по-видимому, Вл. С. Соловьева. В начале XX в. Ландау был активным членом «Еврейской демократической группы», «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России», вступил в конституционно-демократическую партию. В газетах и журналах печатались его многочисленные публицистические и философские работы. Отдельными изданиями вышли в свет такие произведения, как «О политике права» (СПб., 1906), «Бессилие национального творчества» (СПб., 1907), «Польско-еврейские отношения» (Пг., 1915). Позднее в Германии была опубликована его, пожалуй, самая значительная работа — книга «Сумерки Европы» (Берлин, 1923).

Человек, мировоззрение которого испытывало глубокое влияние еврейской, русской и немецкой культуры, Г. А. Ландау был заметной фигурой даже на фоне того интеллектуального богатства, которым обладали наука и культура

России в начале XX века. Позднее философ Ф. А. Степун, хорошо знавший его по совместной работе в журнале «Северные записки», дал Ландау хотя и субъективную, но яркую и точную характеристику. Он писал: «Природа наделила Григория Адольфовича блестящими дарованиями, но жизнь жестоко немеслялась над его даровитостью: то немногое, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело должное впечатление... Русская левопрогрессивная общественность не принимала его потому, что, по ее мнению, русскому еврею надлежало быть если не социалистом, то по крайней мере левым демократом. Ландау же был человеком консервативного духа. Чужой в левоинтеллигентских кругах, он, как германофил, не был своим человеком и среди либерал-консерваторов...»³

Добавим от себя и то, что для значительной части еврейства Ландау также был «персоной нон-грата», так как неоднократно выступал в печати с яростной критикой сионизма.

После 1917 г. Г. А. Ландау эмигрировал в Германию. Там с начала 20-х гг. и вплоть до 1931 г. он был заместителем главного редактора газеты «Руль» — органа партии конституционных демократов, газеты, пользовавшейся большой популярностью среди либеральной части русской эмиграции. Возглавлявший эту газету И. В. Гессен писал о Ландау, что это был человек «большого ума и исключительной образованности, благороднейший и приятнейший товарищ. Только благодаря таким выдающимся качествам возможна была долголетняя совместная работа при существенной разнице в оценке русской катастрофы: он противопоставлял большевистский переворот событиям 1905—1907 гг., как смуту, «бессмысленный бунт» — революции, огулом отрицал и рьяно набрасывался на все попытки отыскать закономерность, уловить смысл в стихийных потрясениях»⁴.

Приход нацистов к власти в Германии вновь круто изменил жизнь Г. А. Ландау и заставил его бежать из этой страны. Ф. А. Степун вспоминал позднее: «В последний раз я видел Григория Адольфовича в Берлине уже после издания Нюрнбергских законов о положении евреев в Германии. От блестящего, несколько даже надменного по виду молодого человека, с которым я познакомился в Петербурге, почти ничего не осталось. Полиналь Григорий Адольфович, вытерся вместе с бровным воротником своей шубы. Светлый взор отяжелел мутным оловом. Поредели и поседели виски. Видно было, что и костюм и галстук были выбраны обнищавшей рукой. Прежними были лишь гордый откид головы, тихий голос и горькая ирония у рта»⁵.

Покидая Германию, Г. А. Ландау сделал вполне логичный для себя выбор: он поселился в Латвии, стране, сохранившей значительную по тем временам русскую культуру. Здесь и застала его советская оккупация. В 1940 г., во время массовых арестов, проводившихся НКВД, Г. А. Ландау был арестован. На этом обрываются наши сведения об этом незаурядном человеке. Был ли он расстрелян в Рижской тюрьме в июле 1941 г. перед сдачей города немецким войскам или погиб где-либо во владениях ГУЛАГа — еще предстоит выяснить. А пока обратимся к его воспоминаниям о еврейском Петербурге 80—90-х гг. XIX в., о людях, кто жили и творили тогда на пороге нового, самого катастрофического столетия в истории российского, да и мирового еврейства.

Воспоминания хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 844 (О. А. Шапир), № 264). Написаны они были не позднее 1919 г.

¹ Дубнов С. М. О смене направлений в русско-еврейской журналистике последнего полувека // Будущность. 1899. № 6. С. 13.

² Ландау А. Е. От издателя // Еврейская библиотека. 1872. Т. 1. С. 3.

³ *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. С. 302.

⁴ *Гессен И. В.* Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 138—139.

⁵ *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. С. 302—303.

Дни идут за днями, и каждый день, принося малозаметные изменения, кажется лишь продолженным или повторенным предыдущим; сегодня еще живет вчерашнее, и кажется — останется живым и назавтра. Но скапливаются дни в годы, наплаиваются ничтожные изменения в пласты новообразований, уходят люди, тускнеют отношения и связи, исчезают вещи. Волосок за волоском обрываются нити жизненной непрерывности; из мелких сдвигов происходят невосстановимые разрывы, прокладываются пропасти, выветривается цельность прошлого, претворяя некогда живую непрерывность в разъединенные окаменелые островки памятных — остропамятных, но как бы обведенных густой траурной каймой забвения — образов и картин. И наконец, оглянувшись на пережитые десятилетия, видишь их оторванными от протекающего потока, каким-то другим миром, в другой плоскости расположенным, невосстановимым и невосоединимым с миром окружающим. Только в чувстве живет прошлое неизменным, своей печалью, а может быть, и радостью наполняя душевную глубину. Но в жизни, в объективном, во внешнем — оно вынимается, замещается, уничтожается. И когда же это происходит полнее и быстрее, чем во времена, подобные нашим, — бурные, опрокидывающие, разрушительные. Почти что к двум различным геологическим эпохам относится мир тридцать лет назад и мир теперешний; бездна пролегла между Россией 80-х годов и Россией, испытавшей две войны и две революции; и хотя в подобные эпохи малое устойчивее громадного, более живуче и вместе с тем менее подвижно, чем великое, — какое различие между еврейским обществом 80-х годов и нынешним; другие задачи стоят перед нами, другие условия, другие люди и группировки людей. Если песчинки семейной жизни могут — и перенесенные в вихре событий за тридевять земель — сохраниться внутренне не тронутыми, хотя и таких много ли осталось в наши дни, то большие коллективы станут — или уже стали — еле узнаваемы. Потому иной раз только в ощущении личной близости еще живет как неизжитое то, что в общественном масштабе стало отошедшей эпохой. И тем правомернее желание закрепить общественно что еще хранится в памяти из уходящего, из ушедшего.

Но есть еще и дополнительный мотив — мотив справедливости, побуждающий остановиться на воспоминаниях той категории, к которой относятся именно воспоминания моего детства. Зыбка и неоформленна картина общественной жизни, она не столько сохраняется в исторической памяти последующих поколений, сколько создается ими, создается согласно вкусам, течениям, настроениям, понятиям — не той эпохи, которая воссоздается, а той, которая ее воссоздает, именно она из прошлого подбирает и сохраняет то, что ей кажется значительным, а не то, что было значительным, — воссоздает сообразно своей собственной расценке, а не сообразно объективной ценности того времени, когда воссоздаваемое еще было создающимся. Торжествующие течения в этом смысле вдвойне искажают историю — тем, что, торжествуя, заполняют собой общественное внимание и на себе, на своих зачатках, на своих предтечах, на своей подготовке, на родственном себе — сосредоточивают интерес; собирают, подчеркивают, группируют, заинтересовывают, находя для этого — благодаря именно своему торжеству — и обостренное внимание, и легкие возможности, и охотное воздействие; а с другой стороны, и тем, что активно пренебрегают, оттесняют, обесценивают инородное себе. Конечно, судьбы течений изменчивы, но когда прошли сроки, уже закрепились картина — необычайно трудным становится внести в нее поправки, одни факты уже собраны и безвозвратно упущены другие, уже создана легенда о прошлом и бесповоротно упущены, растрчены те его элементы, которые необходимы для всесторонней и беспристрастной правильности картины. И потому именно на сторонниках, преемниках или просто случайно близких свидетелях людей и событий оттесненного прошлого лежит сугубая обязанность спасти от забвения, что можно, как опору для беспристрастия и всесторонности будущего историка.

Детские воспоминания связывают меня с Восходом <и> с Недельной Хроникой Восхода, созданными и долгие годы руководимыми моим отцом. Личная близость естественно удерживает от публичности, но вместе с тем по общественным основаниям, выше намеченным, она должна к ней и побуждать. Считая себя не только вправе, но в некоторой степени обязанным дать доступный мне материал относительно того уголка еврейской общественности, который открывался моему детскому и отроческому взору, я и не претендую на большее, чем на беспристрастный подход, а к событиям личной части —

с внутрисемейной точки зрения. Я хочу дать лишь давние воспоминания и вызываемые ими соображения, без всякой заботы о том, какому использованию или каким выводам они могут послужить основаниям.

1

Если сопоставить детские воспоминания об атмосфере, окружавшей Восход и Недельную Хронику Восхода в конце 80-х и начале 90-х годов, с теми наблюдениями и опытом, который много позже я имел в области еврейской журналистики, с особенной яркостью обращает внимание отсутствие вокруг Восхода атмосферы групповой, партийной, коллективной поддержки, воздействия или давления. Всякий принимавший сколько-нибудь близкое участие в органах печати последующего времени знает, какое невероятное число заседаний и совещаний предшествует и сопутствует образованию и ведению газеты или журнала — выработке программы, директив, обсуждению и решению всевозможных вопросов политики, редакторства и издательства и т<ому> п<одобного> и т<ому> п<одобного>. Разумеется, ребенок — я не был бы посвящен в эту жизнь, если бы она и имела место; и значительно позже отец не был склонен вовлекать меня в журнальные дела, нередко говаривал, что по собственному опыту хорошо знает, как газетная и журнальная работа, если смолоду подойти к ней, засасывает, всецело отрывая от других жизненных задач. В общем итоге едва ли он жалел о том, что себя посвятил этой деятельности, но как бы то ни было, меня он к ней не прочил и в некоторой степени опасался, как бы я не погрузился в нее до — а след<овательно>, и в ущерб — полного духовного созревания.

Но для усмотрения групповой, коллективной атмосферы не надо быть ни посвященным в дела редакции, ни даже взрослым человеком, — и ребенок естественно замечает ее внешние проявления, но между тем я решительно не запомнил, чтобы у нас собирались какие-либо коллективы, собрания, заседания или чтобы отец когда-либо говорил о том, что на таковые идет или с таковых возвратился. К нему часто приходили по делам редакционным или издательским, литературным или типографским разные лица, иногда становившиеся привычными лишь или даже знакомыми благодаря постоянству посещений;

но это были посещения, так ск<азать>, единоличные, раздельные; не помню, были ли у отца установлены определенные часы для редакционных и деловых приемов; по общему строю жизни того времени, думаю, что нет; но фактически большинство посещений приходилось на ранние дневные часы — около часов 12 — 1 часа> (отец вставал всегда рано, и к этому времени уже много часов были проведены за работой). Иной раз одновременно собиралось несколько человек, которым и приходилось дожидаться очереди; иной раз в дни спешной, напряженной работы по выпуску очередного номера Недельной Хроники Восхода, в особенности когда происходили или ожидались какие-либо цензурные осложнения, дожидаться приходилось подолгу и даже — откладывая свидание до другого дня (смутно помню упоминания отца, что он посетил или собирается посетить то или иное лицо); помню множество писем и записок, получавшихся или посылаемых отцом (телефон появился уже позднее), — но совместных совещаний, заседаний я положительно не припомню. Уж не говоря о журнале, но даже и постоянные сотрудники Нед<ельной> Хроники, которые по роду своей работы регулярно встречались в редакции в определенные дни подготовки очередного номера и, разумеется, не могли не вести общих разговоров, не иметь обмена мнений, не составляли коллегии, не имели заседаний. По крайней мере, свободно забегая в кабинет отца или в помещение конторы, где происходила редакционная работа, я никогда не был свидетелем того, что так хорошо стало мне впоследствии знакомо как редакционное заседание. Вне дней и часов непосредственной редакционной работы заходил к нам кто-либо из сотрудников, порознь или совместно; периодами были частые посещения того или иного лица, периодами — более редкие, но это уже были не деловые посещения, а «гости», «обед», вечер.

2

Отец вел Восход единолично, как свое, самостоятельное, независимое создание и дело, без коллегиальных форм, без коллективной основы. На нем лежала вся ответственность, риск, тяготы и заботы. По-видимому, столь же единолично, на личную ответственность, на свой страх, пожалуй, по собственной уверенности в себе и в деле, он его и предпринял.

По крайней мере, помнится, в год десятилетия Восхода по поводу приветствий некоторых еврейских деятелей Петербурга он мимолетно вспоминал, как они его в свое время отговаривали от его замысла. Пересматривая обширнейшую сводку писем от Л. О. Леванды¹ к отцу, я нашел ряд писем (на большом протяжении времени), или непосредственно посвященных, или между прочим касавшихся мысли о создании русско-еврейского журнала, которою, по-видимому, отец делился с Левандой. Преисполненный пессимизмом и недоверием к окружающим, Леванда непрерывно отговаривает его от его затеи, разубеждает в ее возможности, предвещает неудачи. Только в последнем письме этой серии он признается в своей неправоте и, приветствуя народившийся журнал, обещает свое участие в нем.

В архиве отца сохранилась чрезвычайно объемистая связка писем Леванды за много лет; письма писаны в разные времена, по разным поводам и в разных настроениях. Как нечто цельное в них могли быть выделены две серии — первая относилась к одному роману Леванды нееврейского содержания, о напечатании которого в петербургских журналах вел переговоры отец, другая касалась именно планов отца создать русско-еврейский журнал. Письма, как всякие письма, естественно, писались без связи одно с другим, в соответствии с задачами и настроением момента; но — очевидно, в силу непрерывности темы и ее жизненно логического развертывания — каждая из этих серий представлена как бы нечто замечательно цельное, как бы сознательно написанное произведение в форме односторонних писем с драматически развивающимся, нарастающим душевным содержанием. Мне пришлось ознакомиться с этими письмами после смерти отца, и никаких разъяснений или указаний по поводу событий того времени я от него не получил; разумеется, не читал я и его встречных писем. Но и односторонний ряд писем Леванды давал необыкновенно яркую картину. Натура, по-видимому, впечатлительная и сильно чувствующая, он явно преувеличенно отзывался на происходившее и выявлял в письмах динамику своих настроений без литературной предумышленности, но с <не?>посредственной выразительностью подлинного писателя, ныне столь несправедливо забываемого столь плохо дорожающим своим прошлым еврейским обществом.

Первая серия писем касалась помещения в петербургских журналах романа Леванды². Долгая волокита, проволоочки, переговоры кончились неудачей; сквозь письма проходит целая гамма настроений, сперва надежды, бодрости, предвкушения успеха, затем раздражения, нареканий, наконец, мрачного недовольства, национально-литературных заподозриваний. Я не помню, чтобы мелькали ноты сомнения в себе; кажется, вера в себя не покидает Леванду; он даже попутно сопоставляет себя с известнейшими романистами Запада (мне запомнилось упоминание в этом смысле Диккенса); во всяком случае, основная нить — это постепенно нарастающее раздражение на столичные редакции, на русский литературский мир, пренебрегающий евреем-писателем. Появляется и недовольство отцом за безрезультатность усилий по устройству романа; и все определеннее звучит в итоге этих переживаний уязвленность национальная. Конечно, не зная больших подробностей, трудно судить о правомерности нареканий Леванды; трудности провинциальному писателю попасть в столичные журналы — вещь общеизвестная; несправедливое невнимание к человеку, еще не имеющему литературного имени, — вечно повторяющаяся тема писательской жизни; к тому же Леванда был, вероятно, далек от тех тенденций и мод, которые в тот момент господствовали в передовой русской журналистике, и тем не менее мог рассчитывать на внимание. Но с другой же стороны, можно думать, что и действительно сильные стороны беллетриста Леванды — не художественное мастерство, а умение усмотреть и скомпоновать широкую картину жизни, душевных и общественных движений, <и оно> должно было покинуть его за пределами той еврейской жизни, которую он знал, чувствовал и переживал.

Поэтому неудача была не только естественной по условиям столичной журналистики, но, может быть, и справедливой. Как бы то ни было, недовольство, разочарование, огорчение нарастают в письмах Леванды и приобретают к концу этой серии определенно характер национальной подозрительности — еврея-де не пускают в русскую литературу, еврею в ней нет места. Если в этой серии писем бодрость и энергия на глазах читающего сменяется унынием и национальной подозрительностью, то во второй серии писем, написанной несколькими годами позже и относящейся к планам о создании Восхода, — уныние, недоверие и разочарованность проявляют-

ся с самого начала. Развитие событий здесь противоположно тому, какое являлось темой первой серии. Там от литературных надежд и ожиданий к неудаче, здесь от неверия и расхолаживания к успеху. Однако разряд настроения здесь уже иной; Леванда приветствует победу отца, но и в приветствии сохраняется некоторая унылость.

Чтобы выяснить, в какой мере разочарование первой серии совпало, а может быть, было и одним из факторов общего изменения общественных воззрений и духовных настроений Леванды, было бы существенно установить точные года переписки. К неотступному моему огорчению, с этими двумя сериями писем произошло необъяснимое для меня происшествие. Вскоре после смерти отца я их отобрал для печати, после чего они непонятным для меня образом — одни из всего архива — исчезли. Сколько я ни делал попыток отыскать их или хотя бы установить пути их возможного исчезновения, мне это не удавалось. Поэтому все сообщаемое мною я привожу на память, по общему впечатлению и воспоминанию. Относительно же дат могу твердо установить только то, что вторая серия, растянутая на продолжительный период, непосредственно примыкала к получению разрешения на издание Восхода, следовательно, относится к концу 70-х годов, первая же серия была отделена от второй целым рядом лет, — но относилась ли она к началу 70-х годов или еще к 60-м — я не решаюсь сказать.

Из переписки Леванды вытекает и то, что отец общался с близкими ему товарищами по перу в связи со своими журнальными планами, но — в данном, по крайней мере, случае — поддержки и содействия не встретил. Не знаю, много ли общался он по этому вопросу с другими литературными деятелями того времени; в архиве отца я следов этого не встретил; во всяком случае, достаточно взять список главных сотрудников Еврейской Библиотеки, позже ставших сотрудниками Восхода, чтобы убедиться в том, что, собственно, не было и почвы для коллективной разработки или осуществления его замысла. Оршанского³ уже не было в живых. Леванда и Моргулис⁴ не жили в Петербурге; недавно скончавшийся Гаркави⁵, много печатавший и в Еврейской Библиотеке и в Восходе, насколько я знаю, всегда стоял в стороне от организационной журнальной работы. Не может быть, разумеется, и речи о том, чтобы помимо писания статей какое-либо участие принимали русские писатели, которых отец

привлек к работе в своих изданиях (Е. Ф. Корш, Э. К. Ватсон, С. А. Бершадский, В. В. Стасов, Петр Вейнберг⁶). Единственный человек из числа работавших и в Еврейской Библиотеке и в Восходе, кто по своему складу мог бы быть соучастником в создании Восхода и к тому же жил в Петербурге,— был Л. О. Гордон⁷.

Но на самом деле и он таким соучастником не был,— заключаю об этом на основании впечатления, вынесенного из банкета, состоявшегося по случаю десятилетия Восхода в 1891 г.⁸. На правах семьи чествуемого, мать и я, мы присутствовали на обеде, на который собрались все жившие в то время в Петербурге сотрудники Восхода, евреи и не евреи; обед проходил весьма оживленно, было много речей, воспоминаний, приветствий, выражений надежд. Наибольший ораторский успех выпал на долю Л. О. Гордона, произносившего тосты, речи, реплики и просто ведущего беседы в отдельных группах; чрезвычайно умный и остроумный человек, он к тому же в тот вечер был, по-видимому, особенно в ударе, и речи его вызывали и сочувственный смех, и шумное одобрение,— всего больше, пожалуй, у нееврейской части собрания. На расстоянии 28 лет память не сохранила содержания говорившегося, но все же прекрасно помню, что Гордон отнюдь не был в позиции, так сказать, свиновника, создателя Восхода; подход его был — как и других говоривших — как бы со стороны, подходом давнего сотрудника. Он вместе с другими присутствовавшими как бы обращался к отцу, а не обращался вместе с отцом к приглашенным сотрудникам.

Бесспорно, отец единолично приступил к Восходу, как он единолично создал и вел Еврейскую Библиотеку.

⁶По поводу находчивости Л. О. Гордона и в связи с его воспоминаниями, напечатанными в кн. (нрзб) «Пережитого» (стр. <пропуск>), припоминаю рассказ отца со слов Л. О. об его аресте. Гордон был арестован по возвращении <домой> поздно ночью с вечера у отца; вернувшись, он наткнулся у себя на обыск; на вопрос, откуда он приехал, он, не зная, в чем его обвиняют, и не желая подводить отца, вполголоса заметил допрашивавшему, что тот ставит его в неловкое положение перед женой, в ее присутствии спрашивая, откуда он возвращается в такой поздний час. Для полицейской неприязнательности того времени характерно, что этот ответ — по крайней мере на тот раз,— по-видимому, удовлетворил допрашивавшего⁹.

Большой успех имел чрезвычайно живо и тонко переданный Л. О. Гордоном в виде притчи? разговор еврея с христианином, в котором каждый расхваливает свою веру, причем по всякому пункту христианином выставлены требования христианства более высокие и значительные, но и по всякому же пункту они оказываются неисполняемыми.

3

Так же, как и основание Восхода, и приступ к выпуску Недельной Хроники Восхода снова проявляет тот же единоличный характер, ту же несвязанность <с> какими-либо общественными кругами, отсутствие опоры в каких-либо кружках. Кое-что со слов отца осталось у меня в памяти об этом времени. Нужно только отметить, <что> словоохотливостью отец не отличался и менее всего — стал бы обстоятельно рассказывать о себе, о своих заботах или переживаниях. Все, что в этом смысле приходилось от него слышать, — это от времени до времени попутно, по какому-либо мелькнувшему в разговоре поводу, оброненное замечание.

Из таких замечаний я вывел заключение, что отец в течение нескольких лет из года в год возобновлял перед цензурным ведомством ходатайства о разрешении ему издавать журнал с еженедельной газетой. В эпоху либеральных веяний он получил разрешение на журнал и к следующему году, по свойственной ему настойчивости, но без какой-либо надежды на успех, снова возбудил ходатайство относительно еженедельника.

Совершенно неожиданно — разрешение было дано. Получилось оно уже поздно; чтобы выпустить первый номер в первое же воскресенье нового года, оставались — по типографским условиям — лишь сутки редакционной работы. Тем не менее он решил не откладывать до следующей недели, не запаздывать с первым номером и сразу же приступить к его регулярному выпуску. Между тем в силу неожиданности разрешения ничего не было подготовлено. День он посвятил хлопотам, отыскал Оршанского¹⁰ (брата И. Г.) и Слонимского¹¹, и за ночь они составили первый номер, который таким образом удалось вовремя выпустить в свет. Оршанский писал заграничную летопись, Слонимский — фельетон, <a> передовая и самое составление номера было делом отца.

Я не имею сейчас возможности проверить свою память просмотром первого номера Недельной Хроники Восхода. Думаю, что не ошибаюсь; но как бы то ни было, общий характер рассказа остался у меня твердо в памяти, и из него определенно вытекает все тот же личный характер замыслов отца и их осуществления.

М. Оршанского я лично помню едва-едва. Знаю, что он некоторое время работал в Восходе, вел иностранную летопись, после него перешедшую к д<окто>ру С. О. Грузенбергу¹², который сохранил за собой этот отдел до выхода своего из Восхода одновременно с переходом журнала в 1899 г. к новой редакции и новому издательству. Немного приходилось слышать об Оршанском и впоследствии. Общее впечатление о нем сложилось у меня такое, — м<ожет> б<ыть>, и без достаточных оснований, — что он был как бы аккуратным, но холодным гостем в русско-еврейской публицистике, был с ней связан не очень глубоко; поэтому едва ли можно предположить его деятельное участие в создании Недельн<ой> Хроники.

Что касается Д. Л. Слонимского, то, кажется, он был товарищем отца по раввинскому училищу; во всяком случае, они были близки и дружны в студенческие годы в Петербурге. Отец был о нем очень высокого мнения, считал его человеком чрезвычайно даровитым и образованным; рассказывал об его способности с всепоглощающей силой увлекаться каким-либо духовным интересом, на время вытеснявшим все остальное из поля его внимания. Из анекдотических подробностей в этой области запомнился рассказ, как Слонимский, по какому-то поводу возгоревшись интересом к шахматам, засел в своей комнате и не выходил из нее и к себе никого не пускал, пока не одолел этого искусства. По-видимому, его увлечения искони носили как бы запойный характер преходящих, спорадических вспышек; во всяком случае, не создав ничего значительного, он уже рано стал стусевываться, сходить на нет. Даже простое общение с ним прерывалось, происходило с большими промежутками. В детском восприятии запечатлелась печальная недоговоренность в словах о нем отца. Позже пришлось слышать, что после какой-то болезни, сопровождавшейся сильными страданиями, он сохранил страсть к морфию, приведшую в расстройство его нервную систему. Скрывая эту страсть и страдая от нее, он скрывался от друзей и постепенно опускался. Отец неоднократно вспоминал о нем, справлялся, кажется, обращался к нему. Как-то (уже не помню, к какому периоду это следует отнести) он очень обрадовался, снова его отыскав, получил даже обещание о возобновлении сотрудничества, но из этого ничего уже не вышло.

Мои непосредственные воспоминания о Слонимском относятся, разумеется, не к первым годам Недельной Хроники, а

ко времени более позднему, примерно лет на пять, когда в течение некоторого периода Слонимский бывал у нас довольно часто или, во всяком случае, довольно регулярно. Остался он у меня в памяти в качестве несколько таинственного небольшого роста горбуна (таинственность, вероятно, происходила от сочетания его внешности с той недоговоренной печалью в словах отца, о которой я уже упоминал), интересного умницы, с нетерпением ожидаемого. Помнится, прийдя к нам, он брал меня на колени и вел рассказ на тему Библейских Пророков. Много ли было таких бесед и часто ли они происходили — я не взялся бы сказать, помню только, что была в них преемственность, продолжение в одно посещение рассказанного в предыдущем. Также, разумеется, я совершенно не помню содержания излагавшегося (кроме самой общей темы); но твердо сохранилось в душе и нередко впоследствии вспыхивало в сознании ощущение какой-то родственности, близости, даже какой-то преемственной зависимости последующего моего отношения и понимания иудаизма от детских рассказов Слонимского и от отдельных — всегда весьма лаконичных и обыкновенно лишь попутно брошенных — замечаний отца. Ни в какой степени я не могу проследить этой преемственности, обосновать ее или даже по содержанию установить; но ощущение ее живет во мне твердое и определенное. Об иудействе и еврействе приходилось впоследствии читать, между прочим, и то, что в годы моего детства не могло быть известно ни отцу, ни Слонимскому. Но что бы ни приходилось читать, я к читаемому уже подходил с готовым критерием, ожиданием, отношением, оценкой — ища подтверждения, насыщения ожидания и внутренне отталкивая, сомневаясь в том, что ему не соответствовало, — и это-то предвзятое, эту заранее готовую апперцепцию, которая могла обогащаться материалом, выясняться, м<ожет> б<ыть>, и сдвигаться, но в основе оставалась на всю жизнь неизменной, — я ощущаю внедренную, воспринятую в тесной связи с разрозненными замечаниями отца и детскими рассказами Слонимского.

С фельетонами Слонимского (подписанными псевдонимом Петр Шлемиль и в свое время, как кажется, производившими значительное впечатление) мне случилось познакомиться много позже их напечатания, но все-таки уже в давние отроческие годы, когда, в патриотической привязанности к изданиям отца, я, забравшись в его кабинет, перечитывал все старые

книжки и старые номера Восхода. К сожалению, я не имею сейчас возможности, пересмотрев их, превратить свое давнишнее впечатление в обоснованное суждение; если же разобраться в сохранившемся впечатлении, то я бы так его <с>формулировал: что специально писательского дарования у Слонимского не было, но душевная и умственная чуткость сказывались в его писаниях и должны были и в его лучшее время задевать созвучные струны у читателя.

Все же ясно, что это не был человек, который бы мог с необходимым упорством и настойчивостью участвовать в группе организаторов еврейского органа или сколько-нибудь длительно служить ему опорой. Увлекающийся и неустойчивый, он появлялся и исчезал и слишком скоро совсем исчез, унеся в мрак своей развинченной болезненности душу богатую и сожженную.

Таким образом, и создание Нед<ельной> Хр<оники> В<осхода> в основном легло на единоличную ответственность отца; ему и здесь пришлось работать, не опираясь на коллектив, а полагаясь в конце концов на свои собственные силы.

4

Такое положение сохранялось и позже и поддерживалось некоторыми обстоятельствами, связанными с составом сотрудников. Некоторые из них жили вне Петербурга (как М. О. Моргулис, С. М. Дубнов¹³, Ярошевский¹⁴ и др.) и по тем или иным причинам и не могли в П<етер>б<ур>г переехать¹⁵; о переезде в П<етер>б<ур>г в связи с участием в Восходе отец поднял вопрос по отношению к С. М. Гинцбургу¹⁶ после известной статьи его «Забывтая эпоха», сразу обратившей на себя и на автора внимание; позже — во второй половине 90-х годов — в период своей болезни, незадолго до передачи Восхода в другие руки, когда отец уже решил на полную реорганизацию как редакции, так и издательства, были разговоры о том же с Ярошевским. Но, в общем, этот вопрос не мог быть поставлен частью уже по полицейским условиям того времени, частью по условиям профессиональной жизни. Из числа петербургских сотрудников переговоры об официальном участии в редакции были подняты с С. О. Грузенбергом, который фактически во вторую половину девяностых годов в периоды болезни отца часто и подолгу замещал

его в ведении Недельной Хроники. Необходимость изменить редакторскую и издательскую ориентацию Восхода были ясны больному отцу, но, по-видимому, ему менее тяжело было расстаться с своим созданием, чем принципиально разделить ответственность и руководство им; переговоры не привели к результату, и Восход вскоре после того всецело перешел к другой группе сотрудников¹⁷. Но если обратиться к временам, предшествующим последнему периоду, то надо сказать, что и вообще длительно и непрерывно отда<ва>ть свою работу Восходу могли — да, верно, и хотели — лишь весьма немногие. Иные сотрудники, занятые другими заботами и делами, только частью могли посвятить свое время Восходу (и даже когда отдавали ему свою работу длительно и регулярно, все же стояли в этой сфере как бы лишь одной ногой, ища более широкого поприща для своих сил, для своего обеспечения, для успеха, для карьеры или хотя бы для производительности и действенности своего труда). Быть может, я не ошибусь, если отмечу, что кое-кто фактически даже и втягивался в журнал, тем не менее духовными и житейскими устремлениями оставался вне его.

Бесспорно, национальная среда небольшого народа создает теплое гнездо, в котором с особой тщательностью выпестовываются, поддерживаются и возвеличиваются свои — даже подчас весьма малозначительные — деятели. В замкнутом теплом уюте небольшого национального, а тем более националистического круга носятся со всяким человеком, хотя бы еле-еле выделяющимся над общим уровнем, как с достопримечательностью, ибо ищут случая кем-либо гордиться, поддерживают, культивируют, преувеличивают его. И иной раз через позицию местной националистической знаменитости, <с> помощью националистических пузырей, человек — автор или деятель — попадает в широкое русло большой культуры, в которой он сам по себе безнадежно бы утонул. Но для этого должна возгореться или хотя бы затеплиться специфическая атмосфера национального самокультивирования. В то же время, о котором идет речь, такой атмосферы еще не было, <она> развилась лишь к началу нового века. В годы главной деятельности отца положение было прямо противоположное. При общем устремлении в общекультурные русла, на общегосударственный простор, работа для своего народа встречала и мало сочувствия, и мало резонанса — сфера деятельности бы-

ла узкая и ограниченная, своим она не импонировала, да и мало интересовала, чужими не замечалась,— больших возможностей не давала, выхода на широкие просторы не открывала и безнадежно обрекала на свою узкую замкнутость. Нужно было много самоотвержения, чтобы сознательно и добровольно уйти в нее при умении и возможности с большей эффективностью работать в других областях. Если же не самоотвержение, которое не у многих могло найтись, здесь могла удержать еще и неудачливость, во всяком случае, широкое поприще деятельности, успеха или хотя бы возможность найти удовлетворение на жизненном пути менее всего лежали на линии русско-еврейской журналистики.

Из сотрудников Восхода можно указать на двух, настолько неразрывно с Восходом связанных, что едва ли возможно отделить их в те десятилетия от журнала и журнал от них,— из книжки в книжку появлялись статьи С. М. Дубнова — Мстиславского, Критикуса, и едва ли не из книжки в книжку печатались стихотворения, а во множестве номеров Хроники — фельетоны С. Г. Фруга¹⁸ — Случайного Фельетониста. Я уже упоминал, что Дубнов жил вне Петербурга; Фруг по своему значению мог бы, казалось, занять видное место в духовном руководстве журналом, но на самом деле оказалось, что менее всего мог он подойти для такой роли. Бесспорно, наиболее общественно-значительным в таком органе, как Восход и Недельная Хроника Восхода в 70-е и 90-е годы, в отличие от органов печати других народов или еврейских же, но в другие времена, была не та или иная составная часть содержания, сколько самый факт установления печатного, гласного контакта между рассеянными читателями и миром еврейских интересов, контакта, устанавливаемого как уже простейшим сообщением сведений об евреях и еврействе в России и за границей, так в особенности освещением таковых публицистическим руководством, критической оценкой, литературно-образным синтезом, научной разработкой. В других литературах эта функция осуществляется совокупностью изданий, и каждое отдельно взятое представляет уже только ту ценность, какую оно индивидуально привносит при осуществлении этой совокупной деятельности. Восход же был в течение без малого двух десятилетий единственным (русско-еврейским) органом и в этом смысле как бы исполнял обязанность журналистики вообще, печати вообще, литературы

вообще. Едва ли не главное достижение заключалось здесь в самом его существовании, в его суммарной работе и затем — в его общей линии, и, думается, это, в общем, и чувствовалось и надлежаще — хотя и смутно — оценивалось массовой читательской публикой. Но если взять уже в этих общих рамках отдельные ценности, то едва ли можно сомневаться в том, что для читательских кругов именно Фруг представлял главную ценность, может быть, правильнее сказать — главную привлекательность Восхода.

Кажется, в последнее время Фруг подвергается забвению или, во всяком случае, его известность тускнеет; к этому ведут многие причины, в частности, м<ожет> б<ыть>, и его слабость как чистого художника; для современного читателя-интеллекта, воспитанного или даже испорченного стихотворной виртуозностью и художественной изощренностью русских или/и европейских поэтов последних десятилетий, Фруг неизбежно представляется поэтом примитивным и малозначительным. Здесь не место входить в оценку современного или, во всяком случае, — недавнего взгляда на искусство, на поэзию; для моей цели достаточно, оставив в стороне отвлеченно-художественную характеристику Фруга, отметить исполненную им функцию — отклика на настроения, волнения, сожаления, печали и жалобы его времени. В этом смысле правильно было бы, умаляя значение и ценность многих его стихотворений, возвеличить значение и ценность его, кажется, уже совершенно забываемых фельетонов. Эта форма требует меньше искусства, которого у него в подлинном смысле и было не много, эта форма характерна тем, что требует меньше формы и вместе с тем не предполагает ни определенной выделенной образности содержания, ни специфической индивидуальности переживания; фельетон непритязателен, он свободен и текуч, он открывает возможность проявиться интимному чувству, дает мелькнуть удачному преходящему образу; он допускает чередование и рассказа, и лирики, и полемики, нарочитость в нем естественна, невыдержанность законна. Множество стихотворений Фруга бесспорно были лишь своего рода упражнениями на темы, множество фельетонов Фруга были непритязательными, но потому и подлинными, отзвуками носившихся кругом чувств и переживаний. И Фруга читали многие малоискушенные в очарованиях искусства и, читая, переживали с ним то, что он созвучно с ними излагал.

Вероятно, в настоящее время охотно стали бы приписывать художественное несовершенство Фруга тому, что он писал на неродном языке. Я оставляю здесь в стороне общетеоретическую сторону вопроса, но должен сказать, что в данном случае в такой гипотезе едва ли есть надобность. Существенное значение имели здесь и эпоха, и среда, и условия существования, и воспитание; но все же суть заключалась в свойствах его художественной личности,— может быть, его личности вообще. Он с легкостью владел стихом, ему легко давался экспромт; но он не углублял своего умения, не вырабатывал мастерства; не развил в своем стихе ни ритмичности и музыкальности, ни структурности и четкой образности; так и продолжал он, не совершенствуясь, изливаться легко и,— пожалуй, не будет несправедливо сказать,— в общем, безобидно-неряшливо. Для характеристики его художественной формы как-то показательным остается в моей памяти каллиграфичность его почерка. У меня сохранилась страница из старого альбома, на которой он мелким-мелким, тонким и отчетливым почерком с завитушками и замысловатыми изгибами и контурами записал для меня целую длинную поэму (Ключи); помню, что он, впрочем, говорил, что на этот раз ему еще не удалось вполне хорошо, достаточно мелко и изящно исполнить свое задание. Вероятно, свои рисовальные способности и каллиграфические умения он и не афишировал и не развивал и только так, случайно, походя «баловался» ими; и все же почему-то эта каллиграфичность осталась и своей незавершенностью, и — главное — поверхностной красотью

*Как-то раз, когда он в отцовском кабинете просматривал корректуру своей очередной поэмы,— почему-то произошло промедление с чаем; на клочке бумаги, сохранившемся у меня, он набросал несколько стихов, которые послал через меня матери:

Тонкий намек

Если бы в древности классической
 Жил я — из фиала плоского
 Пил бы сок ароматический
 Иль фамриского, иль наксос<с>кого.
 А теперь — блаженства райского
 Я ищу и в прозаической
 Чашке зелия китайского
 Хоть бы в порции микроскопической.

Чай появился немедленно.

В другой раз, когда я приставал к нему с просьбой написать мне что-нибудь в альбом — он набросал несколько строк, тут же, впрочем, зачеркнутых:

своей легкой внешности как бы репрезентативной для дарования Фруга: не столько искусство, сколько каллиграфия.

Он любил природу, в нем был нежный, отзывчивый лиризм; не потому ли, что жить приходилось в столице — любовь к природе не оформлялась в художественную интуицию ее, а оставалась как бы в плоскости детских воспоминаний о Приднепровье или в плоскости более или менее условно-рационалистических представлений о той или иной природе «исторической», библейской или иной. И лиризм его — от скудости ли настроений той эпохи, от спешности ли работы, от однообразия ли впечатлений — мало выходил за пределы лиризма рационально-предустановленного и ограниченного.

Художественность Фруга была каллиграфического типа, лиризм — рационально-условным. Содержательность мало самостоятельна и довольно ограничена. Поэмы его нередко являлись не столько претворением, воспостроением, сколько из-

Ох, простите, милый Гриня!
В голове моей пустыня,
И, как в зной июльских дней,
Все завяли рифмы в ней,—
И хоть лопни тут, хоть тресни,
Ни одной не спеть мне песни.

Относительно двух стихотворений, в другое время написанных им мне в альбом, я не уверен, в какой мере они написаны экспромтом, почему и не привожу их здесь; приведу лишь еще стихотвореньице, так как — хотя и не написанное при мне — оно, в общем, также носит все следы экспромтности. Как-то я дал ему прочитать по младости лет сочиненные мною стишки. Он их более чем справедливо не одобрил и, чтобы позолотить пилюлю, ответил следующим сонетом:

Нет, Гриня, нет, я не могу
Твоей поздравить музы ныне:
Природа вся теперь в снегу,
Повсюду мрачно, как в пустыне,—
И песня первая — увь!—
В мороз рожденная тобою,
Не веет летней теплотою,
Ни свежим запахом травы,
Ни серебристым, светлым звоном
В полях, в дугах, в лесу зеленом
Бегущих вдалеке весенних вод,
Где средь сияющей низины
Весны справляет именины
И муз и Граций хоровод...

ложением определенных сюжетов, высканных в случайных источниках. Малая самостоятельность всего для него характернее. Но и определенных художественных влияний он испытывал едва ли не много, и сомневаюсь, чтобы глубоко. Резко запечатлелось в детской памяти поразившее меня уже тогда его замечание, что Пушкина, Лермонтова и др<угих> он не перечитывает, потому что прекрасные поэмы так его увлекают, что, взяв книжку, он уже не может ее оставить, хотя бы приходилось читать напролет до утра. Я не запомнил проявлений в разговорах с ним увлечения каким-либо поэтом, художником, духовным течением. А между тем в течение довольно длинного промежутка времени он бывал у нас очень часто и, в частности, со мной, еще ребенком, проводил чрезвычайно много времени, что, помнится, обращало на себя несколько недоуменное внимание старших. Времяпрепровождение наше было довольно-таки малосодержательным — мы много играли в шашки, болтали, иногда он брал меня с собой на прогулку. Раз как-то он повел меня в ресторан Мильбрета, где он в тот день обедал, о чем я — вопреки его предупреждению — честно рассказал матери, вызвав ее большое недовольство. О чем мы разговаривали — я сейчас не могу, разумеется, припомнить; но если забываются естественно на протяжении десятилетий темы бесед, то обыкновенно остается память об их общем характере, об их, т<a>к ск<азать>, духовной тональности, о том, что они в свое время дали душе. Несколько выше я как раз упоминал о беседах Слонимского, содержания которых также не припомню и, однако, общий тон и окраска которых определенно запечатлелась в приметной душе; мог бы в этом отношении припомнить и других лиц. Общение с Фругом было для меня в те детские годы желанным и чрезвычайно «лестным»^{*}; я им дорожил и с истинным «патриотизмом» относился к его произведениям, которые казались мне превосходными, — и при всем том решительно никакое впечатление не сохранилось о содержании общения с ним, точно оно все исчерпывалось шашками и беспритязательной болтовней. Мои детские духовные интересы

^{*}Впрочем, сообразно интеллигентски-пуританскому воспитанию и атмосфере того времени, скептически и отрицательно относился я к тому, что казалось мне его лощеностью и «парадностью» костюма. Кажется, в моем детском восприятии именно это обстоятельство низводило его с пьедестала знаменитого поэта.

развивались — при частом общении с ним — абсолютно вне всякого его влияния, вне всякого контакта с ним.

В нем не чувствовалось самостоятельного источника творчества; не было и определенно сильных духовных влияний и, думается, — заинтересованностей. И тем не менее недаром читатели — пускай художественно малопритязательные — зачитывались им и из книжки в книжку, из номера в номер ждали появления его стихов и фельетонов; ибо одно свойство поэта было в нем — отзывчивая восприимчивость. Он заражался окружающими настроениями, чувствами, отношениями и художественно ли, полухудожественно или хотя бы каллиграфически излагал в легких формах своих стихов и прозы, передавал, возвращал их в среду, из которой их воспринимал, тем давал некоторый разряд беспросветному напряжению своих читателей. В зависимости от ближайшей среды он мог на разное по-разному откликаться; более далекая, но постоянная среда еврейства в те времена была сравнительно мало дифференцирована, сравнительно мало подвижна в своих настроениях, в своем эмоциональном тоне, в своей духовной направленности, и Фруг давал ей отзвук, верный и достаточно полнозвучный.

Было бы и обыкновенной неблагодарностью, и литературной несправедливостью недооценить этого. Я именно начал с того и повторяю, что Фруг сейчас несправедливо забывается, что литературно-общественной своей функцией он сросся с русско-еврейской общественностью (преимущественно) восьмидесятых годов как неотъемлемая и крупная в ней фигура. Но этим вместе с тем достаточно намечается, почему он ни в какой степени не мог быть подлинным участником в руководстве органом, в котором принимал ближайшее и деятельнейшее участие; ибо это был человек, предназначенный не руководить и направлять, а отражать и откликаться.

Продолжение следует.

¹ Леванда Лев Осипович (1835—1888) — прозаик, публицист, окончил Виленское раввинское училище, работал учителем, а затем на протяжении 25-ти лет занимал должность «ученого еврея» при виленском генерал-губернаторе. Автор романов, повестей и рассказов о российском еврействе 60—80-х гг. XIX в. В «Восходе» среди прочего опубликовал очерк «Судьба евреев в Польской Речи Посполитой». Переписка с А. Е. Ландау и другими еврейскими общественными деятелями и литераторами публиковалась позднее в «Еврей-

ской библиотеке», т. 9 и 10. СПб., 1901; 1903. Так же: *Бухбиндер Н. А.* Л. О. Леванда по неизданным архивным материалам. Вып. 1. Пг., 1918; *Гольдберг Б. А.* Леванда как публицист. Вильна, 1900.

² Видимо, имеется в виду роман «Поход в Колхиду». В конце концов А. Е. Ландау опубликовал фрагмент из этого произведения в т. 7 «Еврейской библиотеки».

³ Оршанский Илья Григорьевич (1846—1875) — юрист, выпускник Новороссийского университета, публицист, печатался не только в еврейской, но и в русской прессе, автор серии исследований по еврейскому праву и современному российскому законодательству (например: «Евреи в России». СПб., 1877; «Русское законодательство о евреях». СПб., 1877). См. о нем: *Моргулис М. Г.* И. Г. Оршанский и его литературная деятельность. СПб., 1901; *Ямпольский П. А.* Воспоминания об И. Г. Оршанском. Киев, 1911.

⁴ Моргулис Михаил Григорьевич (1837—1912) — юрист, публицист, общественный деятель, автор мемуаров. В «Восходе» опубликовал очерки «Сущность иудаизма», «Современные опасения западноевропейских евреев» и др. См. о нем: *Брамсон Л. М.* Общественно-культурная деятельность М. Г. Моргулиса. СПб., 1912; сб. ст. «Памяти М. Г. Моргулиса». Одесса, 1914.

⁵ Гаркави Авраам Яковлевич (1835—1919) — историк-гебраист, филолог, заведующий отделом еврейской литературы Публичной библиотеки в Петербурге, автор большого числа научных работ по истории евреев. В «Восходе» были напечатаны его «Исторические очерки Синода четырех стран», «Из народной еврейской литературы в Средине века», «Исторический очерк карамитства» и др.

⁶ Корш Евгений Федорович (1811—1897) — критик, переводчик, публицист. Ватсон Эрнест Карлович (1839—1891) — критик, переводчик, публицист.

Бершадский Сергей Александрович (1850—1896) — юрист, историк, один из первых русских ученых — исследователей истории евреев («Литовские евреи». СПб., 1883. Среди прочих работ опубликовал в «Восходе» очерк «История Виленской еврейской общины»). См. о нем: *Браудо А. И.* С. А. Бершадский как историк русских евреев. СПб., 1896.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — критик, искусствовед, автор научных трудов по истории и теории искусства, музыки и литературы, в том числе и нескольких работ о еврейском искусстве (например, совместно с Д. Г. Гинцбургом, «Древне-еврейский орнамент». СПб., 1886).

Вейнберг Петр Исаевич (1831—1892) — поэт, переводчик, с 1905 г. почетный академик Российской Академии наук.

⁷ Гордон Лев Осипович (1830—1892) — поэт, прозаик, публицист, публиковал свои произведения в газетах и журналах на иврите, идиш и русском языках, возглавлял до 1883 г. в «Восходе» отдел критики и печатался в нем под псевдонимом Меваккер. Автор воспоминаний «Тюрьма и ссылка» (Пережитое. Т. IV. СПб., 1913). Обширный обзор его переписки был опубликован в «Восходе» в 1895 (т. VII) и 1896 (т. IV). О нем см.: *Рабинович Г. М.* Речь, произнесенная на юбилейном обеде в честь Л. О. Гордона. СПб., 1881.

⁸ Об этом событии см.: *Итоги // Недельная Хроника Восхода*. 1891. № 3, 4.
⁹ *Гордон Л. О.* Тюрьма и ссылка (Эпизод из моей жизни) // *Пережитое*. СПб., 1913. Т. IV. С. 1—45.

¹⁰ Оршанский Моисей Григорьевич — окончил Харьковский университет, юрист, переводчик, публицист. В основном выступал под псевдонимом М. О. Галеви.

¹¹ Слонимский Давид Лазаревич — соученик А. Е. Ландау по Виленскому раввинскому училищу, в 70—80-е гг. XIX в. сотрудничал в русско-еврейской печати, в основном под псевдонимом Петр Шлемиль. Некоторое время служил в Петербургском окружном суде. Умер в Вильне. (См. о нем: *Шафир М.* Мои воспоминания // *Еврейская летопись*. Л.; М., 1926. Т. IV. С. 110.)

¹² Грузенберг Самуил Осипович (1854—1909) — сводный брат знаменитого адвоката О. О. Грузенберга; окончил Медико-хирургическую академию в Пе-

тербурге, с 70-х гг. XIX в. сотрудничал в русско-еврейской печати, в 80—90-е гг. фактически являлся заместителем А. Е. Ландау по редактированию его изданий. С 1900 по 1904 г. выпускал газету «Будущность». Его переписка с С. М. Дубновым опубликована в «Еврейской старине», 1914. Т. 3, 4; 1915. Т. 4.

¹³ Дубнов Семен (Шимон) Маркович (1860—1941) — историк, публицист, общественный деятель, автор многочисленных исследований по истории евреев, один из организаторов Еврейской народной партии, теоретик автономизма. В 1921 г. эмигрировал в Германию, в начале 30-х гг. переехал в Латвию. Погиб в гетто. На протяжении многих лет вел в «Восходе» отдел критики, выступал под псевдонимами Критикус и Мстиславский. Среди крупных работ, опубликованных в «Восходе», были: «История хасидского раскола» и «Письма о старом и новом еврействе» (Дубнов С. М. Книга жизни: Воспоминания и размышления. Т. 1—3. Рига; Нью-Йорк, 1957.)

¹⁴ Ярошевский Сергей Осипович (1856—1907) — врач, писатель, автор рассказов, повестей и романов о жизни евреев России. В «Восходе» печатались: «Выходцы из Межеполя», «На пути» и др.

¹⁵ По законам Российской империи того периода, имели право проживания вне черты оседлости только купцы 1-й гильдии, лица, имеющие высшее образование, обучающиеся в высших учебных заведениях, фармацевты, фельдшеры, дантисты, приказчики и служащие у купцов 1-й гильдии и лиц, имеющих высшее образование, а также некоторые категории лиц, владеющих редкими специальностями (ювелиры, типографские наборщики и т. д.). По воспоминаниям С. М. Дубнова, сам А. Е. Ландау жил в Петербурге на правах наборщика в своей собственной типографии (Книга жизни. Рига, 1934. Т. I. С. 235).

¹⁶ Гинзбург (Гинцбург) Саул Моисеевич (1866—1940) — юрист по образованию, историк, публицист, автор ряда крупных исследований по истории евреев России (например: Минувшее: Ист. очерки, статьи и характеристики. Пг., 1923; Отечественная война 1812 года и русские евреи. СПб., 1912). Статья «Забывтая эпоха» публиковалась в «Восходе» в 1896 г. в №№ 1-4, 6, 10, 11-12.

¹⁷ «Другая группа сотрудников». — С 1899 по 1906 г. «Восход» выходил в свет под руководством И. Сыркина, Л. Сева, М. Винавера и М. Тривуса. Они значительно изменили общую направленность журнала, сузили его общенациональное значение, превратив в орган лишь одной из общественных группировок.

¹⁸ Фруг Семен Григорьевич (1860—1916) — поэт, публицист, один из первых еврейских поэтов, снижавших популярность не только среди еврейских, но и среди русских читателей в 80—90-е гг. XIX в. См. о нем: Бродовский Г. А. Поэт народных скорбей и надежд. Одесса, 1918. Его же: С. Г. Фруг. Национальные мотивы его творчества. Одесса, 1912.

Публикация В. КЕЛЬНЕРА и Е. ГОЛЛЕРБАХА. Предисловие и комментарии В. КЕЛЬНЕРА.

Автор воспоминаний Иехиль Равребе (1883—1938?) — еврейский писатель и исследователь. Писал на иврите, идиш и русском. Получил традиционное еврейское образование. Учился в Петербурге на Высших еврейских курсах бар. Гинцбурга и в Петроградском университете на факультете востоковедения. Доцент кафедры еврейского языка и литературы в Белорусском государственном университете в Минске. В 1929 г. от работы был отстранен и переехал в Ленинград, где в 1938 г. был арестован. По некоторым сведениям, умер в тюрьме. Литературная деятельность Равребе началась в начале века в

Вильно. Дебютировал в различных идишистских изданиях как поэт. В советское время выступал прежде всего как исследователь, печатался в русско-еврейских изданиях «Еврейский вестник», «Еврейская старина» и «Еврейская летопись», а также в «Цайтшрифт». Работы ученого отличаются тонкое понимание еврейского наследия, стремление рационалистически осмыслить его.

Предлагаемые воспоминания опубликованы в сборнике «Еврейская летопись» (Пг.; М., 1923. № 1. С. 159—167).

И. Равребе

СВАДЬБА МАКАРОВСКОГО ЦАДИКА

От сильного дуновения революционной бури закрылась последняя страница истории старого хасидизма² в России — закрылась, должно быть, навсегда: открылась новая глава еврейской истории, новая страница, на которой пока начертаны лишь первые строки. Но хасидизм, как всякое движение, выросшее из недр народной массы, оставил после себя большое, чрезвычайно богатое и разнообразное наследство. В хранилище хасидизма, куда редко кто заглядывает, валяются в страшном беспорядке драгоценные осколки истории быта, нравов, упований, печалей, мировоззрений, мистерий евреев России и Польши двух последних столетий. Кое-где уже разобрано, кое-что уже составлено, но самое существенное и важное осталось еще не тронутым.

Не пора ли еврейским историкам, этнографам, композиторам и бытописателям взяться за разбор нашего наследия и делать это с большим темпом и усердием, чем это делали до сих пор? Не пора ли нам проникнуть в это хранилище, пока мировая буря не рассеяла остатки его по семи морям и от целой эпохи еврейской жизни, служившей, может быть, эпилогом двухтысячелетнего периода еврейской истории, не останется и следа?

Со смертью центральной фигуры в украинском хасидском мире — реб Мотеле Чернобыльского³ — положение хасидизма, как идейного и народного движения среди евреев Волыни и Подолии, сильно пошатнулось. Огненный чернобыльский столб рассыпался мелкими искрами по городам и местечкам

Украины. Возникают новые центры хасидизма, как Макаров, Турийск, Сквиря, Тальное⁴ и другие, далеко уступающие старым центрам как по внешнему блеску, так и по внутренней своей силе.

Упадок хасидизма усугубил распри и несогласия, возникающие между цади́ками из-за первенства (магидус) в той или другой еврейской общине, из-за хасидов, перебежавших из одного лагеря в другой, из-за признания одним цади́ком раввина, не удостоившегося подобной милости в глазах цади́ка-конкурента.

Нередко соперничали между собою и родные братья-наследники. Соперничество такого рода велось иногда и при жизни цади́ка-отца, правда, в скрытом виде. Каждый из сыновей усердно старался завербовать себе в общей толпе отцовских хасидов побольше приверженцев. Один привлекал к себе приверженцев молитвенным экстазом, другой — суровостью нравов и моральной выдержкой, третий — светской мудростью и тонким пониманием мелкобуржуазной еврейской повседневной жизни.

Такая внутренняя группировка не могла существовать открыто и легально при жизни старика отца, ибо он подавлял своим авторитетом всякое деление и размежевание в своей пастве. Зато после его смерти все это выплывало наружу.

Отношение старцев, бывших «отцовских» хасидов, к молодым наследникам было почти всегда надменным и насмешливым. Зато молодые хасиды еще теснее и душевнее замыкали свои ряды вокруг персоны молодого цади́ка. Он их лучше понимал, и они его глубже воспринимали. Юный цади́к, правда, уступает старому в набожности и отшельничестве, зато превосходит его в детальном знании жизни своих хасидов и умении привлекать к себе молодых и богатых юношей.

На рубеже XIX и XX вв. — время моего детства — хасидизм играл еще довольно видную роль в глухих местечках Волыни. В мое родное местечко приезжали ежегодно наследники макаровского цади́ка реб Якова Ицхока, в свое время пользовавшегося большим почетом и влиянием среди евреев Волынской и Киевской губерний. На праздники, в особенности на рош-гашоно и иом-кипур, съезжались к нему тысячи хасидов в его резиденцию м. Макарово (Киевск. губ.), где он вместе со своими тремя сыновьями вел богатую и широкую жизнь. К нему обращались за советами не только в религи-

озно-хасидских вопросах, но и в мирских и торговых делах. Зятя, готовившиеся стать самостоятельными к концу срока дарового содержания в доме тестя, ездили к нему советоваться, за какое дело им взяться; стороны по спорным торговым делам прибегали к его мудрым советам и беспрекословно ему подчинялись; при выборе жениха или невесты ему принадлежало последнее решающее слово.

Я его лично не знал. При его жизни существовал правительственный запрет для цадииков лично посещать своих хасидов, так что только его габай⁵ являлся к нам ежегодно собирать дань (магидус) среди его приверженцев. Свободным передвижением могли пользоваться лишь его наследники, из которых самый старший — реб Мойше Мордхеле — почему-то захватил магидус в нашем местечке Барановке.

А в глухих местечках Вольни, забытых богом и людьми, царила тогда кошмарная тишина — тишина, предвещающая всегда неминуемую бурю. Наши отцы, вечно хмурые и сердитые, сами не зная, за что и на кого, торговали, молились, читали Зогар⁶, Мишнаиос⁷, а иногда в длинные зимние вечера и «страницу Гемары»⁸. А нам, 10—15-летним юнца, которым не хотелось, страшно не хотелось быть хмурыми и сердитыми, приходилось все-таки сидеть день и ночь в «клойзе»⁹ и учиться и «читать» без конца. Иешиботов¹⁰ на Вольни почти не водилось. В каждом местечке была специальная синагога (бес-медрош), хорошо отапливаемая и освещаемая, где собирались местечковые юнца «ламдунизм»¹¹ и проводили дни и ночи над фолиантами Талмуда. Из родного местечка редко кто выезжал. За лесом, зеленеющим на горизонте, для нас ничего не существовало. Где-то есть моря, большие города, люди, жизнь, должно быть, отличающаяся от нашей, но там все временно, призрачно, непрочно, ибо все это ведь находится не у нас, а мы находимся не там.

Самое интенсивное учение шло обыкновенно зимой; при летнем солнечном свете не так углубляешься в бездонные пропасти Талмуда, как при тусклой свечке, стоящей пред тобой задумчиво и уныло. Тридцать—сорок человек, тридцать—сорок свечек рассыпаны по просторному бес-медрошу, и каждый читает своим собственным мотивом и особой манерой. Подражаний в этом смысле не бывает. Напротив, каждый старался оттенять себя и не быть поглощенным другими. Кто читал спокойным, ритмическим напевом, кто бурным и неровным

мотивом. Мотивы соответствовали также и содержанию читаемого: Агаду¹² читали не так, как Галаху¹³, Поским¹⁴ не так, как Талмуд.

Правда, за баловство в стенах бес-медроша, за ломку «стендеров»¹⁵, за кражу свечей или за стрельбу свернутыми полотенцами в голову спящего шамеса нас никогда не наказывали всерьез. Делали нам выговоры, и больше ничего. Это было вроде компенсации за наши прилежные занятия. Но нам все-таки было тяжело. Нас угнетала монотонность нашей жизни. Мы всегда жаждали каких-то необыкновенных событий. Не событий из чуждого нам мира, нет! О таковых мы и понятия не имели. Мы жаждали событий в стенах бес-медроша или, иначе говоря, в местечке. Мы всегда, например, радовались пожарам, похоронам, дракам, приезду магидов из далекой Литвы и т.д. Это нас немного развлекало и давало повод на час или на два оторваться от занятий.

Какой же радостью бывала всегда для нас, юнцов, весть о предстоящем приезде к нам на субботу макаровского цадика!

Суббота начиналась в таких случаях с четверга, т.е. с появления первого посланца — габая, грузного, сурового старика, который своей особой предвещал приезд ребе. Субботняя трапеза для ребе устраивалась как раз в нашей синагоге. Тут, конечно, уж нам было не до ученья. Надо же нам участвовать в таком строительстве, таскать доски, рубить, пилить и вообще суетиться и кричать, между тем как прочный и длинный стол уже заполнял собою половину синагоги и нам оставалось только шагать толпой по столу для испробования его силы.

В пятницу с утра начиналось великое и томительное ожидание появления цадика. Все жители местечка толпятся по той улице, по которой он должен приехать, впиваясь жадными глазами в даль, не мчится ли уже обратно верховой гонец, высланный навстречу гостю. Среди ожидающей толпы встречаются нередко малороссы с котомками на плечах, пришедшие пешком из деревни лицезреть еврейского святого раввина. Тут же, на улице, размещается и местечковая капелла со своими инструментами, готовая каждую минуту заиграть встречный «добрыдзень». Все волнуются, все ждут.

И вот гонец летит обратно стрелой. Через несколько минут появляется вдали и колесница цадика,двигающаяся медленно среди приветствующих хасидов. Вдруг раздается бравый

встречный гимн. Все отправляются вслед за каретой в назначенную для цадика и его свиты квартиру.

Свита, находящаяся неотлучно у персоны ребе, состоит из нескольких «габоим» и самых преданных ему хасидов, которым оказывается предпочтение во всех парадных выступлениях цадика. Все его дела проходят через их руки. Они дежурят у дверей его приемной, они являются распорядителями за его столом во время субботних и праздничных и публичных трапез, они составляют и «квитлех»¹⁶ для просящих благословения и т.д. Словом, они верные и преданные служаки, старающиеся всеми средствами поддерживать престиж и блеск «двора» цадика.

Наступает, так сказать, суббота суббот.

В синагоге страшная давка. Из всех синагог приходят сегодня молиться в нашу. Вот в дверях синагоги показывается ребе со своей свитой. Все рвутся навстречу пожать ему руку и вообще лицезреть его. Получается невероятная сумятица. Но верная его стража задерживает натиск, не стесняясь средствами.

Цадики очень любили, чтобы за столом у них пели отроки хасиды. Бывало ставят 12-летнего малыша на стол, и он, держась за руку отца, сначала робко, но потом все смелее и громче заливается каким-то молодецким «нигуном»¹⁷. И как блажен был тот мальчик, которому выпало на долю счастье петь за столом «Мнухо ве симхо»¹⁸, а потом получать в вознаграждение из собственных рук цадика рюмку вина и услышать от него лестную похвалу!..

И на мою долю выпало однажды такое «счастье». Помню, в одну пятницу вечером, после молитвы, когда синагога кишела людьми, я как-то ухитрился протиснуться к амвону, где сидел ребе, и получить его приветственное «каболос шолойм»¹⁹... Ребе меня лично знал. Отец был его ярым приверженцем, а я слыл в нашем местечке неутомимым «масмидом»²⁰... Вдруг, совершенно неожиданно для меня, ребе взял мою руку в свою и сказал:

— А сегодня, сердце, будешь петь за столом.

— Как, ребе,— спрашиваю я в испуге,— я ведь не обладаю голосом и не умею петь.

— Да, да, сердце, сегодня будешь петь за столом,— был ответ.

И мне пришлось-таки петь. Как пел, я уже не помню, но кусок рыбы и рюмку вина, полученные мною в вознаграждение, я отлично помню.

Частые посещения цадиков вносили оживление в экономическую жизнь еврейских местечек, ибо каждый их приезд привлекал множество гостей. Лавочники, ожидая бойкой торговли, заготавливали заранее товары. Более удачные из них пристраивались поставщиками к цадиковскому столу, кто доставлял рыбу, кто мясо, кто — вино. Крестьяне из окружающих деревень знали, что надо привозить в местечко побольше продуктов. Мясники уже за неделю до того рыскали по селам и деревням и искали для двора «жирного скота». Хорошо зарабатывают тогда и «балаголес» (извозчики), которые, несмотря на угрозы донести об их балагольской жадности самому «реббе», дерут с пассажиров хасидов тройные цены за места в своих шарабанах. Почти все дома местечка превращаются на время в гостиницы, где приезжие столуются и ночуют за какие-нибудь 15—20 коп. в сутки. Даже нищие делают хорошие сборы среди приезжих богачей. Все оживает, и все зарабатывают; у каждого в кармане набирается известная сумма денег.

* * *

В 1900 году (приблизительно) состоялось в моем родном местечке венчание дочери макаровского цадика с сыном одного цадика из Польши (Новоминска).

Эта свадьба была большим событием не только для нашего местечка, но и для всего прилегающего района: десятки еврейских местечек готовились к ней; тысячи людей были озабочены свадьбой задолго до нее.

Свадьба состоялась в июле месяце, но у нас в местечке приготовления начались сейчас после Пасхи. Что именно нужно делать — никто не знал. Чувствовали только, что нужно что-то сделать, что так сидеть нельзя, что необходимо готовиться к такому великому событию, на которое съедутся, может быть, сотни цадиков и тысячи хасидов. Начали красить синагогу, дома, убирать мусор, чинить дорогу, строить шалаши для ожидаемых гостей и т.д. Предстоял большой спрос на продукты, и, чтобы завладеть рынком, организовалось товарищество лавочников, которые скупали в ближайших торговых пунктах все необходимые товары, дабы извлечь из необыкновенной свадьбы побольше выгод для своих пустых кар-

манов. Сапожники и портные были завалены работой. Даже старый наш раввин, обращавший на внешний шик не бог весть сколько внимания, тоже заказал себе новую «капоту»²¹ в честь великой «хасуне»²². В синагоге стали меньше заниматься Талмудом, и никакая сила не могла заставить нас, юношей, коптеть над Гемарой по целым дням: там что-то творится, готовится, ожидается, и в такое интересное время чтоб мы сидели по-прежнему запертыми в «клойзе»! О нет, и тысячу раз нет! Этого быть не может! Притом наши отцы были страшно заняты, и им некогда было реагировать на синагогальный бунт. Шамес синагоги, правда, пытался вернуть нас на праведный путь и читал нам страшно ругательные нотации, что, мол, некрасиво, мерзко, безбожно и паскудно шляться по улицам, подобно деревенским парням — «шкоцим», но мы его однажды угостили мокрыми свернутыми полотенцами так сильно, что он больше и пикнуть не смел, только вздыхал и ахал, больше ничего.

А между тем день свадьбы приближался. Осталось только две недели, в местечке — Содом и Гоморра, жизнь кипит, как в котле, все суетятся, бегают, распоряжаются и кричат до хрипоты. В синагогальном переулке страшно гудит труба: это Янкель — «дер клезмер»²³ — сочинил очень сложный и хитроумный свадебный марш на встречу жениха, и вот он в поте лица старается по целым дням «втискивать» свой марш в «гойские» головы своей капеллы, но они его никак не воспринимают. Кажется, уже все хорошо идет, и его «воровские» маленькие глаза уже блестят от близкой победы, но вдруг «Борух-парх» запутался, стал рычать в трубу невпопад, и рычит он, пока его раздутые щеки не спадают от звонкой пощечины Янкеля,— тогда лишь он замолкает, и марш снова начинается. И так без конца.

В центре всей этой сутолоки, в самом цадиковском дворце, идет жаркая работа по устройству огромных шалашей для свадебных пиршеств. В шалашах вокруг громадного стола амфитеатром высятся четыре ряда скамеек один над другим, а на самой верхней скамейке — обширная ложа для оркестров и хора певцов. Там же, во дворе «дворца», происходят маневры «еврейских казаков». Этот обычай соблюдался, кажется, во всех таких свадьбах. Выбирают двадцать—тридцать рослых и крепких евреев, умеющих ездить верхом, одевают их в казацкие мундиры, сшитые по большей части из голубого ситца,

вооружают их длинными наостренными деревянными шестами, головы им убирают красными ермолками, и эта дружина клоунов-казаков верхом на исхудалых лошадаках должна следить за порядком во время хупы и свадебных трапез. Эти еврей-казаки вербуются обыкновенно среди бывших кавалеристов, отслуживших военную службу. Когда «набор» кончается, все призывные в полном порядке должны представиться цадикау, и если он находит их годными на такой ответственный пост, он раздает своим казакам по рюмке водки, также дает благословение, на которое они все разом отвечают «аминь», и с этого момента они считаются настоящими казаками. Таких казаков набралось и в нашем местечке несколько десятков. Лошади были взяты у некоторых крестьян, на помещицкой мельнице и у двух-трех водовозов. Владельцы лошадей получают в благодарность право свободного входа на хупо-вечер, куда вход посторонним крайне затруднителен.

К субботе, что перед свадьбой («фуршпиль»), начался съезд гостей. Уже с пятницы утром стали стягиваться со всех сторон в местечко сотни шарабанов, переполненных мужчинами, женщинами и подростками. Среди них много польских евреев, вызывавших немало смеха и шуток со стороны окружавшей их ватаги мальчишек своими крошечными шапочками и певучим торопливым голосом. Богачи из ближайших местностей приехали со своими собственными выездами, и их кучера возбуждали в нас удивление и зависть. Многие приходили пешком: из-за двадцати—тридцати верст не стоит-де иметь дело с «балагулой», и целые караваны евреев с «талесами»²⁴ и «филлинами»²⁵ под мышкой пускались в путь пешком. Большую сенсацию вызвал неожиданный приезд знаменитого бердичевского кантора Зейделя Ровнера со своим хором. После Ниси Белзера, тоже бердичевского кантора, Зейдель Ровнер считался в то время самым авторитетным кантором на Украине, и его литургические композиции распевались всеми украинскими «хаззанами»²⁶. Бердичев всегда славился своими канторами-самоучками, и первым делом приезжавшего в эту торговую украинскую столицу еврея было пойти послушать знаменитого Ниси или Зейделя Ровнера. И поэтому неудивительно, что его приезд, вдобавок еще со всем своим хором, считался необыкновенным событием. Это был маленький невзрачный старичок с длинными пейсами, одетый в длинную капоту; говорил он еле внятно. На окружавшую его толпу,

присматривавшуюся к нему с величайшим благоговением, он смотрел удивленный и озадаченный: чего, мол, они хотят? что, «хаззана» не видали? Он не знал своего значения и веса, хотя таил в себе гениальные музыкальные способности и огромные возможности в мире гармонии и звуков. Сколько Мейерберов и Мендельсонов завяли в еврейской черте, как одинокие розы в пустыне! Мои земляки помнят, вероятно, слепого юношу-певца, объезжавшего ежегодно наш район (Новоград-Волынский уезд) и дававшего концерты из своих собственных произведений. Сколько надломленных сердец он утешал и успокаивал своими напевами, сколько ярких надежд он зажигал в наших сумрачных душах! Его напевы и песни долго жили потом в закоптелых кузницах, в швейных и сапожных мастерских и в мирном убаюкивании беспокойных еврейских детей. И если без капли росы и без единого луча солнца они, эти дикие гении, так пышно выростали, то как и какими бы они выросли на другой почве и при других условиях?

Наступила предсвадебная суббота. В местечке уже некуда было яблоку упасть, все дома переполнены гостями. Но мы знаем, что это лишь начало съезда, а самое главное еще впереди.

На эту субботу приехали все братья и родственники макаровского цадика в сопровождении большой свиты «габоим» и «хасидим». Для нас это было великолепное зрелище — видеть вкупе столько цадигов, в то время как каждый из них представлял в хасидском мире особый мирок, отличающийся от других и внешним обликом, и внутренним содержанием. В обыкновенное будничное время они редко сходятся вместе; наоборот, они не стесняются — перед своими преданнейшими хасидами, конечно, — отзываться очень нелестно о том или другом конкурирующем цадике. Но достаточно такого торжественного акта, как венчание, похороны и т.п., для того, чтобы цадики сблизились между собою на неделю или на две. Во время такого съезда цадики, конечно, прекращают междоусобные козни и нападки, но хасидские распри еще больше усиливаются: хасиды каждого цадика держатся как-то особливо и на других смотрят косо, брезгливо и даже сердито; нередко даже происходят, при встрече разных групп, легкие, но очень колкие перебранки.

В воскресенье съезд гостей продолжался. Дома переполнены, синагоги кишат людьми. Можно, конечно, ночевать на улице, лето хорошее, жаркое, местечковое болото уже вы-

сохло, и где хочешь — ложись и спи. Многие так и поступили, в особенности хасидская молодежь, которая также отличалась своеобразным задором и смелостью. Нашлось и другое средство: выстроен был целый ряд палаток, похожих на кущи. Каждая палатка вмещала в себя от двадцати до тридцати человек. В этих палатках не только спали, но и устраивались молитвенные «миньоним»²⁷ и веселые выпивки. В этом хасидском стане происходили и междуусобные драки между старыми вражескими лагерями, а потом веселые и шумные примирения.

На следующий день приступлено было к сооружению хупы²⁸. Для того, чтобы хупа могла выдержать натиск народа, водрузили четыре столба на порядочном расстоянии друг от друга и над ними раскинули громадный балдахин из бархата и шелка. Работу эту произвели не обыкновенные плотники, не Андрей и Трохим — наши местечковые мастера, — эту работу сделали хасиды в длинных шелковых капотах и ермолках. Работа, правда, получилась не очень-то прочная, зато было много водки выпито и много пожеланий, очень горячих и искренних, было выражено во время рытья земли. Какой-то старец стоял во время работы и плакал и рыдал от радости: «Мир махен а хупе дем ребе, а хупе дем ребе!»²⁹

А дни стояли светлые и жаркие. Река, протекающая вблизи местечка, была с утра до вечера полна купающихся мужчин и женщин. От давки и тесноты становилось еще жарче, так что хасиды не стеснялись расхаживать по местечку без верхней одежды с взвитыми от ветра длинными лапсердаками, которыми они от времени до времени отирали пот со своего лица. Многие искали тени и прохлады в густой роще за рекой. Там под ветвистыми деревьями отдыхали кучки хасидов, рассказывая и вспоминая чудеса бывлых цадиков, а под вечер, чтоб не просрочить «минхе»³⁰, они собирались вокруг дерева и молились.

Каждый день приносил с собою массу неожиданных новостей. Вчера приехал турийский ребе со своей свитой хасидов, отличающихся замкнутой угрюмостью и необщительностью; сегодня приезжает черныбыльский ребе с хасидами, заметно выделяющимися аристократической выправкой и опрятностью внешнего вида; вчера молился перед амвоном острожский ребе, поражающий всех своим молитвенным пафосом, а сегодня молится миропольский цадик; его дыханья не слышно во вре-

мя молитвы, этим молчанием он все-таки наводит на своих хасидов благоговейный страх.

Местечковые старики, привыкшие к спокойствию и тишине, были даже раздражены столь невероятным скоплением неожиданностей. Слишком шумно и пестро было для них это зрелище: ни спать, ни есть нельзя — жаловались они,— играют, кричат, поют, галдят, спорят,— а эта толкотня в синагоге! один миньон кончает молитву, а другой начинает, и так без конца.

Накануне хупы был устроен макаровским цадиком — отцом невесты — бал для русской «интеллигенции» нашего местечка. Приглашены были помещик, пристав, священник, начальник почты и другие должностные лица. Не знаю, водился ли такой обычай и при других цадиковских дворах, но этот «русский» бал вызвал среди хасидской массы много разговоров и кривотолков. Одни объясняли это просто («мипней даркей шолойм»³¹): мало ли к чему пристав может придрататься — грязь, давка, непрочность построек и т.п. Другие вникали в это «поглубже»: помните, мол, дар Якова, посланный Исаву, и т.п.? Пир удался на славу. Во главе стола восседал сам ребе, который, конечно, ничего не ел и не пил, а гости за столом угощались по закону Моисееву и Израилеву. Тут же присутствовал и Зейдель Ровнер со всем хором, старательно исполнявший перед выпившими гостями «брих-шмей»³², «ув-хейн тейн пахдехо»³³ и другие композиции собственного творчества. Дворцовые ворота охранялись сильным отрядом еврейских казаков, не пускавших внутрь двора абсолютно никого, кроме хасидов-богачей и известных купцов, которых пускали в зал под условием поставить на стол побольше вина.

Настал день хупы. Утром ожидался приезд жениха со всей свитой польских хасидов. Известно было, что вместе с женихом прибудет целый сонм польских цадиков, и поэтому неудивительно, что в местечке не осталось ни одной живой души, которая не вышла бы навстречу великим гостям. Для оркестра была сооружена движущаяся платформа на колесах, на которой разместился весь оркестр с инструментами. Все жители местечка вышли за местечко к первому месту, где должна была произойти встреча волынских и польских цадиков. Среди толпы тянулась длинная вереница карет местных цадиков, окруженная цепью казаков, а за ними тянулись про-

стые деревенские телеги, битком набитые старцами-хасидами, коим тяжело было идти пешком до места встречи.

У моста образовалась страшная давка — смесь карет, телег, мужчин, женщин и детей. Время было уже после утренней молитвы, и на лугу собирались кучки хасидов, которые в ожидании гостей угощали себя водкой и закусками. Сначала нерешительно, а потом все смелее и смелее стали затягивать «нигуним». Один бесцеремонный хасид пришел даже в экстаз и, распоясавшись, протанцевал ловко трепака. Вот одна из групп окружила глубокого старика, тихо, но важно рассказывающего о великой встрече черныбыльского и тальненского цадиков лет пятьдесят тому назад, при которой он сам присутствовал. В другой группе громко смеются над шутками дворцового шута. Но вот макаровский цадик вдруг встал во весь рост в карете и, обведши взором все пространство, кишевшее людьми, обернулся к своим приближенным со словами:

— Знаете что! Когда Мессия придет, тоже будет такая радостная давка!

Старший казак, выехавший за рошу на разведку, издалека затрубил. Значит, они едут.— Едут! Едут! — раздались взволнованные голоса в толпе. Музыканты начинают торопливо настраивать свои музыкальные инструменты, толпа вмиг обступает цадиковские кареты. Наступает серьезный момент — встреча двух династий — воынской и польской. Как она произойдет? Кто первым слезет с кареты? Каково будет первое слово встречи? Эти вопросы горели в тысячах глаз и сердец.

По широко раскинутым зеленым лугам раздался неожиданно бравый встречный марш. Со стороны роши из облака густой пыли выдвинулась длинная вереница запыленных карет. В первой из них сидел глубокий старик в соболевой высокой шапке и возле него худощавый юноша лет 15-ти или 16-ти. Значит, это и есть жених. Воынские цадики вылезли первые из карет и пошли навстречу гостям; те также слезли, и обе группы обменялись молчаливым рукопожатием. Тут жених пересел в карету макаровского цадика, будущего тестя, и все двинулись обратно в местечко, пропуская вперед движущуюся платформу с играющими музыкантами. Приехав в местечко, весь этот караван объехал три раза рынок, находившийся посередине местечка, и гости отправились в назначенные для них квартиры.

Под вечер, когда луна восходит, не дожидаясь еще заката солнца, произошло венчание. Путь от двора до синагоги был оцеплен рядом казаков, а в середине тянулось венчальное шествие, которое должно было поразить местечко своим великолепием и роскошью. Радугой цветов и красок играл и менялся этот калейдоскоп бархата, шелка, серебряных и золотых узоров, бесчисленного множества свечей, величественных ликов цадииков и сонма нежных избалованных женщин. Все великолепие цадииковского двора и даже тончайшие изобретения в области моды и внешнего шика было вынесено напоказ. Сфера «тифэрэт» — красоты — разгоралась на этот раз со всей силой своего блеска, чтобы потом погаснуть надолго.

Перед венчальной церемонией молились «минхо» под открытым небом. Эта молитва справляется перед каждым венчанием, но тут в присутствии многих тысяч молящихся она приняла грандиозные размеры. Молитва недолго продолжалась, и над толпой пронесли аккорды хора и оркестра, исполнивших традиционный «Ми адир»³⁴.

Но вдруг произошло нечто неожиданное и ужасное: вдруг зазвонили в церкви, находившейся как раз против синагоги. Вся толпа окаменела от испуга, даже находившиеся в толпе христиане перекрестились в ужасе. Пение прервалось, и по всей площади воцарилась жуткая тишина. Растерянность продолжалась один миг. Макаровский ребе сделал канторам и музыкантам знак, и те с еще большим рвением и силой возобновили прерванные аккорды, и трезвон прекратился.

Нечего говорить о том, сколько толков вызвало это необыкновенное совпадение. Как потом выяснилось, церковный звонарь со своей стороны тоже готовился к этому венчанию и, чтобы угодить знаменитым раввинам, в надежде получить от них за старание обильное вознаграждение, зазвонил во все колокола.

По окончании хупы всем стало легче и веселее. Обратное шествие уже не отличалось прежней пышностью и великолепием. Толпа смешалась, казаки были смяты и оттиснуты на задний план. От громких поздравлений и веселого шума не слышно было звуков оркестра. Даже цадики стали как-то мягче и доступнее, и в их ряды вкрадывались группки смельчаков хасидов, желавших поймать слово, шутку, намек из уст своих вождей. Медленно, медленно тянулось обратное шествие. Уже

звезды загорелись на небе, и море огоньков снизу, волнуясь и качаясь в полумраке, посылало им ответный светлый привет.

При входе на улицу, где жил ребе, шествие натолкнулось на маленькое препятствие: все водовозы местечка выстроили баррикаду из полных воды бочек — символ полноты счастья — и преградили дорогу. Снялись они только после того, как сам жених роздал каждому водовозу по серебряному рублю. Шествие двинулось дальше.

Хупе-трапеза (венчальный ужин) состоялась поздно ночью в шалаше, выстроенном специально для этой цели. Тут уж и казаки не помогли. Им удалось только на короткое время задержать натиск народа. Людские волны все сильнее и сильнее напирала на ворота шалаша, пока те не сорвались с петель вместе с казаками, и вся толпа ворвалась внутрь шалаша. Никакие силы не могли удержать хасидов снаружи в то время, когда внутри весь свадебный стол окружен только одними цадиками. Все заранее знали, что в эту ночь Алтер Чудновер исполнит один на своей скрипке собственную композицию «Изкойр»³⁵, все знали, что жених произнесет, вероятно, блестящую речь — «дрошу»³⁶, а раз это было известно всем, то нет преград и нет препятствий для хасидов.

Вокруг громадного стола восседали польские и волынские цадики, а за их спинами на ярусах толпились массы хасидов, следившие с крайним упорством за малейшими их движениями: как они едят, как пьют, кто что говорит, как они обращаются друг с другом. Все глаза были вперены в них, все руки тянулись к ним, все сердца бились только в унисон с ними, и свет и радость росли в отуманенных глазах хасидов до иступления, до сумасшествия.

После рыбного блюда выступил Алтер Чудновер и стал настраивать скрипку. Вдруг все замолкло. И свечи, и цадики, и хасиды, как призрачные тени, собравшиеся где-то далеко от людей в полуночный час, слушали непонятную, но чувствуемую музыку, молитву, исповедь печального чародея. Но вот раздался последний аккорд — и дивная поэма закончилась.

После «дрошы», произнесенной женихом, поднявшимся на стол, продолжавшейся довольно долго, а затем после «дрошогешанк»³⁷ начали готовиться к так называемому «шабестанц»³⁸. Танец начался в шалаше, откуда были убраны все столы и скамейки. Наверху вился вихрь радостных и необузданных аккордов, а внизу тихо, в такт двигались и кружились

величественные фигуры цадиков, в центре же круга стояла невеста с платочком в руке. Толпа еще не участвует, но все с пылающими глазами глядят на необыкновенный танец, с громадными усилиями сдерживая в себе желание сорваться с места и слиться с группой танцующих. Но вот толпа не выдержала. Вначале по одиночке, а потом целыми группами стали примыкать хасиды к танцующим. Шалаш стал тесным, пришлось танцевать на месте, и поток вертевшихся в восторге людей вылился на улицу, увлекая за собой и оркестр. Там, на улице, хасиды сгруппировались вокруг своих вождей, и танец продолжался, так что через несколько минут все местечко представляло собой танцующие круги, каждый из которых вертелся и пел по-своему, не зная усталости и не делая перерыва. Сами цадиким уже не танцевали, они только стояли неподвижно, каждый среди своих, и пристально глядели на танцующих, и этот взор огненным током прорывался через сердца, ускорял движения и наполнял огнем бешеного экстаза.

...На небе уже звезды стали тускнеть; из деревни неслось пение петухов, а танец все еще не прекращался. В некоторых группах уже устали петь, и танец продолжался молча. Все кругом молчит. Небо, и заря, и настезь открытые дома смотрят удивленно на страшный предутренний немой танец — танец без конца.

...Семь дней продолжалась эта свадьба. Каждый день новые события и новые впечатления. Тысячи «нигуним» были созданы за это короткое время, множество сказаний и легенд давно минувших дней воскресли за эти дни в устах хасидов. Старики вспоминали былые дни, дни турийского магида, реб Довидл Тальнер и др., — они, мол, видали больше и импозантнее этого. «Вы меньше нас, — говорили они нам, — и ваши ребе меньше наших, и ваше веселье мельче нашего»...

Они остались не удовлетворенными этим венчанием, но для нас, подрастающего поколения, пережитая неделя была достаточно памятной и достаточно величавой.

¹ Цадик (праведник) — духовный вождь хасидской общины, в глазах хасидов обладающий пророческим даром, связующее звено между Б-гом и миром. Существуют многочисленные династии цадиков.

² Хасидизм — религиозно-мистическое народное движение, основанное Исраэлем бен Элизером Баал Шем Товом (БЕШТ) во второй четверти XVIII в.

- ³ Реб Мотеле Чернобыльский — цадик, живший в конце XVIII в. — первой половине XIX в., преемник родоначальника чернобыльской династии цадиков.
- ⁴ Макаров — ныне поселок городского типа в Киевской обл.; Турийск — поселок городского типа в Волынской обл.; Сквиря — город в Киевской обл.; Тальное — город в Черкасской обл.
- ⁵ Габбай — староста синагоги.
- ⁶ Зогар (Сияние) — основной письменный памятник кабалистического учения, написанный в форме толкования Пятикнижия.
- ⁷ Мишнаиос — отдельные параграфы трактатов Мишны — свода мнений, составленного законоучителями со II в. до н.э до II в. н.э. Основополагающая часть Талмуда.
- ⁸ Гемара — толкования Мишны, составленные законоучителями (амораями).
- ⁹ Клойз — здесь: молельный дом у хасидов.
- ¹⁰ Иешибот — высшая талмудическая школа.
- ¹¹ Ламдуним — знатоки Талмуда.
- ¹² Агада — часть Талмуда, содержащая поучения и афоризмы, исторические предания и легенды.
- ¹³ Галаха — законодательная часть Талмуда, регламентирующая нормы поведения.
- ¹⁴ Поским — раввинские авторитеты.
- ¹⁵ Стендер — кафедра, за которой стоит хазан (кантор) во время богослужения.
- ¹⁶ Квитлех — записка, составленная ребе во исполнение просьб молящихся.
- ¹⁷ Нигтун — особый распев, принятый в хасидской традиции; песня без слов.
- ¹⁸ «Мнухо ве симхо» — «Покой и радость» — одно из песнопений, исполняемое вечером во время субботней трапезы.
- ¹⁹ «Кабойлес шолойм» — приветствие.
- ²⁰ Масмид — человек, усердно занимающийся Торой и Талмудом и проводящий все время в «доме учения».
- ²¹ Капоте — верхняя одежда.
- ²² Хасуне — свадьба.
- ²³ Клезмер — музыкант.
- ²⁴ Талес — верхнее молитвенное облачение.
- ²⁵ Тфиллин — кожаные коробочки с отрывками из книг Брейшит и Шмот, которые накладываются совершеннолетними евреями на левую руку и на голову во время утренней молитвы в будни.
- ²⁶ Хаззан — лицо, ведущее б-гослужение, кантор.
- ²⁷ Миньян — кворум — 10 взрослых мужчин, — необходимый для совершения общественного б-гослужения и ряда религиозных церемоний.
- ²⁸ Хупа — свадебный балдахин, празднество.
- ²⁹ «Мир махен а хупе дем ребе, а хупе дем ребе!» — «Мы строим хупу для ребе!» (идиш).
- ³⁰ Минха — послеполуденная (предвечерняя) молитва.
- ³¹ «Мипней даркей шолойм» — «Ради мира и спокойствия» (иврит).
- ³² «Брих-шмей» — «Благословенно Имя» — начало молитвы.
- ³³ «Увхейн тейн пахдехо» — «Итак, пошли страх Твой» (иврит) — начало молитвы, читаемой на Песах.
- ³⁴ «Ми адир» — религиозный гимн.
- ³⁵ Изкойр — поминальная молитва.
- ³⁶ Дроша — проповедь, толкование библейского текста.
- ³⁷ Дрошо-гешанк — подарок, вручаемый жениху после произнесения им богословской речи во время свадьбы.
- ³⁸ Шабес-танц — субботний танец.

ПИСЬМА

ПОЧТИ СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

(О нескольких пачках неопубликованных писем Шолом-Алейхема)

Старая, закоренелая привычка — вспоминать об исторических личностях накануне какой-либо даты, связанной с их жизнью и деятельностью. Так было и на сей раз, когда приближалось 75-летие со дня смерти выдающегося еврейского писателя Шолом-Алейхема (Ш. Н. Рабиновича). Я опять начал рыться в своих записных книжках и тетрадях, которые я храню на протяжении многих лет: может, остались там записи, имеющие отношение к биографии и творчеству Шолом-Алейхема, не увидевшие света, но достойные обнаружения?

И сразу же наткнулся на записку: «В Ленинградском Институте русской литературы, именуемом Пушкинским Домом, хранятся 256 писем в оригинале, которые Шолом-Алейхем писал к своему переводчику Ю. Пинусу, к племяннице Наташе Мазор, к старшему сыну Мише и к другим адресатам в 1886—1915 гг.». Этой записи уже было немало лет, и сделана она была мимоходом, когда я работал в Пушкинском Доме, интересуясь совсем другой темой. Теперь же она вдруг вспыхнула особым светом, и я уже знал, что не успокоюсь, пока не доберусь до этого сокровища: шутка ли сказать — 256 писем великого писателя, которые лежат среди множества раритетов славного Пушкинского Дома, и я их никогда не видел, не держал в руках, не прикоснулся к ним, не полистал пожелтевшие (а может, еще не пожелтевшие) листки!

Я, конечно, не был столь наивным, чтобы подумать, что никто из еврейских литературоведов не поинтересовался раньше этим кладом, не пытался разобраться в нем. И когда заведующая читальным залом Отдела рукописей положила на мой стол первые затребованные мной папки, я узнал, что в начале 60-х гг. занимался этими письмами харьковский литературовед Ойзер Гольдес и почти в это же время их листал

московский историк еврейской литературы Израиль Серебряный. Первый опубликовал в журнале «Советиш геймланд» (№ 2 за 1964 г.) статью «Пачка писем Шолом-Алейхема (переписка между Шолом-Алейхемом и Ю. Пинусом о переводах произведений Шолом-Алейхема на русский язык)», а второй напечатал в № 10 того же журнала за 1966 г. работу «О письмах Шолом-Алейхема к Ю. Пинусу». В обеих статьях говорилось о письмах, хранящихся в Пушкинском Доме.

Почему в Пушкинском Доме, занимающемся историей русской, а не еврейской литературы? Такой вопрос может естественно возникнуть, но следует сразу заметить, что на бывшей территории СССР нет такого научного учреждения, которое занималось бы историей еврейской литературы, с тех пор как прекратили свое существование два подобных учреждения — в Минске, при Академии наук Белоруссии, и в Киеве, при Академии наук Украины (оба эти института действовали с середины 20-х до конца 30-х гг.).

Как же все-таки попали письма Шолом-Алейхема в Пушкинский Дом? Оказывается, это чуть ли не детективная история.

Первым, кто описал и прокомментировал письма Шолом-Алейхема к Ю. Пинусу, был известный историк еврейской литературы Макс Эрик (Залман Меркин). В конце 20-х гг., когда он переехал из Вильно в Минск и стал работать в Институте еврейской культуры при Белорусской Академии наук, переводчик как раз передал эти письма Институту. И М. Эрик рассказал о них в своей работе «Шолом-Алейхем и его переводчик», опубликованной в научном издании этого Института «Цайтшрифт», № 5 за 1931 г. Подготовить письма к печати он не успел. В 1936 г., когда он уже жил в Киеве и работал в Институте еврейской культуры при Академии наук Украины, его репрессировали, и вскоре он погиб. Коллекция писем Шолом-Алейхема к Пинусу попала в руки другого высококвалифицированного литературоведа — Арона Гурштейна, и под его руководством его младший коллега И. Серебряный, работавший в Институте еврейской культуры в Минске, уже перевел было эти письма на идиш, снабдив соответствующим научным аппаратом. Однако публикация не состоялась.

Казалось бы, что коллекция писем Шолом-Алейхема к Ю. Пинусу повисла в воздухе, ибо Институт еврейской культуры

в Минске был ликвидирован накануне второй мировой войны и до сих пор никому не известно, куда попали собранные им в течение многих лет культурные ценности. К судьбе же коллекции писем, о которой идет речь, время разрушительных бурь было милосердно: она перекочевала в Москву, в Институт мировой литературы им. А. М. Горького, где на каждом письме был поставлен соответствующий штампик. И это надо считать большим счастьем, ибо если бы письма остались в Минске, их ожидала бы такая же судьба, какую, например, имел весь архив Еврейского литературного музея в Одессе, который сожрал немилосердный огонь в первые дни войны, когда на этот город посыпался град фашистских бомб...

Надзор над бесценной коллекцией взял на себя уже упомянутый Арон Гурштейн, который собирался готовить их к публикации в одном из томов Полного собрания сочинений Шолом-Алейхема. Но привести ее в порядок 46-летний московский литературовед тоже не успел: в июле 1941 г. он ушел в Московское ополчение и вскоре погиб в бою с немцами. Вместе с А. Гурштейном погибло и намерение выпустить один или два тома писем Шолом-Алейхема. В фонде Гурштейна (№ 2270), хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), мы наткнулись на протокол заседания Всесоюзного юбилейного комитета по празднованию 80-летия со дня рождения Шолом-Алейхема под председательством А. А. Фадеева от 11 ноября 1938 г. Среди прочих мероприятий числится и такое: «Просить Институт мировой литературы им. Горького издать в 1939 году научный сборник писем Шолом-Алейхема, находящихся в распоряжении Института» (ЦГАЛИ, ф. 2270, д. № 229, с. 12).

Это издание не было осуществлено, но письма Шолом-Алейхема продолжали храниться в том же Институте мировой литературы.

В 1948 г. издательство «Дер эмес» предприняло новое, двадцатитомное издание произведений Шолом-Алейхема, из которых последние два тома должны были быть отданы письмам Шолом-Алейхема. Над подготовкой этих двух томов работал известный московский литературный критик профессор Иехезкель Добрушин. Однако издательство успело выпустить лишь первые три тома — оно было закрыто, И. Добрушина репрессировали, и он погиб в одном из северных лагерей в 1950 г. Как долго лежали письма Шолом-Алейхема к его пе-

реводчику Ю. Пинусу в Институте мировой литературы, неизвестно, да это и не столь важно. Но когда уже упомянутый И. Серебряный собирался в начале 60-х гг. вновь к ним обратиться, он уже должен был ехать в Ленинград, в Институт русской литературы, то есть в Пушкинский Дом, куда они перекочевали. В результате появилась его публикация в № 10 журнала «Советиш геймланд» за 1966 г.

Дело, выходит, сделано, письма Ю. Пинусу обнародованы, зачем же вновь обращаться к ним? Но оказывается, что оба исследователя — И. Серебряный и О. Гольдес — из упомянутых писем использовали лишь 27. Может быть, остальные 96 писем менее ценные и можно без них обойтись? Отнюдь не так! Ибо давно уже известно, что «малоценных» писем Шолом-Алейхем не писал и в эпистолярном жанре он не имел равных себе. И в этом мы убеждаемся, листая даже ту малую часть его эпистолярного наследия, которая хранится в Пушкинском Доме. Пожалуй, давно уже пора собрать все его письма, разбросанные по многочисленным изданиям, и издать их в одном или даже нескольких томах!

Впрочем, речь теперь идет не только об упомянутых неопубликованных письмах великого писателя к его переводчику. Нас сейчас интересуют совсем другие коллекции писем Шолом-Алейхема, находящихся в том же Пушкинском Доме, — 33 письма, которые Шолом-Алейхем писал к своему старшему сыну Мише, и 78 писем, написанных к племяннице Наташе, — писем, которые охватывают период с 1886 г. до 1915 г., то есть период его интенсивной творческой деятельности.

Нельзя сказать, что наши литературоведы не обращали внимания на это сокровище. Еще в киевском литературно-художественном журнале «Советише литератур», № 3—4 за 1939 г., тогдашний заведующий сектором рукописей при Институте мировой литературы С. Л. Симовский опубликовал семь писем Шолом-Алейхема к племяннице Наташе Мазор и одно к сыну Мише. Те же письма были повторены в альманахе советских писателей, который Укрнацмениздат издал в том же году. 15-й том «Избранных произведений» Шолом-Алейхема (М., изд-во «Дер эмес», 1941) включил из этих писем семь к Н.Е.Мазор и два к сыну Мише. Таким образом, из свыше ста писем, о которых идет речь, лишь девять дошли до читателя — весьма незначительное число, если иметь в виду, что большинство из них представляет из себя источник

важных эпизодов из жизни и творчества писателя — даже таких, которые нельзя почерпнуть из известной «Книги Шолом-Алейхема» («Шолом-Алейхем-бух»), изданной в 1926 г. зятем писателя И.-Д.Берковичем на основе богатейшего семейного архива.

Может, не столь важно, почему вышеупомянутые письма, на которых стоит штемпель Института мировой литературы, вдруг «перебазировались» в ленинградский Пушкинский Дом. Можно здесь строить разные предположения. Во всяком случае, доподлинно известно, что Н.Е.Мазор, жившая до войны в Киеве, действительно передала письма Шолом-Алейхема к ней и к Мише Рабиновичу в Институт мировой литературы. Может, это было в 1936 г., когда вдова Шолом-Алейхема Ольга Рабинович приезжала из Нью-Йорка в гости в Советский Союз и посетила в Киеве свою племянницу (девичья фамилия Н.Е.Мазор была, как и Ольги Рабинович, Лоева).

Так или иначе, но вот лежит перед нами целый пласт, который раскрывает множество подробностей жизни и творчества Шолом-Алейхема, и пришло, по-видимому, время обнародовать эти подробности. Что мы и делаем. Тем более, что представляется здесь возможность одновременно исправить отдельные неточности, которые были допущены в предыдущих публикациях.

«Он был чист, как хрусталь»

У Шолом-Алейхема было шестеро детей: четыре дочери — Эрнестина (Тися, или Хая-Эстер) 1884 г. рождения, Сарра (Ляля) 1887 г. рождения, Неми (Эмма) 1888 г. рождения и Марьям (Муся), рожденная в 1893 г., и двое сыновей — Миша (Элимелех), родившийся в 1889 г., и Нахум (Нума) 1901 г. рождения.

Покуда дети росли, они жили вместе с семьей, особенно когда у нее было постоянно местожительство. Последним (а может, и первым) городом, где обитала вместе вся семья, был Киев. Здесь дети учились, большинство закончили гимназию, отсюда они уходили в большой мир, начинали самостоятельную жизнь. Постоянным местожительством Шолом-Алейхема в Киеве было с 1894 до конца 1905 г., когда погром заставил его покинуть город. С тех пор начинаются его скитания — в Америку, оттуда — обратно в Европу, затем лечение в Италии, Швейцарии, Германии. В полном составе семья собралась последний раз, по-видимому, в Лемберге (Львове) в 1906 г. (прибавился тогда муж Эрнестины — И.-Д.Беркович).

В Киеве же Шолом-Алейхем оставил в качестве «залога» старшего сына Мишу, который обучался в гимназии и нельзя было оторвать его от учебы. Жил Миша у племянницы Шолом-Алейхема (со стороны его жены Ольги) Наташи (Наталии Евсеевны) и ее мужа Моисея Савельевича Мазора, адвоката, присяжного поверенного, у которых было трое детей. Таким образом, Шолом-

Алейхема связывал, помимо непосредственного родства, с Мазорами старший сын, проживавший у них и зачисленный членом семьи. Вполне понятно, что Шолом-Алейхем, как и его жена Ольга, очень переживал расставание с сыном, писал частые письма, расспрашивал, как Мише живется, как он учится, чем заполняет свободное время. Об этом говорится прежде всего в письмах Шолом-Алейхема к сыну, как и, как увидим далее, в письмах к Мазорам.

Издали отец не спускает глаз с сына, озабочен его воспитанием. При этом он старается быть неназойливым, советы дает как бы между прочим, походя, как опытный педагог, хорошо знающий детскую психологию. В письме к детям пишет он 22 августа 1899 г. из Харькова: «Дорогая, милая Тися! Я очень обижен за небрежность и краткость твоего письма! Няня, передай привет Эмме. Эмма, приветствуй Мишу. Миша, поцелуй Мусю и, прошу тебя, не дерись с ней. Мне приснилось, что ты вроде ударил ее и поставил фонарь. Конечно, это вранье, ибо кто это верит снам? Все же такое может случиться и наяву между некими мальчиками и девочками. Я это говорю просто так, между прочим...». (Цит. по «Книге Шолом-Алейхема», с. 57).

Из Нью-Йорка Шолом-Алейхем спрашивает, что слышно у Миши, который должен экзаменоваться в гимназию, а когда сын выдерживает экзамены и становится гимназистом, отец следит за его делами и требует, чтобы Миша каждый раз извещал его, как идет учеба. Об этом свидетельствуют письма, находящиеся в Пушкинском Доме. Мише уже идет восемнадцатый год, и уже можно с ним говорить как со взрослым человеком и даже поручать серьезные дела.

Нерви, 3 декабря 1908 г.

Дорогой Мишель!

Вот за это хвалю, что пишешь, во-1-х, четко, во-2-х, часто и в-3-х, толково, обо всем. В особенности же я хвалю тебя за четкость. Писать неразборчиво, с руки, есть признак невнимания, желания скорей избавиться от неприятной обязанности.— Поправляюсь я не по дням, а по часам. За последнюю неделю мне прибыло 1½ кило — 3¼ ф. Если так пойдет дальше, получится следующая диаграмма: 1½*50=75+мой первоначальный вес 58 кило={33 килогр.=340 фунт= 8½ пудов. С таким весом можно поехать в Америку показываться пред почт. публикой и сделать куда лучшие дела, нежели литературой. Приготовил даже объявление в духе американцев:

Шолом-Алейхем! Небывалое чудо! Шолом-Алейхем!

Самый большой юморист!

Весит 133 килограмма!

Приходите! Убедитесь!

Передайте друзьям и знакомым!

Ждем дальнейших твоих писем, все более и более разборчивых и красивых (в смысле почерка). Целуем тебя.

Твой папа.

Наташе прошу показать письмо. Ей особенный поклон. Скоро напишу ей. Привет М[oiseю] С[авельевичу]... Сыркину Н.С.¹ пишу особо.

Еще за месяц до того, в конце октября 1908 г., Шолом-Алейхем, который находился на лечении в Нерви (Италия), чувствовал себя очень слабо. Широко отмечался 25-летний юбилей его литературной деятельности, но он не мог присутствовать на торжествах. В конце ноября — начале декабря 1908 г. он почувствовал себя лучше, и к нему возвратилось обычное настроение. В таком вот настроении он и написал вышеприведенное письмо к своему старшему сыну, находившемуся в Киеве и учившемуся в гимназии. Шутка с весом, который прибавляется ему, Шолом-Алейхему так понравилась, что он захотел ее повторить в письме к своим друзьям в Одессе — Менделе Мойхер-Сфориму (Ш.Я.Абрамовичу), Левинскому, Бядику и Равницкому. Три дня спустя он им пишет:

Не день ото дня, а час от часу я чувствую себя все лучше и лучше. За те несколько недель, что я здесь, в благословенном городе Нерви, я прибавил почти четыре кило, то есть десять фунтов. Десять фунтов мяса. Скажите «не сглазить бы», сплюньте три раза и покажите мне за глаза кукиш...

Как человек практичный, который когда-то, не про сегодня будь сказано, делал дела, я подсчитал, что если так пойдет дальше, то мне не останется желать ничего лучшего. Расчет как на ладони: десять—пятнадцать фунтов в месяц, вот вам и сто восемьдесят фунтов в год. Фунтов сто пятьдесят я весил раньше, значит, мы имеем на круг триста тридцать фунтов, или восемь пудов и десять фунтов. С таким весом мне уже незачем писать или выступать с публичными чтениями, достаточно показываться перед публикой! Это намного легче, чем писать или выступать. Да и публике тоже интереснее посмотреть на крупного писателя, чем слушать его. Что же касается Америки, то там можно золото загребать. Я уже рекламу придумал:

Чудо чудес!

!Приходите! валите толпами! смотрите! любуйтесь!

Самый крупный юморист в мире!

!Весит триста тридцать фунтов!

— Шолом-Алейхем! —

... Вход один доллар ...

Спешите! Передайте друзьям!

Теперь давайте прикинем, сколько можно на этом заработать. Предположим, что во всем мире десять миллионов

евреев. Не будем обольщаться. Допустим, что лишь один из ста захочет посмотреть на крупного юмориста, и то вы имеете сто тысяч долларов...

(Цит. по т. 15 «Избранных произведений» Шолом-Алейхема, М., изд-во «Дер эмес», 1941. С. 192—193).

Нерви, Вилла «Бриано», 8 декабря 1908

Дорогой Миша!

Заниматься переводами достаточно сложное дело. Тем не менее нельзя знать заранее, кто хорошо и кто плохо переведет. Многое зависит от таланта, но еще больше — от опыта, навыка, и, по моему мнению, все зависит от желания. Даже то, что люди видят во мне талантливого, я называю исключительно желанием, настойчивым желанием. Переводчик, кроме того что он знает и понимает оба языка, должен сильно желать хорошо переводить. А чтобы желать, требуются усилия. Прежде всего, надо вдуматься в оригинал. После того как перевод уже сделан, нужно тщательно проконтролировать каждую фразу: говорят ли так, пишут ли так по-русски. Каждый язык имеет свои идиомы, которых сразу не перевести. Надо искать соответствующие эквиваленты. Примеров имеются тысячи. Я приведу тебе по меньшей мере один.

По-еврейски: От спешки ничего хорошего не получается.

פון איילעניש קומט קיין גוטס ניט ארויס

По-русски: Тихе едешь — дальше будешь.

Или еще пример.

По-еврейски: Вот ты и имеешь! אט האסטו דיר

По-русски: Вот тебе на!

И еще. По-еврейски: Ну и сбегал бы же по порученьцу!

פאטג מיך א גאנג

По-русски: Попал пальцем в небо.

По-еврейски: И не начинается! עס הייבט זיך גאר ניט אן

По-русски: Ничуть не бывало!

При встрече с трудными идиомами я всегда готов тебе помочь. Начинай! Мы еще не раз будем беседовать об искусстве перевода. Меня это будет радовать не только с точки зрения заработка, но и по многим другим мотивам. На днях пришлю тебе кое-что для дебюта. Целую тебя.

Папа.

P.S. Прежде всего ставлю условие: всегда, даже в черновиках, писать четко и ясно. Эта ясность сообщается и мысли. Пойми это.

Это письмо примечательно тем, что писатель формулирует здесь свое отношение к вопросу об искусстве перевода. Шолом-Алейхем знает, что сыну, который пока еще учится в гимназии, рановато заниматься таким сложным делом. Но как чувствительный отец и замечательный психолог он понимает, что нельзя отбить охоту сына заниматься задуманным, и он относится к желанию сына со всей серьезностью, словно он говорит с профессионалом

Нерви, 27 ноября (10 декабря) 1908

Дорогой Мишель!

Вот тебе детский, так сказать, Рождественский рассказ — «Орешки». Пусть это будет твоим дебютом. Сперва прочти его раз. Потом 2-й раз. Потом спроси знающего по-еврейски всякое слово, которое тебе не вполне понятно, и запиши себе в книжку с пометкой страницы и строки в оригинале. Затем купи себе тетрадь из хорошей бумаги и хорошее перо. Писать на одной лишь стороне. С обеих сторон поля. Писать очень четко. Потом прочтешь перевод себе и еще кому-нибудь, исправишь все шероховатости и перепишешь начисто уже в особую тетрадь особенно четко и красиво, крупным шрифтом, иначе редакция отбросит тетрадь. Некоторые редакции даже отказываются принимать рукописи, если не на Ремингтоне². Некоторые слова я перевел в оригинале. Переводить надо не все сразу зараз, а 2—3 странички в день. До Рождества поспеешь. Гимназией манкировать из-за переводов не надо. В больших затруднениях тебе мог бы помочь Моисей Савельевич. Я разумею отдельные слова или выражения. Вот, например, на странице 4-ой в строке 26-ой: אַפּשפּרעכען³.

Итак, в добрый час.

גוט אויג

Твой Па.

Поместить же рассказ и гонорар получить тебе поможет М.С.Сыркин, которому я кланяюсь сердечно.

В нашем распоряжении нет тех писем, которые сын писал отцу. По всей вероятности, такие письма имеются (может быть, они сохранились в архиве Шолом-Алейхема, который находится, вероятно, вместе с другими материалами у его наследников), ибо из писем Шолом-Алейхема к сыну видно, что корреспонденция между ними была оживленной и диалог происходит в основном вокруг переводческих проб Миши. От отца он получает довольно кон-

кретные указания — как о данном тексте, так и относительно технической стороны. Шолом-Алейхем учит сына быть аккуратным во всех отношениях — точно так же, как он сам относится к делу.

Миша неглото, очевидно, знал идиш и совершенствовал свои знания с помощью отца. Определенное значение имело то, что он жил в семье Мазоров и имел возможность получать необходимые консультации у Моисея Савельевича. Кроме того, частым завсегдатаем у Мазоров был еврейский писатель и лингвист Н.Сыркин, друг Шолом-Алейхема, житель Киева. Дело, очевидно, зашло так далеко, что уже возник разговор о получении гонорара за перевод.

Нерви, 5 (18) декабря 1908

Дорогой Мишель!

Долго искала мама бумаги для того, чтобы написать тебе письмо, и наконец вырвала у Нумочки из зубов, а поэтому бумажка несколько обгрызана. Затем, мазлтов тебе по случаю Лялиной телеграммы, если это свадьба; а если же это так себе, то отошлем им мазлтов обратно — заказным. А каковы дела по переводам? Не отчаивайся. Со временем пойдет хорошо, если захочешь, конечно. А затем целую тебя на обгрызанном лоскутке бумаги.

Твой Па.

Это маленькое письмецо нуждается в объяснении. Обыгрывание «обгрызанной» бумажки, которую будто бы вырвали из Нумочкиных зубов (Нуме, младшему сыну Шолом-Алейхема, было тогда неполных семь лет, и находился он вместе с родителями в Нерви), было на самом деле не больше чем игра, ибо у Шолом-Алейхема всегда было под рукой немало бумаги, тем более чтоб написать письмецо. В нем просто проснулся шалун, когда речь зашла о детской забаве. Что же касается «обгрызанной» бумажки, то она и находится в коллекции писем, о которой мы говорим.

Более подробно надо сказать об упомянутой в письме телеграмме. Вторая дочь Шолом-Алейхема Ляля (Сарра) собиралась выходить замуж за Михаила Кауфмана и сообщила об этом киевским родственникам. Пока что было еще рано ее приветствовать, ибо свадьба состоялась лишь год спустя. Поэтому Шолом-Алейхем замечает: «...если это свадьба...»

Нерви, 30 декабря 1908 (12 января 1909)

Дорогой Мишель!

Ты, стало быть, «распущен» и потому свободен. Хотя я должен тебе заметить, мне было бы приятно слышать, что ты это распусское время занимаешься делами класса. Необходимо тебе перейти в следующий класс с четверками. Изменилось теперь многое в жизни. Пора и *этому* измениться. Что же касается до переводов, то я повторяю уже сказанное:

буду очень рад, но с условием, если это не пойдет в ущерб гимназическим занятиям. И мы, и ты, и другие приносят твоей гимназии столько жертв, что пренебречь ею было бы более чем грешно. Между нами же и Наташей и Мазорами установились теперь такие отношения, что стеснять тебя твое у них пребывание не должно. И если я обрадовался твоим литературным попыткам, то вовсе не из грошей, которые Бог весть будут ли еще, а из-за того, что *пустое место* будет наполняться. Ясно, что на первой очереди занятия гимназические, а потом уже литература и отдых. Для переводов необходимо еще много читать по-еврейски. Я постараюсь достать тебе все изданные теперь в Варшаве из моих. Не мешает тебе познакомиться со всем этим хламом, поглотившим 25 лет моей жизни. Большой спрос теперь именно на этот хлам со стороны *русской* издательской литературы (и немецкой). Московская фирма намеревается издать меня в переводе. Она имеет своих переводчиков. А на новые произведения мои совсем большой спрос. И я пишу теперь все новое — по-еврейски, конечно. В январской книжке «Еврейской мысли» (СПб.) появится в русском переводе мой новый рассказ «Тевель, молочный еврей, едет в Палестину». Получу — пришлю. А вот к тебе просьба, хотя ты такие просьбы оставляешь без исполнения. На днях появилась в «Киевской мысли» моя повесть в переводе. Какая — не знаю. Кажется, «101» (Сто один или одно): зайти в редакцию, узнать, купи пять экземпляров и пришли мне заказной бандеролью. Об остальном мама напишет. Целую.

Твой папа.

Это, по-видимому, самое «серьезное» письмо Шолом-Алейхема к сыну, находящееся в нашем распоряжении. Здесь идет уже речь не только об учебе Миши в гимназии и не только о его переводах, но также о литературных делах самого Шолом-Алейхема. К тому времени, когда письмо было написано, русские (и не только русские) издательства заинтересовались его произведениями и вели переговоры о переводе и издании их в Москве и в других местах. Осуществляется мечта писателя о том, чтобы «выплыть в океан русской литературы». Московское издательство «Современные проблемы» ведет переговоры по этому поводу с Ю.Пинусом и другими переводчиками. Одновременно не отталкивает Шолом-Алейхем и собственного сына, который желает попробовать свои силы в этом сложном деле. Более того, заинтересованность русских издательств произведениями его отца подгоняет Мишу еще больше, и он становится нетерпеливым. Отец боится, что сын может из-за литературных проб запустить учебу, и он тактично напоминает ему об этом.

Нерви, 10 (23) января 1909

Дорогой Миша!

Признаться, мне не понравились оба твои письма. В первом письме ты разводишь какую-то скептическую чайльд-гарольдовскую философию скуки. В сегодняшнем письме ты подводишь итоги прошлым годам твоих занятий и выводешь заключение, что до золотой медали тебе не дойти. Разве же дело в медали? И разве медалисты гарантированы, а не медалисты разве непременно уже останутся вне стен университета? Дело в том, что тебе нужно стараться получать побольше пятерок и ни одной — двойки. Об университете пока забудь. Думай лишь об аттестате, и аттестате хорошем. Вот и вся философия. Что же касается до философии разочарования, то плюнь на нее. Не читай современных идиотов. Читай лучше классиков. Вся эта полоса современной литературы декаданса (особенно российского) пройдет очень скоро! Напрасно ты не прислал мне копию твоего перевода до отправки в редакцию. Но если уже отнес — значит, пропало. Просил тебя достать «Киевскую мысль» и прислать непременно. От Наташи и Моисея Савельевича имеем почти ежедневно письма из Ниццы.

Твой Па.

Вышеприведенное письмо тоже опубликовано в переводе на идиш в 15-м томе «Избранных произведений», выпущенных издательством «Дер эмес» в 1941 г. Мы повторяем его ввиду того, что оно как бы продолжает предыдущее письмо, и из-за того, что в указанном издании оно опубликовано с отдельными неточностями и искажениями, допущенными при переводе на идиш. Впрочем, неточности допустили и составители собрания сочинений Шолом-Алейхема, выпущенного издательством «Художественная литература» в 1990 г. Письмо Шолом-Алейхема к сыну, которое мы привели выше, значится в томе шестом этого издания под № 55, а в примечаниях на с. 452 говорится, что письмо за № 55, как и многие другие, приводится «в переводе на русский язык». Однако оригинал этого письма хранится в коллекции писем, которую мы нашли в Пушкинском Доме, и переводить это письмо на русский язык не надо было, ибо оно и написано было на русском языке. Углубленное исследование приводит к выводу, что составители русского шеститомника Шолом-Алейхема при публикации писем писателя пользовались 15-м томом издания на еврейском языке, упомянутым нами выше, не подозревая, что много писем (в частности, к сыну и к племяннице Наташе) Шолом-Алейхем писал по-русски. Отсюда — неточности и искажения, которые мы исправляем в нашей публикации.

Но вернемся к самому письму. Из него мы узнаем, что Миша уже перевел кое-что из произведений отца, но он был так нетерпелив, что забыл прислать автору копию перевода. Будь это «чужой» переводчик, Шолом-Алейхем уст-

роил бы, конечно, скандал, но собственного сына он прощает: «Но если уже отнес — значит, пропало». Важно здесь также отношение Шолом-Алейхема к потоку тогдашней декадентской литературы, которой была увлечена молодежь, и он советует сыну: «Не читай современных идиотов», а классиков. И опять мы видим заботливого отца и умного воспитателя, понимающего хорошо и глубоко психологию детей и юношества...

Нерви, Италия, Вилла Бриано
25 января (7 февраля) 1909

Дорогой Мишель!

Ну, вот и ладно. Хорошо, что ты занимаешься прежде всего *науками* гимназии. О банкротстве же не думай. Уже Наташа или Моисей Савельевич внесут эту сумму. Это не твой, а *наш* долг. Что же касается до мелочи на карманные расходы, то «без стеснения» обратись по тому же адресу, все равно как если бы ты обратился к маме или ко мне. Нахальство — черта несимпатичная, но излишняя и неуместная щепетильность тоже неприятна — ни себе, ни другим. К тому же мама дала Наташе некоторую мелочь для твоих самых нужных потребностей. От Ляли получили большое письмо. К ней вернулось прежнее остроумие. Переписывайся с нею. Она и стихи пишет. Куда лучше Бунинских поэтических перлов. Передай Люсе, что его поклон поразил нас своею, так сказать, каллиграфичностью в сравнении с твоим чисто куриным почерком. Я здесь должен поставить точку. Целую.

Па.

Обрадуй Нуму. Напиши ему отдельно на его имя открытку. Осчастливь.

Сколько деликатности, тонкости, сколько такта проявлено автором письма в этих считанных строчках! Отцу нравится, что сын его не нахал, но излишняя робость тоже малое достоинство. Миша не знает, что родители заранее договорились с Мазорами относительно его «финансовых дел». И отец ему объясняет, что все в порядке — пусть не переживает, ему надо иметь в виду только основное — учебу. Отец не требует от сына, чтобы тот переписывался с сестрою, он замечает только, что «к ней вернулось прежнее остроумие» и переписываться с нею — одно удовольствие. Мы представляем себе еще одну картину: маленький Нума стоит возле отца и завидует ему, что ему посылают столько писем. Отец это понимает и находит сразу выход: пусть Миша, старший брат Нумы, осчастливит его письмецом на его имя — какая радость будет у мальчишка и как будет он горд, получив письмо от старшего брата!

Остается отметить, что тот Люся, который всех поразил своею каллиграфичностью, — сын Мазоров, и, конечно же, Миша, у которого «куриный почерк», мог бы у того поучиться, как надо писать...

Наконец, оказывается, что Ляля пишет стихи, и «куда лучше Бунинских поэтических перлов»! Отец преувеличивает? Кажется, нет. Годами позже та же Ляля будет писать в своих воспоминаниях об отце: «Он очень хотел, чтобы кто-нибудь из его детей был тоже сочинителем. «Только захотела бы, ты бы писала,— говорил он мне не раз,— вот возьми лишь и попробуй». И может быть, не будет здесь излишним отметить, что Ляля Кауфман, дочь Шолом-Алейхема, действительно стала писательницей: она на протяжении многих лет печаталась в американской еврейской прессе, переводила произведения отца на английский язык, и неудивительно, что ее имя вошло в «Лексикон новой еврейской литературы», изданный Всемирным еврейским культурным конгрессом в Нью-Йорке (т. Б, колонка 61).

Вот сколько содержания вобрало в себя маленькое письмецо Шолом-Алейхема к своему сыну!

Нерви, 16 февраля 1909

Мы получили, Миша, все твои открытки. Что № «Киевской мысли» в продаже нет не есть ответ.— В редакции всегда есть много резервных №№. Мне лишь бы узнать, какой рассказ, когда там напечатан и кем переведен. (Кстати, они сказали Наташе, что вышлют гонорар (50 р.) сюда.) Они гонорара пока не прислали. Мне, кроме того, нужна копия с этого перевода, если нет №.

Целую.

Твой папа.

О каком рассказе в «Киевской мысли» идет речь, выяснить не удалось. По-видимому, эта газета переводов произведений Шолом-Алейхема не печатала. Мы случайно наткнулись на письмо Шолом-Алейхема за 30 марта 1908 г. к сотруднику петербургской еврейской газеты «Дер фрайнд» Вайсблату, который проживал в Киеве. Шолом-Алейхем ему прислал рассказ «Зелень», посвященный чьей-то серебряной свадьбе, для перевода и помещения в «Киевской мысли» с условием, чтобы рассказ был опубликован в определенный день. Но редакция не согласна была поместить рассказ к той дате. Напечатан был рассказ в газете «Киевские вести» в переводе Вайсבלата и Слонима. Но это было почти год спустя. Очевидно, надо будет провести дополнительные поиски, чтобы найти ответ на это место в письме Шолом-Алейхема к Мише.

Лугана, 18 октября 1909

Дорогой Мишель!

Ты ничего не пишешь мне о твоих делах (гимназические и по воинской повинности), и мама тоже ничего об этом не пишет. Она теперь, кажется, еще в Одессе. Говорю — кажется, потому что письмо идет оттуда дней 5. О моем здоровье ты найдешь в письме к Наташе. Нума раздумал и грамматику в озеро бросить не хочет. Лучше зимою в печку. По крайней

мере, говорит он, будет польза от нее. Он учится грамматике сам, первобытным способом. Рисует и играет на рояле. Но больше удит рыбу. У нас лето. Маме ты, конечно, напишешь. Целую тебя.

Папа.

Письмо это Шолом-Алейхем писал к Мише из курорта Лугана, где он в то время лечился. Здоровье его было не наилучшее, но оптимизм его не оставил. Заглушая страшные боли, он продолжал шутить, в особенности в кругу детей. С ними он всегда сам был шалун. В данном случае он сообщает Мише, как изобретателен его восьмилетний братишка. Отцу даже нравится, что у Нумы свой подход к учебнику грамматики и выражается этот подход оригинальным способом: с годами он дойдет, что как бы грамматика ни была скучна, заниматься ею все же придется...

Нерви, 2 января 1910

Дорогой Миша!

Вчера получил письмо от редактора «Киевер ворт». Они предлагают мне 3 коп. за слово. Я согласился время от времени давать им фельетоны. Повидайся с ними. 12-го (7-го) января они выпускают 1-й №.

Пишу на берегу. Целую.

Твой папа.

Нерви, 4 (17) декабря 1909

Сегодня я отправил тебе по этому же адресу *заказным* пакетом фельетон для «Киевер Кабцуним», т.е. «Киевер велт». Есть маленькая поправочка. В самом начале фельетона сказано: איך ליג מיר

Следует: ליג איך מיר

Возьми да поставь над словом — 2, а над словом — 1. Если же сам не исправишь, то передай это редактору. Это ошибка стилистическая, но важная по моим понятиям. Целую.

Папа.

9 (22) января 1910.

Дорогой Мишель!

Спасибо, что потрудился получить гонорар для меня. Но почему ты уж не выписал мне газету, хотя бы из этого же гонорара, раз они такие свинтусы, что не высылают сами. Или, быть может, газета уже прекратила свое существование? Здесь есть киевляне, которые также видели лишь № 1, больше нет. Значит — нет более газеты? А я все-таки шлю тебе второй фельетон для нее же, то есть того же «Киевер ворт». Если газета еще живет, отдай им этот фельетон и скажи, чтобы они не пугались: часто им писать не буду. За этим 2-м фельетоном я пришлю им юмористический рассказ под названием קיעווער קאנטראקטן «Киевские контракты».

Пусть дадут его именно к Киевским контрактам.

Потом на Пасху, Бог даст, также дам им фельетон. Пожалуйста, выпиши у них для меня газету и уплати за 3 месяца вперед (если ты уверен, что газета жива и надеется дотянуть ежно до Пасхи. Вот и живучесть-то!).

2-й фельетон высылаю завтра — называется:
«Есть кому смеяться» ס'איז דא ייער ס'זאל לאכן

Целую. Мама пишет.

Па.

9 (22) января 1910

Дорогой Миша!

Если у тебя есть уверенность в том, что в Киеве еще выходит еврейская газета «Киевер ворт» (я этой уверенности не имею, так как газет не получаю), то потрудишься (зайти.— Х.Б.) в редакцию и передай им 2-й мой фельетон «Есть кому смеяться». Вслед за этим фельетоном, но не так скоро, я им пришлю рассказ моего канельского героя, физиономия которого обрисована мною в этом 2-м фельетоне. История, конечно, уморительно забавная, в то же время и довольно трагична. Но об этом после. Сегодня мы все писали тебе и Наташе тоже. Целую тебя.

Па.

16 (29) января 1910

Дорогой Мишель!

Где ты заразился этой болезнью рифмоплетством? И еще в январе! О Боже, что будет с тобой в мае? Однако, я твои вирши послал Тисе в Варшаву и просил оттуда перепроводить их далее в Липканы. Пусть позавидуют хоть. Да. Все это прекрасно. Но я все-таки не вижу «Киевер ворт». Скажи им русским языком, но вежливо: «М.м. Г.г.! Вы — свиньи!» 2-й фельетон у тебя, то есть у них, а вот сегодня я закончил фельетон $\text{עוּיִיטֶק ך״ק ך״ק ך״ק ך״ק}$ («Еврей — не шутка»), история о том, как канельский кашляющий еврей обманул весь Киев.

До свидания. Зовут.

Целую.

Па.

Кланяюсь тебе и все наши, Наташа!

17 (30) января 1910

Дорогой Миша!

Шлю тебе 3-й фельетон, обещанный «Киевер ворт». Я газеты не получаю. Это уже больше, чем свинство. Хоть ты бы сжалился и прислал пару №№-ов. А то я каждый день думаю, что царство им небесное. Не пишется для мифического, гадательного органа. Да и не буду больше писать для них. Что касается до «гонорария», то таковой, по их слезной просьбе, со 2-го фельетона уменьшен с 3 до 2 коп. за слово. Бог с ними. Они, значит, заплатят тебе за два фельетона сразу. Никогда не прощу им халатность в отношении меня. Халатность я казнию хуже подлости. Подлость есть известная затрата энергии. Халатность же — это отсутствие всякого присутствия. Отнеси им фельетон и скажи им, что если они так же аккуратны к читателям, как ко мне, то они далеко пойдут. Дальше кометы Галилея.

Целую.

Па.

Наташе и тебе вчера писали. Через 7 дней ждем Моисея Савельевича. 18 (31). Сегодня получил газету от тебя.

Но почему редакция не шлет?

Последние шесть писем из коллекции, которые мы здесь публикуем, несут уже, так сказать, не семейный характер, но касаются литературной работы Шолом-Алейхема. Речь идет о киевской газете «Киевер ворт», которая должна была начать выходить в 1910 г. Редакция обратилась к Шолом-Алейхему, чтобы он что-то дал для нового издания. Писатель очень обрадовался — о еврейской газете в его родном Киеве он даже не смел мечтать. Известно, сколько раз он ездил в Петербург, чтобы добиться разрешения выпускать еврейскую газету в Вильно или Одессе (об издании еврейской газеты в Киеве, где евреи не имели правожительства, не могло даже быть и речи), но такого разрешения не получил. И вот вдруг — еврейская газета в Киеве! Он, разумеется, сразу отозвался. Три вещи он одну за другой написал для «Киевер ворт», и, конечно же, нам захотелось выяснить, что это за газета и что написал для нее Шолом-Алейхем.

Нам исключительно повезло: «Киевер ворт» отыскалась в Санкт-Петербургской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина, и притом все одиннадцать номеров, которые редакция (редактор-издатель Л.Билейкин) успела выпустить. На этом издании стоило бы остановиться более подробно, поскольку у редакции были большие планы (отметим пока, что среди ближайших сотрудников газеты, как было объявлено в первом номере, вышедшем 1 (14) января 1910 г., находились такие известные литераторы, как П.Багров, Бен-Адир, М.Литваков, И.Лещинский, Н.Сыркин).

Как явствует из писем Шолом-Алейхема к сыну, писатель сомневался, хватит ли редакции силенок для более или менее длительного издания газеты, и его сомнения были основательны. Вышло всего одиннадцать номеров (последний — 13 (26) января 1910 г.), и Шолом-Алейхем в ней представлен только один раз — в первом номере фельетоном «Некому смеяться!». Читая его, мы убеждаемся, что Миша исполнил просьбу отца — исправить первую фразу, переставив слова, с каких начинался фельетон. Ни в один сборник, ни в одно собрание сочинений Шолом-Алейхема этот фельетон не был включен, не переведился он и на другие языки. Что мы и делаем настоящей публикацией.

Некому смеяться!

Лежу я себе больной в далекой красивой стране Италия, под широким голубым небом, под светлым теплым солнцем, и читаю письмецо, которое только что принесла мне почта: «Киевер ворт»... Газета... Еврейская ежедневная газета, в Киеве...»

В Егупце газета! На идиш!!! На жаргоне!!!

Не сон ли это?..

Нет, это не сон. Там же явственно напечатано: «Редакция Киевер ворт». И подписано «редактор». И этот редактор просит меня написать фельетон, обещает платить деньги... Деньги?.. Очевидно, это на самом деле правда.

В Егупце еврейская газета — некому смеяться!

Смеюсь я сам себе, лежит еврей, один человек в Италии, лежит сам и смеется.

Газета для кого? Еврейская газета в Егупце? Давайте прикинем на бумаге, сделать как бы подсчет. Я знаю, слава Богу, Егупец насквозь. Там лежат погребенные наилучшие, наисчастливейшие и наименее счастливейшие годы моей жизни.

Талмуд начинается с буквы «Б» — с Берешит. И Егупец, пусть меня Бог простит за сравнение, начинается с «Б», с семьи Бродских... После них идет целый ряд песочно-рафинадных аристократов по азбуке... Но насколько мне кажется, могут эти люди обойтись без еврейской газеты. Наоборот, боюсь, что для них это даже какой-то изъян, бесчестье, бламаж и, может быть, даже целый скандал: жаргон? — фе!..

Правда, сами они, между собою, если никто не слышит, рубают на «жаргоне», аж дым идет. Когда им рассказывают еврейский анекдот, они его еще как посмакивают. От еврейской песни пальчики оближивают. И скрыто-тайно, когда никто не видит, читают втихаря еврейскую книжку и лопаются со смеху. Но попробуйте с ними поговорить про идиш как о языке, как о литературе — отмахиваются руками и ногами. Они п р и н ц и п и а л ь н о против идиш.

Я вспомнил действительную историю, происшедшую-таки в Егупце. Однажды поймали одного из них, хотели выжать немного наличных на литературное дело на идиш. А тот, который поймал, был гой и профессор, а перед чужим, как вы знаете, эти люди выпендриваются. Что ж, поймали — пропало, тот вынужден был пообещать, что деньги дает. Когда же дошло до денег, одумался тот и спрашивает у профессора: «Знаешь ли ты, гой, на каком языке мероприятие это?» Говорит ему профессор: «На вашем, на жаргоне». Услышал, что на жаргоне, вскинулся он: «На жаргоне? Чтобы я дал деньги на жаргон? Жаргон не наш язык, наш язык древнееврейский...»

Когда профессор поведал мне эту историю, я его попросил, чтобы когда он встретится с тем «гебраистом», пусть расскажет от моего имени такую историю:

Жили-были два брата, один богатый, а другой бедный. И как обычно, приходит, очевидно, бедняк часто к богатому брату, чтобы он ему помог. И как обычно, прячется богатый брат от бедного глубоко в своих покоях, высылает тому раз по разу, чтобы отцепиться, через швейцара милостыню. Должно случиться счастье, что бедный поймал однажды богатого брата среди людей на каком-то торжестве. Поймал — про-

пало. «Здравствуй, брат!» — «Здравствуй, что скажешь?» — «Что тебе сказать, дорогой брат? Я выдаю замуж дочь, пообещал 200 рублей приданого, а нет у меня и тройка...» — «О, как славно, поздравляю! С кем же ты породнился? Кто твой сват?» — «Сват? Ты его не знаешь, он простой человек, зовут его Янкель». Встрепенулся богатый брат: «Раз простой человек и зовут его Янкель, я не желаю, не нравится мне твой выбор!»...

Итак, «гебраисты» отпадают. Остается целая куча ваших евреев — из тех, кто «работает» и кто «крутится» при бирже. Спрашивается, есть ли у них время и у кого на уме читать еврейскую газету, когда голова где-то там, на «курсах», «вывоз», «обмен», «перечисление»... Остается ночью в клубе между Маккао и Диабелек или между «безик» и «экартэ»?.. Или, может, у Симедины на бильярде?.. Нет, что ни говорите, вы меня не уговорите, я знаю, что «Мотька», преподобный «Мотька» — тот, который едет из Егупца в Петербург не иначе как в экстра-вагоне, — не нуждается в еврейской газете.

Так вы меня отошлете, может, на «Подол»? В «Демиевку»? В «Слободку»? Там простые евреи, которые любят еврейское слово... Возможно, вполне возможно. Но спрашивается такой вопрос: как же они жили до сих пор? Как они обходились без еврейской газеты до сих пор? На это вы мне скажете: а возьмите Варшаву. Не имеет ли сегодня Варшава пять еврейских ежедневных газет, даже еженедельников? Так я вам задам вопрос: возьмите Одессу. Еврейский город, а имеет ли она хотя бы одну еврейскую газету? Вы мне ответите: а Толмачев?.. Короче, я вам буду задавать каждый раз другое «возьмите», а вы мне будете давать сдачу другим «возьмите» — сказка без конца. Посмотрите же, братцы, не пошла ли у вас там, не дай Бог, мода на еврейские газеты? Какой-то спорт, не дай Бог?.. У них спорт — это лошади, велосипеды, автомобили, летающие машины, а у «нас» спорт — это газеты. Они соревнуются, чья лошадка прибежит раньше, а мы соревнуемся, чья газета раньше сгорит? Ша, евреи! Коль зашла речь о спорте, о загадках, вспомнил я случай со состязанием и с загадкой. Кто отгадает загадку, пусть выйдет в редакцию «Киевер ворт» свой ответ. И чей ответ будет правильным, так это признак, что он мудрец, и его имя будет обнародовано в газете. Слушайте же с головой.

Однажды были два спортсмена, англичане, конечно, одного звали Джон, второго — Джек. Их занятие было — они всегда держали пари на своих лошадок, какая из них будет приходиться первой. Однажды им надоело только состязаться, какая из лошадок придет раньше. Говорит один англичанин к другому: «Знаешь что, Джон, давай будем держать пари, чья лошадка придет позже». Джону предложение понравилось. Сделали они заклад, сели на лошадей и поехали. Джон едет медленно, Джек — еще медленнее. Джон едва ползает, Джек едва трогает. Долго ли, коротко ли — оба остановили лошадок и сели посередине поля. Сидят час, сидят два, сидят три — и оба расплакались. Проезжает мимо еврей и видит: двое вельмож сидят и плачут. Подходит он к ним: «Отчего вы плачете?» Они ему и рассказывают: так, мол, и так... Еврей и говорит: «Я вам дам совет — скажете мне спасибо». И наклоняется к ним и каждому в отдельности говорит в ухо. Мои англичане как схватились с земли, опять сели на лошадей — и пошел!..
Спрашивается: что это такое еврей им сказал???

Таким образом, мы уже знаем, что первый фельетон под названием «Некому смеяться!», присланный Шолом-Алейхемом из Нерви для газеты «Киевер ворт», газета опубликовала. Но в письмах к Мише говорится еще о двух фельетонах — «Есть кому смеяться» и «Киевские контракты», — посланных Шолом-Алейхемом для той же газеты. Просмотр всех одиннадцати номеров издания ничего не дал. Но где-то эти фельетоны должны же были быть! И один из них — «Есть кому смеяться» — был действительно опубликован, и не в «Киевер ворт», и не в 1910 г., когда он был написан, но спустя 26 лет, и тоже в киевской газете. Речь идет о номере «Дер штерн», центральной газеты Украины на еврейском языке, за 16 декабря 1936 г.

Публикации этого фельетона редакция «Дер штерн» предваряет краткое предисловие, в котором между прочим говорится:

«Будучи в Киеве, вдова Шолом-Алейхема Ольга Михайловна Рабинович собрала приличное количество писем, которые Шолом-Алейхем писал в течение многих лет к своим родным, и несколько писем, адресованных старшему сыну Мише (из Нерви в Киев). В них говорится об участии Шолом-Алейхема в киевской еврейской газете «Киевер ворт», которая выходила короткое время. Шолом-Алейхем пересылает сыну материалы для газеты, хотя он не верит, что она будет продолжать выходить долго, и очень возмущен небрежным отношением редакции к нему. Среди писем сохранилась также рукопись «Есть кому смеяться». Из первого абзаца ясно, что это второй фельетон, посланный для киевской газеты. Как видно, он не был опубликован, он также не вошел в собрание сочинений Шолом-Алейхема».

Приводим текст этого фельетона в переводе на русский язык.

Есть кому смеяться

Признаюсь, я был неправ, говоря в моем первом фельетоне, что *некому смеяться*. А говорил я это потому, что я считал, что здесь, в далеком заброшенном уголке в Италии, единственный человек, один еврей, который принял так близко к сердцу факт, что Егупец позволил себе собственную еврейскую газету. Оказывается, что это не так. Послушайте такую историю.

...За все время, что я нахожусь здесь, не могу жаловаться, что меня, не дай Бог, забыли. Нет такого дня, чтобы я не получил письма с милой далекой родины. Многие спрашивают о моем здоровье и многие пишут о своих собственных интересах. Они сами нездоровы и хотели бы испытать это Нерви, может, сжалится Бог.

Среди этих вторых писем промелькнуло однажды письмецо, даже открытка и даже от маленького человечка, из Кенеле (оно возле Умани, это Кенеле, действительно недалеко от Егупца). Мне это Кенеле положительно нравится, и не так само Кенеле, как люди из Кенеле (имею в виду евреев), и не так все евреи из Кенеле, как мой корреспондент из Кенеле.

«Дорогой Шолом-Алейхем,— пишет он мне,— знайте, что мы, евреи из Кенеле, знаем очень хорошо, что ваша Касриловка — это Кенеле. Поэтому могу передать вам привет от вашей Касриловки, то есть от нашего Кенеле, но не это имел я в виду. У меня к вам маленькая просьба. Так как я болен легкими — я получил, не про вас сказано, одышку с кашлем, и, кроме того, мне прикинулся от инфлуэнции острый плеврит, и врачи находят, что вот-вот получится туберкулез, а так как я читал, что вы находитесь в Нерви и вам становится благодаря Богу довольно хорошо, дай Бог и дальше,— поэтому прошу я вас описать все подробно, где оно лежит, это Нерви? Как туда ехать от Кенеле? И сколько стоит дорога? И имеется ли там хороший профессор? И можно ли мне вылечиться от моей одышки и от моего кашля? Все, все опишите мне подробно, и за это Всевышний вас и т.п. ...»

Ответил я, конечно, этому еврею из Кенеле не только подробнейшим образом, но как можно более на все его вопросы. И проходит немного времени, открывается дверь и заходит мой еврей из Кенеле. И оказывается, что одышка у него застарелая одышка — по-видимому, получил он ее по

наследству от своего отца, пусть земля тому будет пухом. Дай Бог ему заработать, говорит он, столько каждую зиму, сколько ему стоит эта одышка. Одни лишь рецепты, о врачах уже нечего говорить. Он уже побывал, говорит он, у всех профессоров и испробовал какие только есть средства на свете — и впустую!

Короче, он поселился в Нерви, и каждый день он у меня в гостях, и каждый раз с новыми претензиями и с новыми упреками, и упреки эти, конечно, ко мне, и он, разумеется, прав: к примеру, говорят — Италия! Италия! Оказывается, чепуха — на той неделе лил дождь, а сегодня опять нахмурилось на дождь. А море — можно оглохнуть. И как к тому же с тебя дерут. А их язык — разве они понимают, что им говорят? А главное — он здесь уже третью неделю, и чтоб вы сказали, что одышка отодвинулась ему хоть вот на сколечко! А помимо всего ему здесь скучно — разве услышишь еврейское слово? Не просто — слово, а что-то особенное! И случается такое, то это не более чем на один день. И еще одна болезнь одолевает моего еврея из Кенеле: он не спит. Совсем не спит. Лежит он целыми ночами и читает, и не просто читает — он глотает. Вот я ему дал целый вагон печатной продукции — и он его уже проглотил. Принес и говорит, чтобы я ему дал еще. Если у него не будет что читать, говорит, он сойдет с ума или, не дай Бог, руки на себя наложит!

Но само чтение для него было бы полбеды. И для меня. Беда в том, что этот еврей из Кенеле любит повторять мне каждое утро все, что он вычитал ночью. И не только повторять, но и давать оценку прочитанному, подвергать «критике». Евреи вообще являются критиками, но такой критик, как мой еврей из Кенеле,— упаси боже! «Ваша писанина, ха-ха,— говорит он мне, мой еврей из Кенеле, со сладкой улыбочкой, хочет начать смеяться и закашливается,— должен я вам сказать всю правду, без всякой лести, вы когда-то лучше писали. Признайтесь, пани Шолом-Алейхем, что вы когда-то лучше писали!»

Вот такого критика Бог прислал мне аж сюда, в Италию.

Должно же было случиться, что мне приносят почту как раз в ту минуту, когда мой кенельский «критик» сидит у меня и «критикует». Увидев новую еврейскую газету со странным заголовком «К-и-е-вер в-ор-т», протягивает он к ней ру-

ку: «Что это? Вот новость! Простите меня, только прочитаю — сразу отдам». Вдруг вижу — мой кенельский еврей... Не знаю, что с ним стало, спазма, что ли? Или что-то другое? Сам он коричневый и синий, показывает мне пальцем на газету, смеется и кашляет, аж заходится.

— Боже, что с вами? — говорю я ему.— Что вы тут такое увидели?

— Не говорите! Ха-ха! В Егупце, ха-ха! «Правожительство» на жаргоне?! Ха-ха-ха! «Облавы» — и еврейская газета! Ха, ха, ха, ха!.. Демиевка... Двести семей... Ха-ха-ха!!!

Больше не может мой кенельский еврей говорить, он чуть не задыхается, давится от смеха. Я уже начинаю пугаться не на шутку. У человека ведь одышка...

А он как на зло хочет выговориться:

— Расскажу я вам такое, что со мной случилось в этом городе, в Егу... Ха-ха! В Евгуп... Ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха-ха!..

Вижу, что с моим кенельским евреем происходит что-то ужасное, вот-вот он кончается, надо ему дать сначала высмеяться. Говорю я ему:

— Знаете что, мил человек? Лучше пройдите пока что к себе в гостиницу, мне как раз надо братья за работу. Кое-что писать. А историю вы мне уже как-нибудь расскажете другой раз...

* * *

Нет, я был неправ. Есть кому смеяться!

Нерви, 18 января 1910

Можно догадаться, что с этим фельетоном случилось дальше. Миша его получил, может быть, даже успел занести в редакцию, но газета «Киевер ворт» уже перестала существовать. Вот почему он находился в архиве Наташи Мазор вместе с письмами Шолом-Алейхема к старшему сыну.

Еврей из Кенеле — известный образ у Шолом-Алейхема, герой рассказа «На-кося — выкуси!», вошедшего в цикл «Железнодорожные истории». Это очень забавная история о еврее, приехавшем в Егупец (Киев) консультироваться у профессоров по поводу своей одышки и кашля. Останавливается он у бедного друга, имеющего правожительство (он служит у Бродского в синагоге). Ночью проводится облава, кенельский еврей в опасности. Приходит ему на ум поменяться паспортами с хозяином. Хозяина высылают по этапу в Кенеле, и завязывается история на долгие месяцы... Фельетон Шолом-Алейхема «Есть кому смеяться» можно считать как бы предисловием к рассказу «На-кося — выкуси!», написанному Шолом-Алейхемом в 1911 г. Таким об-

разом, раскрывается еще один маленький штрих в творческой биографии великого писателя...

Шварцвальд, Баденвейлер, 29 мая 1910

Дорогой Миша!

Вот это наша последняя станция и летняя резиденция. С Наташей мы уже в деятельной переписке, а Эмма уже там с нею, в Вейссенберге. А Баденвейлер — это рай земной. Пиши. Мама скоро в Варшаве, а Тися сюда приедет.

Привет М.С.

Твой Па.

Письмо Шолом-Алейхема к Мише от 29 мая 1910 г., если судить по коллекции в Пушкинском Доме, было последним, посланным Шолом-Алейхемом из Нерви в Киев. Миша тогда еще учился в гимназии. Что стало со старшим сыном Шолом-Алейхема дальше, можно узнать из других источников, хотя точных сведений у нас нет. Из письма Шолом-Алейхема к Наташе Мазор от 8 (21) мая 1912 г. узнаем, что «Миша поступил в Лозаннский университет, но он лечит в Лозанне больше горло, нежели учится в университете». Шолом-Алейхем добавляет: «Он совсем нездоров, нервы и т.п. Он должен еще лечиться целый год». Дальнейшие сведения о Мише надо черпать из «Книги Шолом-Алейхема». И вот что получается.

Во время празднования Нового года в 1913 г. Миша находится вместе с отцом в Лозанне. Он болен, лечится, но на Пасху приезжает, чтобы побывать в семье.

Дальше сведения обрываются. Естественно, Шолом-Алейхем не должен был писать сыну, ибо Миша был с ним. В апреле 1914 г. писатель после того, как он шесть лет лечился на зарубежных курортах, предпринял поездку в Россию. На обратном пути в Швейцарию он остановился в немецком городе Альбеке, на Балтийском берегу, где он рассчитывал провести летние месяцы и куда должна была собраться вся семья. Но вспыхнула война, и Шолом-Алейхем с семьей вынуждены были бежать оттуда как русские подданные. С большими мытарствами им удалось добраться до Копенгагена. Шолом-Алейхем остался без копейки денег, и не осталось другого выхода, как эмигрировать в Америку. Семья вынуждена была разделиться: дочь Ляля с мужем и с их дочуркой Бэллой уехали в Россию. Миша был болен, и его устроили в одном из датских санаториев. С ним осталась Эмма. 2 декабря 1914 г. Шолом-Алейхем с остальными членами семьи прибыл в Нью-Йорк. К ним должны были приехать Миша и Эмма. 2 сентября 1915 г. Шолом-Алейхем сообщает дочери Ляле, что в тот день Миша и Эмма должны были выехать с кораблем «Фредерик VIII» из Копенгагена в Нью-Йорк. 13 сентября 1915 г. Шолом-Алейхем прибывает в нью-йоркский порт встречать детей, но их не было. Миша уже был мертв — он умер в Копенгагене 29 августа 1915 г., и Эмма выехала одна.

Смерть Миши была для Шолом-Алейхема большим ударом. 21 сентября 1915 г. он пишет в письме к Кауфманам: «Я несу мертвый гроб в моей душе, и я этот гроб унесу с собой в могилу. Из многих желаний самое первое у меня, чтобы поскорее закончилась эта война братоубийства, и если мы будем живы и вернемся обратно в Европу, мы обязательно будем в Копенгагене и пойдём

на его могилу, и слова, которые я ему скажу, будут: «Прости, жертва!»... Ибо жертвой он был всю жизнь. Уже вступление в гимназию только было целым рядом страданий. И поступление в университет было венцом его страданий. И итогом всего этого были санатории и болезнь, болезнь и санатории...»

И еще:

«И что за чистая душа была у него? Этот мальчик за всю свою жизнь никогда не солгал! Неужели это самовнушение отца? — нет, он был чист, как хрусталь. Чист телом и чист душой. Наше страдание и наше горе еще увеличиваются оттого, что мы его ждали со дня на день, что все было готово обнимать его с любовью; мы ждали только одного слова: «Выехали» — и прибьло другое слово: «Умер». Жил бы он хотя бы одну неделю с нами! Выдохнул бы последнее дыхание на руках матери! Проводил бы хоть я, его отец, на вечный покой! Теперь же — там где-то, в далекой холодной Дании! Ах, как злой рок разбросал нас и расколошматил по всему свету!..»

Шолом-Алейхему после этого горестного письма оставалось жить всего 233 дня. Меньше года пережил он своего старшего сына.

Такова история Миши Рабиновича, которую мы составили на основании четырнадцати писем Шолом-Алейхема к нему...

Продолжение следует.

¹ Сыркин Нахум (1878—1918) — еврейский публицист и общественный деятель, друг Шолом-Алейхема. С 1907 года до конца жизни жил в Киеве.

² Ремингтон — одна из первых моделей американских пишущих машинок.

³ Опшпрехн а гут-ойг (*идиш*) — снять дурной глаз.

Подготовка текста, предисловие и примечания
Х. БЕЙДЕРА.

ПИСЬМО БЕН-АМИ Д.Н.ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОМУ

Марк Яковлевич Рабинович, писавший под псевдонимом Бен-Ами (1854, Верховка, Украина — 1932, Тель-Авив), — один из талантливейших представителей так называемой «русско-еврейской» литературы, автор таких рассказов, как «Ханука», «Пурим», «Приезд цадика», автобиографической повести «Детство», ряда очерков. Псевдоним писателя в переводе с иврита означает «сын моего народа», и это лучше всего характеризует позицию сочинителя, который намеренно подчеркивал связь с еврейством именно в силу того, что ощущал некоторую отчужденность от него — отчужденность и собственную, и большей части «русско-еврейской» интеллигенции (ср. псевдоним Ашера Гинцберга (1856—1927) Ахад-ха-Ам — «один из народа»). Недаром, получив

традиционное еврейское воспитание, Бен-Ами обучался в Одесском университете, известном своими ассимиляторскими тенденциями, а в печати дебютировал статьей «О необходимости специальных учебников русского языка для еврейских школ» (1881). Впоследствии Бен-Ами стал деятельным сионистом, но продолжал писать преимущественно на русском языке. В 1923 г. литератор переехал в Палестину, где и окончил свои дни.

Наследие Бен-Ами, к сожалению, изучено явно недостаточно. Из недавних публикаций назовем заметку «Вспомним имя Бен-Ами», предваряющую напечатанные итальянской исследовательницей Л.Салмон письма Бен-Ами А.Г.Горнфельду от 5 и 14 августа 1903 г. из Балаклавы (петербургская газета «Народ мой — Ами», № 6 (14) от 10 апреля 1991 г.).

Обнаруженные нами письма Бен-Ами к русскому филологу и историку культуры, академику Д.Н.Овсяннико-Куликовскому (1853—1920) хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии наук (ф.211, оп.1, ед. хр. № 39). Вплоть до недавнего времени они — вероятно, из-за их «пятого пункта» — не были доступны. Вряд ли их читали даже архивисты, обрабатывавшие фонд Д.Н.Овсяннико-Куликовского. Считалось, что данная единица хранения содержит три письма Бен-Ами, тогда как нетрудно убедиться: 1-я и 6-я страницы прежней нумерации — это две половины одного и того же письма. Нами проведена перенумерация документов.

Материалов о жизни и творчестве Бен-Ами в центральных архивах России почти нет. Тем весомер каждая опубликованная строка. Из двух упомянутых писем вниманию читателей предлагается одно — с ценными сведениями о семье Бен-Ами и его оценкой собственной писательской манеры (лл. 3—6).

Route de Chene, 23

Женева, 18го марта 1917го г.

Дорогой Дмитрий Николаевич, вчера получил Ваше славное письмо от 22 декабря пр[ошлого] года. Если я Вам скажу, что уже более трех месяцев никакой весточки, никакой даже газеты из России не получал, а от Вас уже вот год, то Вы поймете мою радость. Представьте себе человека, блуждающего одиноко среди безлюдной пустыни, который вдруг встретил старого дорогого друга.

Рад бесконечно, что мой рассказ Вам понравился и принят¹. Что касается излишних подробностей, не имеющих отношения к сюжету, как Вы говорите, то я должен заметить, что для меня именно этот последний, то есть сюжет, является как бы второстепенным элементом. Я придаю больше всего значения окружающему, среде. Сюжет для меня только повод для обрисования их, герой — светильник для освещения всего того, что совершается вокруг и откуда он черпает свой свет... Эти подробности я постоянно описываю с наибольшею любовью. Надеюсь, что на этот раз рассказ не залежится так, как предыдущий.

Большое сердечное спасибо за подробности о Вашей семье. Мы их все читали с огромным удовольствием. Итак, крошечная Лили, которая вся стоит предо мною во всей детской неодолимой прелести, уже мать троих детей! Вторую Вашу дочь я видел только в Лозанне. Вы уже тогда мне сказали, что она пописывает.

Что касается меня, то у моих детей никаких литературных проявлений и следа нет. Моя старшая дочь мастерски пишет письма. У нее удивительный стиль (французский), и описания у нее большой красоты, и много в них поэзии. Ну и все. Она прекрасная музыкантша, но не законченная — мало училась. Теперь она состоит врачом в палестинских еврейских колониях и скачет верхом из одной колонии в другую. Отдалась она этому делу всею своею прекрасною благородною душою и очень любима. Она замужем и имеет уже двоих детей. Живет она у самого подножия Хермона. Затем у меня есть сын инженер-агроном, большой прозаик, без каких бы то ни было идеалов и увлечений в области духовной. Но честный и добрый малый. Служит в Bellegarde химиком на большом заводе и пока [с] очень скромным жалованьем. Один сын у меня студент-медик, редкий юноша, каких теперь не видеть. Превосходно работает в университете и очень любит свою науку. К тому очень любит музыку и хорошо играет на фортепиано. По древнееврейски знает отлично, как, впрочем, все мои дети, исключая младшей дочери, и унаследует все мои идеалы. Младшая окончила гимназию в прошлом году и теперь посещает Университет-seminaire (педагогическая область). Она наименее способная, но натура незаурядная, крепкая и смелая в своих убеждениях и гордо носит свое еврейство. В гимназии ее все сильно любили и уважали от учениц до учителей и учительниц. Говорят, что она очень красива.

Моя жена, вследствие тяжелых обстоятельств в последние годы, открыла пансион, который, однако, абсолютно ей ничего не дает, так как это совершенно не соответствует ее натуре, чуждой всякой корысти и расчетливости. И кроме мук, она ничего не получила. Кроме того, это разрознило семью. Я с детьми живем отдельно, а жена приходит домой только раза два в неделю. Тяжело и обидно сложилась для меня жизнь на старости лет. Не жизнь, а какое-то грязное издевательство... Уж не знаю, чем я это заслужил.

Но довольно.

Будьте здоровы, дорогой Дмитрий Николаевич, и не забывайте меня. Моя жена и все наши сердечно кланяются Вам и Вашей жене. Передайте от меня особое приветствие Лили.

Горячо преданный Вам и любящий Вас Бен-Ами.

P.S. Если вышлете аванс, много обяжете. Посылаю через Стокгольм, чтобы скорее дошло. Да, что касается Драгоманова², то уже сами его статьи и те гнусности, которые он печатал в «В[ольном] слове», говорят достаточно о том, что нет и тени преувеличения. Я его ведь очень любил и уважал *malgré tout*³, и нелегко было мне высказать эту горькую правду. Уже одно то, что он мне сказал по поводу правого обвинения евреев! Еще раз будьте здоровы.

¹ Речь идет о рассказе Бен-Ами «Шмуэль», предназначенном для журнала «Вестник Европы», где Д.Н.Овсяннико-Куликовский с 1913 по 1918 г. был одним из редакторов. Рассказ в журнале так и не появился.

² Драгоманов Михаил Петрович (1841—1895) — украинский историк, фольклорист, критик, публицист, общественный деятель, издатель-редактор еженедельника «Вольное слово», выходившего в Женеве в 1881—1883 гг. (№№ 1-62). Вот что писала эта газета о печально известных еврейских погромах на юге тогдашней России: «... еврейский вопрос, по вине правительства, дозрел на юге России до степени настоящей социальной язвы. Не один Нежин, не кучка гулятьев всполошилась и пошла разбивать еврейские кабаки и уничтожать в прах добытое обманом и неправдою, поистине поганое еврейское добро. Кровопийцами народными стали евреи на юге России со времени освобождения крестьян, кровопийцами, ограждаемыми буквою закона и корыстью синклита властей, расхищающих народное достояние под видом служения государству. Так говорю не я, пишущий эти строки, так говорит весь южно-русский народ, говорит громадою, миром, ревет стоном, уже с лишком два месяца не умолкающим на берегах Буга, Днепра, Ворсклы и Десны. В Киеве судили и расстреливали без суда, в Борисполе расстреливали и будут судить так называемых зачинщиков, а народ все продолжает волноваться толпами, повторяет все тот же клик негодования и озлобления: «Кровопийцы! разорители наши!» (Нежинский погром и еврейский вопрос на юге России // Вольное слово. 1881. № 2. С.4.). Эта статья — без подписи, но абсолютно те же идеи (желание взвалить ответственность за погромы на самих евреев и русские власти), только более сдержанным тоном, высказаны в статье М.Драгоманова «Еврейский вопрос на Украине» (Вольное слово. 1882. №№ 41, 45).

³ *malgré tout* — несмотря ни на что (франц.).

Предисловие, публикация и комментарии
А. РОГАЧЕВСКОГО.

**КРИТИКА.
БИБЛИОГРАФИЯ.
РЕЦЕНЗИИ**

СОВЕТСКАЯ И ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЕВРЕЯХ за 1989 г.

Библиографический список

РЕЛИГИЯ. ФИЛОСОФИЯ

Бердяев Н. Христианство и антисемитизм: (Религиозная судьба еврейства) / Публ. А. Панкова // Дружба народов. М., 1989. № 10. С. 205–213.

Впервые издана в 1939 г.

Фурман Д. Е. Иудаистский клерикализм и его функции в Израиле // Народы Азии и Африки. М., 1989. С. 29–39.

Abulafia A. S. Jewish-Christian disputations and the twelfth-century Renaissance // J. of medieval history. Amsterdam, 1989. Vol. 15, № 2. P. 105–125. Bibliogr.: p. 124–125.

Диспуты христианских богословов с иудеями в Западной Европе 12 в.

Abu-Rabi I. M. [Recensio] // Muslim world book rev. L., 1989. Vol. 10, № 1. P. 92. Rec. ad op.: Nettier R. L. Past trials and present tribulations: A Muslim fundamentalist's view of the Jews.— N.Y., 1987.

Attias J.-Ch. Mordekhai Komtino, exégète — enseignant judéo-byzantin, et la karaïsme (XVe siècle) // Rev. d'histoire et de philosophie religieuses. P.; Strasburg, 1989. A. 69, № 3. P. 249–264.

Иудейский теолог Мордехай Комтино (Византия 15 в.) и его влияние на развитие идей караимов.

Gladson J., Lucas R. Hebrew wisdom and psychotheological dialogue // Zygon. Winter Park, 1989. Vol. 24, № 3. P. 357–376. Bibliogr.: p. 374–376.

Психотеологический диалог и еврейская мудрость: психология, религия и реальность; А. Адлер и логотерапия В. Франкля.

Kühntopf-Gentz M. Der im Judentum ignorierte Gott: Theodor Lessings religiöse Philosophy // Ztschr. für Religions- u. Geistesgeschichte. Köln, 1989. Bd. 41, H. 2. S. 134–145.

Лессинг о проблеме понимания Б-га в иудаизме.

Niewöhner F. Mendelssohn als Philosoph — Aufklärer — Jude Oder: Aufklärung mit dem Talmud // Ztschr. für Religions- u. Geistesgeschichte. Köln, 1989. Bd. 4. H. 2. S. 119–133.

Иудаизм в философии еврейско-немецкого просветителя М. Мендельсона.

Shapiro D. Judaism as a journey of transformation. Consciousness, behavior, and society // J. of transpersonal psychology. Palo Alto (Cal.), 1989. Vol. 21, № 1. P. 13–59. Bibliogr.: p. 56–59.

Иудаизм как путь внутренней трансформации: сознание и его состояние; поведение и общество; теории человеческой природы; ритуал и психотехника.

Sierra S. J. Il commento di Rashi all'Esodo el'esegesi giudaica medievale // *Cristianesimo nella storia*. Bologna, 1979. Vol. 10, fasc. 1. P. 23—29. Рез. англ. Средневековая еврейская экзегетика.

СОЦИОЛОГИЯ. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ДЕМОГРАФИЯ

Abramovitch J. B., Abramovitch H. H. Enuresis in cross-cultural perspective: a comparison of training for elimination control in three Israeli ethnic groups // *J. of social psychology*. Provincetown, 1989. Vol. 129, № 1. P. 47—56. Bibliogr.: p. 55—56.

Анализ ряда этнических групп Израиля (марокканские евреи, курдские евреи, выходцы из Восточной Европы) и социальная политика, проводимая по отношению к ним.

Aronoff M. J. Israeli visions and divisions: Cultural change and political conflict.— New Brunswick; Oxford: Transaction publ., 1989.— XXVIII, 178 p.— Bibliogr.: p. 161—169. Indices. 171—178.

Культурные различия этнических групп евреев в Израиле и политические процессы в стране.

Keren M. The pen and the sword: Israeli intellectuals a. the making of the nation-state.— Boulder etc.: Westview press, 1989.— VII, 120 p.— Ind.: p. 117—120.

Еврейская интеллигенция и становление национального государства. Участие интеллигенции в политической жизни Израиля, взаимоотношения с государством, отношение к войне.

Landau S. F. The effect of objective social stress factors on subjective perception of well-being and social solidarity: The Israeli case // *Human relations*. N.Y.; L., 1989. Vol. 42, № 6. P. 487—508. Bibliogr.: p. 506—508.

Влияние социальных стрессов на субъективные оценки материального благополучия и социальной солидарности (на примере Израиля).

Lurie Y. Jews as a metaphysical species // *Philosophy*. Cambridge; N.Y., 1989. Vol. 64, N. 249. P. 323—347.

Евреи как метафизический вид духовных сил: стереотипы, прототипы и новые типы; гений, талант, интеллект и характер.

Sered S. S. The religion of relating: kinship and spirituality among Middle Eastern Jewish women in Jerusalem // *J. of social a. personal relationships*. L. etc., 1989. Vol. 6, № 3. P. 309—325. Bibliogr.: p. 324—325.

Роль родственных связей в духовной жизни еврейских женщин — жительниц Иерусалима. Социологическое исследование.

Schneider S. W. Intermarriage: The challenge of living with differences between Christians a. Jews.— N.Y.: Free press, 1989.— VIII, 280 p.— Bibliogr.: p. 264—272. Ind.: p. 273—280.

Смешанные (межконфессиональные) браки: социально-психологические проблемы еврейско-христианских семей в США.

Smooha S. Arabs and Jews in Israel.— Boulder etc.: Westview press, 1989.

Vol. 1. *Conflicting and shared attitudes in a divided society*. XX, 281 p. Bibliogr.: p. 265—273. Ind.: p. 275—281.

Арабы и евреи в Израиле. Т. 1. Конфликтные отношения и общие установки в разделенном обществе. Этническая стратификация и этноцентризм; типология культурных различий и коллективное тождество. Методология интервью и опросов.

Swirski S. Israel: The oriental majority/Trans.: Swirski B.—L.— New Jersey: Zed, 1989.— 148 p.— (Zed books).— Ind.: p. 145—148.

Роль восточных евреев в выработке внутренней и внешней политики Израиля.

Yuval-Davis N. National reproduction and «the demographic race» in Israel // *Woman—nation—state*. Basingstoke; L., 1989. P. 92—109. Bibliogr.: p. 108—109.

Воспроизводство населения и рождаемость в Израиле.

Zeidner M. Social anxiety among Jewish and Arab students in Israel // *J. of social psychology*. Provincetown, 1989. Vol. 129, № 3. P. 415—418. Bibliogr.: p. 417—418.

Социальная напряженность у арабских и еврейских студентов в Израиле.

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

Баазова Л. Грузинские евреи: Уникальность явления и опыт истории // Лит. Грузия. Тбилиси, 1989. № 6. С. 137—152.

Гоберман Д. Н. Резные каменные стелы: (Еврейские надгробия Молдавии и западных областей Украины XVIII—XIX вв.) // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. М., 1989. С. 508—516.

Евреи в СССР // *Обществ. науки*. М., 1989. № 5. С. 81—95.
«Круглый стол» в редакции журнала.

Калонтаров Я. И. Пережитки культа ивы у среднеазиатских евреев Самарканда // *Этнография в Таджикистане*. Душанбе, 1989. С. 38—41.

Канцедикас А. Еврейское народное искусство // *Декор. искусство СССР*. М., 1989. № 2. С. 37—41.

Куповецкий М. С. К этнической истории крымчаков // *Этноконтактные зоны в Европейской части СССР*. М., 1989. С. 53—69.

Deshen Sh. The Mellah society: Jewish community life in Sherifian Morocco/Rev. a. transl. from the Hebrew by the auth.— Chicago; L.: Univ. of Chicago press, 1989.— XIII, 152 p., 81 ill.— (Chicago studies in the history of judaism).— Bibliogr.: p. 141—146. Ind.: p. 147—152.

Социальная организация, повседневная жизнь, обычаи еврейской общины в Марокко в 19 в.

Fischer J. M. «Jüdischer selbshass»: Zur deutsch—jüdischen Pathologie am Ende des 19. Jahrhunderts // *Die Modernisierung dess Ich*. Passau, 1989. S. 141—151.

Антисемитизм как социально-политический феномен в Германии конца 19 в.

Holocaust: Religious, a. philosophical implications/Ed. by Roth J. K., Berenbaum M.— N.Y.: Paragon house, 1989.— XXXVI, 390 p., m.— Библиогр. в конце ст. Ind.: p. 375—390.

Геноцид евреев: религиозные, философские, исторические импликации. Сборник статей.

Oren M. B. Escalation to Suez: the Egypt—Israel border war, 1949—56 // J. of contemporary history. L. etc, 1989. Vol. 24, № 2. P. 347—373.

Военные действия между Египтом и Израилем в районе Суэцкого канала (1949—56 гг.).

Palubicki W. Roia koblety w życiu religijnym w dawnym judalzmie // Przegląd orientalistyczny. W-wa, 1989. № 3/4. S. 233—245.

Роль женщин в религиозной жизни в древнем иудаизме.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Karасова Т. Некоторые факторы современного политического развития Израиля // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 1989. № 8. С. 76—83.

Крылов А. В. Малоизвестные факты о связях сионистов с нацистами // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1989. № 1. С. 21—28.

1932—1943 гг. Послевоенная политическая карьера И. Шамира.

Arens, Moshe // Current blogr. N.Y., 1989. Voi. 50, № 7. P. 6—9.
Биография видного политического деятеля Израиля.

Capitanchik D. The people fail to decide: The Israeli general election of 1988 // Sov. a. opposition. L., 1989. Vol. 24, № 2. P. 142—157.

Анализ результатов всеобщих выборов 1988 г. в Израиле.

Duclos L.-J. Les élections israéliennes et la question palestinienne // Défense nat. P., 1989. A. 45. Févr. P. 105—118.

Итоги выборов и кнессет (ноябрь 1988 г.), позиции политических партий по палестинской проблеме.

Freedman R. O. Religion, politics, and the Israeli elections of 1988 // Middle East j. Wash., 1989. Vol. 43, № 3. P. 406—422.

Участие религиозных партий в парламентских выборах 1988 г. в Израиле.

Mansour A. Orietations politiques de l'électorat arabe d'Israël // Mahreb — Machrek: Monde arabe. P., 1989. № 126. P. 47—53.

Политические ориентации избирателей-арабов в Израиле.

Peretz D., Smooha S. Israel's twelfth knesset election: an all-loser game // Middle East j. Wash., 1989. Vol. 43, № 3. P. 388—405.

Анализ итогов парламентских выборов 1988 г. в Израиле.

Sussre B. «Parliamental» politics: a proposed constition for Israel // Parliamentary affairs. L., 1989. Vol. 42, № 1. P. 112—122.

Анализ проекта конституции Израиля.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ДВИЖЕНИЯ ИЗРАИЛЯ.

Седов Ю. Д. Сионизм в коричневом мундире: О деятельности ультраправых профашист. сил в Израиле.— М.: Воениздат, 1989.— 175 с.

Rekness E. The Arab nationalist challenge to the Israell Communist party (1970—1985) // Studies in comparative communism. Los Angeles, 1989. Vol. 22, № 4. P. 337—350.

Арабский национализм и позиция Коммунистической партии Израиля (1970—1985).

Rolef S. H. Die Israellsche Arbeiterpartei und der Friedensprozess im Nahen Osten // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte. Bonn, 1989. Jg. 36, № 12. S. 1087—1093.

Израильская партия труда и перспективы мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Башкин В. Д. Военная политика Израиля: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук/ АН СССР. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений.— М., 1989.— 18 с.

Дмитриев Е. Д., Лисицына И. В. «Феномен» Израиля в ближневосточном контексте // Народы Азии и Африки. М., 1989. № 5. С. 25—36.

Зотов А., Озеров О. Ближневосточный конфликт в 1988 г. // Международный ежегодник...: Политика и экономика. М., 1989. С. 201—211.

Карасова Т. Некоторые факты современного политического развития Израиля // Мировая экономика и междунар. отношения. М., 1989. № 8. С. 76—83.

Савцов В. Я. Преступлением и обманом: Методы и средства сионизма в осуществлении политики неокOLONиализма.— Киев: Политиздат Украины, 1989.— 204 с.— Библиогр.: с. 198—203.

Фролов А. В. Поправки к ближневосточной политике США // США: Экономика. Политика. Идеология. М., 1989. № 7. С. 88—90. Рец. на кн.: Toward Arab-Israel peace. Report of a study group.— Wash., 1988; Sahliyah E. In search of leadership. West bank politlcs since 1967.— Wash., 1988.

Фролов А. В. [Рецензия] // Народы Азии и Африки. М., 1989. № 6. С. 186—191. Рец. на кн.: The Middle East. Ten years after Camp David.— Washington. The Brookin Institutlon, 1988.— XII, 517 p.

Aipher Y. Israel and the Iran-Iraq war // The Iran—Iraq war. Basingstoke; L., 1989. P. 154—168.

Позиция Израиля по проблеме ирано-иракской войны.

Awwad E. L'Unlon Sovlétique et le conflit israélo-arabe // Défense nat. P., 1989. Oct. A. 45. P. 123—136.

Оценка позиции СССР в арабо-израильском конфликте (80-е гг.).

Awwad E. Les États-Unis et la conflit israélo-arabe // Afrique et l'Asie mod. P., 1989. № 160. P. 15—30.

Позиция США в арабо-израильском конфликте (80-е гг.).

Cohen R. Threat assessment In military intelligence; The case of Israel and Syria, 1985—86 // Intelligence a. nat. security. L., 1989. Vol. 4, № 4. P. 735—764.

Сирийско-израильские отношения: напряжение и стабильность. Военно-разведывательные службы двух стран в период 1985—1986 гг.

Irwin Z. Israel and the Soviet Union: A slow thaw // World today. L., 1989. Vol. 45, № 5. P. 74—76.

Оценка развития советско-израильских отношений в 1988—1989 гг.

Gottstein P. Die PLO — DImention Israelischer Aussenpolitik gegenüber Ägypten, Jordanien und Marokko // Aussenpolitik. Hamburg. 1989. Jg. 40, Quartal 33. S. 303—316.

Палестинская проблема и политика Израйля в отношении Египта, Иордании и Марокко (80-е гг.).

Laskier M. M. Jewish emigration from Morocco to Israel: Government policies and the position of International Jewish Organlzations, 1949—1956 // Middle Eastern studies. L., 1989. Vol. 25, № 3. P. 323—362.

Эмиграция евреев из Марокко в Израиль. Политика правительств двух стран и отношение международных еврейских организаций (1949—1956).

Lesch A. M., Tessier M. Israel, Egypt, and the Palestinians: From Camp David to Intifada/Forew. by Parker R. B.— Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1989.— XIV, 298 p.— (Indiana ser. in Arab a. Islamic studies).— Ind.: p. 293—298.

Египетско-израильские отношения и перспективы решения палестинской проблемы.

Marcus J. The polttics of Israel's security // Intern. affairs. L., 1989. Vol. 65, № 2. P. 233—246.

Политика Израйля в области национальной безопасности.

Mc Dowall D. Palestline and Israel: The uprising a. beyond.— Berkeley; Los Angeles: Unlv. of Callifornia press, 1989.— XIII, 322 p.— Ind.: p. 315—322.

Палестинско-израильский конфликт. Восстание на оккупированных территориях (1987).

Neustadt A. Der deutsch-Israelische Diälog im Schatten der «Intifada» // Europa — Arch. Bonn, 1989. J. 44, f. 14. S. 447—456.

Восстание палестинцев на оккупированных территориях и отношения между Израилем и ФРГ (1988 г.).

Norton A. R. The Soviet Union and the Arab—Israell conflict // The limits of Soviet power in the developing world. L. etc., 1989. P. 275—300.

СССР и арабо-израильские отношения в 80-е гг.

Pinto R. La délimitation de la frontlière entre l'Egypt et Israël dans la Zone de Taba: (Sentence Israëlo-égyptien du 26 févr. et Accord israëlo-égyptien du 26 févr. 1989) // J. du droit intern. P., 1989. A. 116, № 3. P. 569—619.

Тексты документов об установлении границы между Израилем и Египтом в районе Табы (26 февр. 1989 г.).

Réti E. Izrael és a magyar-izraeli kapcsolatok negy évitizede // *Külpolitika*. Вр., 1989. 16. évf., 3. sz. 120—138. old.

40-летие установления дипломатических отношений между Венгрией и Израилем.

Slater J. The USSR and Israel: links and ties // *Middle East intern. L.*, 1989. 6 Oct. № 360. P. 17—18.

Оценка развития отношений между СССР и Израилем.

Varadi M. Profezia e politica: L' «iniziativa di pace del Governo d'Israele» // *Riv. di studi polit. intern. Firenze*, 1989. A. 56, № 3. P. 339—349.

План израильского правительства по урегулированию арабо-израильских отношений.

ЭКОНОМИКА

Афиногенов В. В. Некоторые особенности монополизации экономики Израйля // *Проблемы развития капитализма в странах Востока*. М., 1989. С. 113—134.

Глухов С. Ю. Возникновение и развитие военно-промышленного комплекса Израйля: Автореф. дис. ... канд. экон. наук/АН СССР. Ин-т востоковедения.— М., 1989.— 16 с.

Федорченко А. Сельская кооперация Израйля // *Сов. потреб. кооп.* М., 1989. № 12. С. 46—48.

Ямлинец Б. Ф. Внешняя торговля Израйля: проблемы и тенденции/АН СССР. Ин-т востоковедения.— М., 1989.— 143 с.— Библиогр.: с. 141—143.— Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 30144 от 04.08.89.

Artstein Y., Sussman Z. Wage policy in a high-inflation economy: the Israel experience // *Incomes policies*. Basingstoke; L., 1989. P. 150—170. Bibliogr.: p. 169—170.

Израильская экономика 1960—1988 гг.: политика в области заработной платы в период роста инфляции.

Beaugé F. Les rêves brisés de Dimona, ville de «pionniers» // *Monde diplomatique*. P., 1989. A. 36, № 419. P. 8—9.

Трудности социально-экономического развития новых городов Израйля (на примере г. Димона, построенного в середине 50-х гг. в Негеве).

Corbo V., Mc Nelis P. D. The pricing of manufactured goods during Trade liberalization: Evidence from Chile, Israel, and Korea // *Rev. of economics a. statistics*. Amsterdam, 1989. Vol. 71, № 3. P. 491—499. Bibliogr.: p. 499.

Либерализационные меры в торговле и ценообразовании в сфере промышленных товаров (на примере Израйля, Чили, Южной Кореи).

Der deutsch-israelische Dialog: Documentation eines erregenden Kapitels dt. Aussenpolitik/Hrsg. von Vogel R. — München etc.: Saur, 1989.

T. 2. Wirtschaft/Landwirtschaft. Bd. 4. XXXVII, 451 S. Idem. Bd. 5. XIX, 453—1010 S. Namenreg.: S. 1005—1010.

Документы и материалы, касающиеся торгово-экономических связей между ФРГ и Израилем.

Israeli new shegel // Intern. currency riv. L., 1989. Vol. 20, № 1. P. 173—185.

Курс шекеля.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Ben-Ari E. Masks and soldiering: The Israell army and the Palestinian uprising // Cultural anthropology. Wash., 1989. Vol. 4, № 4. P. 372—389. Bibliogr.: p. 387—389.

Воспитание солдат израильской армии на контролируемой территории Палестины в условиях интифады.

Roll Y., Golany B., Seroussy D. Measuring the efficiency of maintenance units in the Israeli Air Force // Europ. j. of operational research. Amsterdam, 1989. Vol. 43, № 2. P. 136—142. Bibliogr.: p. 142.

Оценка эффективности действий частей материально-технического обеспечения в ВВС Израила.

КУЛЬТУРА. НАУКА

Der deutsch-Israelische Dialog: Documentation eines errrenden Kapitels dt. Aussenpolitik/Hrsg. von Vogel R.— München etc.: Saur, 1989.
Т. 3. Kultur. Bd. 6. XXIII, 433 S.

Документы, касающиеся отношений между ФРГ и Израилем в области культуры.

Simpson J., Acton Ph., Crowe S. The Israeli satellite launch: Capablilities, Intermtions and Implications // Space policy. Guildford, 1989. Vol. 5, № 2. P. 117—128.

Перспективы запуска Израилем искусственных спутников, направления космических исследований.

Tal E. Science and technology policy advice in Israel // Science a. publ. policy. Guildford, 1989. Vol. 16, № 4. P. 230—246.

Политика в области науки и технологии в Израиле.

ЛИТЕРАТУРА. ФОЛЬКЛОР

Баруздин С. Чтобы небо стало ясным: (К 130-летию со дня рождения Шолом-Алейхема) // Лит. газ. М., 1989. 22 марта. № 12. С. 5.

Баторын Ф. На мову Купалы і Коласа: Да праблемы перекладу яўрэйскай паэзіі Беларусі // Полюмя. Мінск, 1989. № 8. С. 206—210.

Бейдер Х. К истории романа Шолом-Алейхема «Кровавая шутка» // Год за годом. М., 1989. № 5. С. 289—304.

Отклик Шолом-Алейхема на антисемитскую кампанию в Киеве (1911). В статье публикуется переписка писателя с А. Амфитеатовым и М. Горьким.

Бродский А. Реальность НТР и космичность поэтического сознания: (Лестница в небо, или полторы истины) // Горизонт. Кишинев, 1989.— № 3.— С. 39—43.

Послесловие к подборке стихотворений Л. Беринского.

Вайнштейн М. И. Ранние элементы еврейской (ашкеназской) музыкальной традиции: (на примере напевов праздника Йом-Кипур) // Традиция в истории музыкальной культуры. Л., 1989. С. 136—152. Рез. англ.

Ванев А. Галкин в Абези // ВЕК. Рига, 1989. № 10. С. 12—13.

К биографии поэта. Вступительная статья к подборке стихотворений.

Вергелис А. Прогноз на XXI век // Год за годом. М., 1989. № 5. С. 413—426.

О судьбе национальной еврейской литературы.

Грузман Э. Родоначальник еврейской радянської поезії // Рад. літературознавство. Київ, 1989. № 10. С. 53—55. К 100-летию со дня рождения О. Шварцмана.

Крутиков М. Звезда Самуила Галкина // ВЕК. Рига, 1989. № 10. С. 17—18.

О поэзии С. З. Галкина.

Мангер И. Из «Открытого письма Шмуэлю Галкину» // ВЕК. Рига, 1989. № 10. С. 19—20.

Творческий портрет поэта.

Прокофьев Д. Израильская драматургия гротескового реализма (70-е годы): (Обзор) // Соврем. худож. лит. за рубежом. М., 1989. № 4. С. 36—41.

Albius F. Das Märchen im Alten Testament // Ztschr. für Theologie u. Kirche. Tübingen, 1989. J. 86, N. 4. S. 455—476.

Использование элементов фольклора в ветхозаветной литературе.

Halle M. Syllable-counting meters and pattern poetry in the Old Testament // Studia linguistica et orientalia memoriae Haim Blanc dedicatz. Wiesbaden, 1989. P. 110—120.

Силлабо-тонические размеры и поэзия в Ветхом Завете.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бурштейн А. М., Бурштейн Б. И. Динамика именного фонда евреев Перми, 1918—1987 гг.: (Именник малой группы в многонациональном городе) // Этноконтактные зоны в европейской части СССР. М., 1989. С. 121—133.

Жамкочян А. С. Данные о самаритянской письменности в ранних памятниках западноевропейского востоковедения и арменистики // Вестн. обществ. наук АН АрмССР. Ереван, 1989. № 6. С. 70—72. Рез. арм.

Изыскания ученого-ориенталиста Иосифа Юстаса Скалигера (1540—1590).

Иегуди, дабер иврит! / Публ. подгот. Гафт Б. // ВЕК. Рига, 1989. С. 27—29.

О Лазаре Перельмане (Элизер Бен-Иегуда), способствовавшем распространению иврита.

Bar-Gal J. Cultural-geographical aspects of street names in the towns of Israel // *Names*. N.Y., 1989. Vol. 37, № 4. P. 329—344. Bibliogr.: p. 343—344.

Культурно-географические аспекты названий улиц в израильских городах.

Barr J. «Determination» and the definite article in Biblical Hebrew // *J. of Semitic studies*. Manchester, 1989. Vol. 34, № 2. P. 307—335.

Детерминация и определенный артикль в библейском иврите.

Bering D. Gewalt gegen Namen: Ein sprachwissenschaftlicher Beitrag zur Geschichte und Wirkung des Alltagsantisemitismus // *Muttersprache*. Wiesbaden, 1989. Bd. 99, № 3. S. 193—212.

История формирования и проявления бытового антисемитизма: лингвистический аспект. История имен еврейского населения Германии, попытки заменить их на немецкие и отношение к этому процессу.

Berman R. A. The role of blends in Modern Hebrew word-formation // *Studia linguistica et orientalia memoriae Haim Blanc dedicata*. Wiesbaden, 1989. P. 45—61. Bibliogr.: p. 61.

Место «телескопических» слов в словообразовании современного иврита.

Glinert L. A note on the morphology of sequential counting forms: The case of Modern Hebrew // *J. of Semitic studies*. Manchester, 1989. Vol. 34, № 1. P. 179—181.

Согласование порядковых числительных с существительными в роде.

Glinert L. A unified framework for identity and similarity structures Israeli Hebrew KMO // *Studia linguistica et orientalia memoriae Haim Blanc dedicata*. Wiesbaden, 1989. P. 104—109.

Структуры, выражающие подобие и сходство в современном иврите.

Gold D. L. A sketch of the linguistic situation in Israel today // *Lang. in soc. L.*, 1989. Vol. 18, № 3. P. 361—388. Bibliogr.: p. 387—388.

Языковая ситуация в Израиле.

Gold D. L. Another look at Israeli Hebre PITA «flat bread»: A borrowing from Judezmo and Yiddish // *Romance philology*. Berkeley, 1989. Vol. 42, № 3. P. 276—278.

Этимология существительного pita в иврите.

Halle M. Addendum to Prince's «Metrical forms» // *Rhythm and meter*. San Diego etc., 1989. P. 81—86.

Дополнения к статье А. Prince «Metrical forms». На материале древнееврейской поэзии.

Hardmeler C., Talstra E. Sprachgestalt und Sinngehalt: Wege zu neuen Instrumenten der computergestützten Textwahrnehmung // *Ztschr. für die alttestamentliche Wiss.* Berlin (West); N.Y., 1989. Bd. 101, H. 3. S. 408—428.

Автоматический семантический анализ древнееврейского текста.

Janzen J. G. The root PR in Judges 2 and Deuteronomy XXXII 42 // *Vetus testamentum*. Leiden, 1989. Vol. 39, № 4. P. 393—406.

Древнееврейский корень pr в библейских текстах.

Khan G. The pronunclation of before DAGEŠ^v in the Medleval Tiberian Hebrew reading traditlon // J. of Semiltic studies. Manchester, 1989. Vol. 34, № 2. P. 433—441.

Происхождение сочетания звуков перед словом dageš в традициях чтения в средневековом тиберианском иврите.

Kramer J. Templum Salomonis: Technische sprache im Bibeltext In antiken und französischen Übersetzungen // Technische Sprache und Technolekte in der Romanla. Tübingen, 1989. S. 278—299.

Техническая терминология в тексте Библии и ее перевод в Античный период и на французский язык.

Malone J. L. Gemnates, the obligatory contour princplie and tler conflation: The case of Tiberian Hebrew // General linguistics. Unversity Park, 1989. Vol. 29, № 2. P. 112—130. Bibliogr.: p. 129—130.

Граница слова и мелодика в иврите.

Prokopówna E. The image of the «Shtetl» In Polish literature // Polin. Oxford, 1989. Vol. 4. P. 129—142.

Существительное, заимствованное из идиша в польский язык.

Revell F. J. The conditloning of word order In verbless clauses In Biblical Hebrew // J. of Semitic studies. Manchester, 1989. Vol. 34, № 1. P. 1—24.

Порядок слов в безглагольных предложениях древнееврейского языка.

Revell F. J. The Tiberian reflexes of short I In closed syllables // J. of Amer. Oriental soc. New Haven, 1989. Vol. 109, № 2. P. 183—203. Bibliogr.: p. 202—203.

Короткое *i* в закрытых слогах в истории иврита.

Schökel L. A. Hebreo español: Notas de semántica comparada // Sefarad. Madrid, 1989. A. 49, fasc. 1. P. 11—19. Рез. англ.

Сопоставительная семантика иврита и испанского языка.

Studia linguistica et orientalia memorlae Haim Blanc dedicata/Ed. by Wexler P. et al.— Wiesbaden: Haarasowitz, 1989.— VIII, 314 p., portr.— (Mediterranean lang. a. culture monogr. ser.; Vol. 6).— Текст на англ. и нем. яз. Библиогр. в конце ст.

Сборники по арабскому языкознанию и гебраистике.

Tobin Y. A functional approach to invarlance, varlation and markedness: The two «hows» in Modern Hebrew; a case In point // Linguistique. P., 1989. Vol. 25, fasc. 2. P. 143—165. Bibliogr.: p. 164—165.

Вариантность вопросительной формы в современном иврите.

Watson W. G. E. The unnoticed word pair «eye(s)»/«heart» // Ztschr. für die alttestamentliche Wiss. Berlin (West); N.Y., 1989. Bd. 101, H. 3. P. 398—408.

Параллелизм слов и концептов «глаза»/«сердце» в памятниках древних языков, в частности в Библии.

Wright L. S. MKR In 2 Kings XII 5—17 and Deuteronomy XVIII 8 // Vetus testamentum. Lelden, 1989. Vol. 39, № 4. P. 438—448.

Анализ древнееврейских библеизмов.

А. Локшин

Pogroms: anti-jewish violence in modern Russian history. Edited by John D.Klier and Shlomo Lambroza. Cambridge university press: 1992, XX p., 393 p.

Погромы: антиеврейское насилие в новой русской истории. Кембридж, 1992.

В 1984 г. американский историк Шломо Ламброза предложил проект коллективного исследования еврейских погромов в царской России конца XIX—начала XX в. и революционной России периода гражданской войны. Эта идея, реализованная в виде весьма объемистого тома ко времени его выхода в 1992 г., к сожалению, перестала представлять лишь академический интерес. Ирония как раз состоит в том, отмечают редакторы книги — английский профессор истории Джон Клин и Шломо Ламброза, — что их «том появился в момент, когда межэтническое насилие в целом и антиеврейские угрозы в особенности вновь появились в Советском Союзе». Эскалация этого насилия во многих государственных образованиях, возникших на развалинах Советской империи, продолжается, охватывая все новые территории и нации.

Угроза еврейских погромов, возникшая в самый разгар горбачевской перестройки, напрямую связана с активизацией антисемитских организаций, весьма терпимым отношением к ним так называемых «компетентных органов», как, впрочем, и застарелым юдофобством, распространенным в различных слоях общества. Слухи о погромах активно распространялись в различных городах страны накануне 1000-летия крещения Руси в мае 1988 г., а также и позже, в 1989–1991 гг. (назначались даже конкретные даты). Симптоматично, что погромная агитация, несколько поутихшая после крушения коммунистического режима в августе 1991 г., вновь начала набирать обороты. Этот факт показателен и в рамках концепции рецензируемой книги.

В сборнике рассматриваются три главных волны еврейских погромов, происходивших в Российской империи, главным образом на юге в 1881–1884 гг., 1903–1906 гг. и 1919–1921 гг. Для презентации книги и лучшего понимания концептуальных подходов, изложенных в ней, перечислим опуб-

ликованные статьи: Джон Клир «Русское еврейство накануне погромов» и «Парадигма погрома в русской истории», Михаэль Аронсон (Израиль) «Антиеврейские погромы в России в 1881 г.», Моше Мишкинский (Израиль) «Черный Передел» и погромы 1881—1882 гг.», Эрих Хаберер (Канада) «Космополитизм, антисемитизм и народничество: переоценка русской и еврейской социалистической реакции на погромы 1881—1882 гг.». Александр Орбах (США) «Развитие русско-еврейской общины 1881—1903 гг.», Михаэль Окс (США) «Царская бюрократия и антиеврейские погромы в Польше», Шломо Ламброза «Погромы 1903—1906 гг.», Роберт Вайнберг (США) «Погром 1905 г. в Одессе: предмет изучения», Петер Кенез (США) «Погромы и белая идеология в гражданской войне в России», Ханс Роггер (США) написал Заключение к книге, Авраам Гринбаум (Израиль) — Библиографический очерк.

Погромы заставляют ответить на вопрос, который с каждым новым погромом возникал вновь и вновь. Было ли свершившееся насилие спонтанным или организованным, кто был инициатором погрома, каковы его мотивы? Показательно, что исследователи обычно не делали почти никакой разницы между двумя волнами еврейских погромов 1881 и 1905 гг. На историков, обращавшихся к первой волне, несомненно, оказывали влияние (на что указывает Аронсон), последующие аналогичные события, погромы гражданской войны и Катастрофа. В этих трагедиях более чем определено присутствовала направляющая рука. Нельзя не учитывать и такую особенность сознания многих современников, а также исследователей, как благовоющее отношение к народной массе, опиравшееся на ничем не замутненную народническую веру в народ. К определенному выводу толкали историков массовый и почти одновременный накат погромной волны, нерешительность и пассивность центральных и местных властей, обладавших огромными возможностями не допустить или тотчас же подавить насилие, стремление переложить вину на сами жертвы, нежелание серьезно наказать погромщиков и тому подобные факты.

В устоявшейся десятилетиями историографии этого вопроса безраздельно господствовало мнение (идущее от статей революционных публицистов-современников, а также Нестора русско-еврейской историографии — С.Дубнова и вплоть до маститого, недавно скончавшегося израильского историка Ш.Эттингера), что погромы — результат прямого вмешательства царского правительства или по крайней мере созданных им организаций типа «Священной дружины» (1881) или «Союза русского народа» (1905).

Многие современные исследователи приходят к заключению, что погромы конца прошлого столетия явились результатом сложного переплетения разнообразных исторических факторов. Так, Аронсон — автор монографического исследования о погромах начала 1880-х гг. («Troubled Waters: the origins of 1881 anti-jewish pogroms in Russia». Pittsburgh, 1991) пишет, что ускоренная модернизация и индустриализация, проходившая в России между 1860 и 1880 гг., создали «неустойчивость в русской социальной, экономической, культурной и политических системах». Условия необычной атмосферы весны 1881 г. (убийство Александра II и связанные с ним потрясения, экономический кризис, дополненный застарелыми национальными и религиозными антагонизмами) привели к погромам. Симптоматично, что погромы явились неожиданными для очень многих: нового царя Александра III и его министров, посчитавших погромы делом рук анархистов, народныхольцев, увидевших в них начало долгожданной народной революции, и даже для редакторов антисемитских газет. Само правительство страшилось любого народного насилия, включая погромы, видя в них угрозу существующему порядку. Однако, с другой стороны, оно не стремилось решительно пресечь беспорядки, видя в погромщиках вполне лояльных подданных монархического режима. Подобный подход властей был более или менее однозначным не только в черте оседлости, но и, как показал Окс, автор статьи о погромах в русской Польше, — и в Варшаве.

Новая погромная волна, начало которой положил в 1903 г. Кишинев, по масштабам и характеру явилась детищем нового столетия. В обстановке общего усиления насилия в русской жизни евреи оказались наименее защищенной группой. Погромы 1903—1906 гг. показали куда большую вовлеченность в них властей. Очень скоро вскрылись прямо убийственные для правительства факты. В Департаменте полиции в 1905 г. была оборудована типография, печатавшая погромные прокламации, обращенные к армии и населению. Руководитель типографии ротмистр М. Комиссаров откровенно заявлял: «Погром устроить можно какой угодно, хотите на 10 человек, хотите на 10 тысяч» (Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв первый. Сессия первая. Т. II. Стлб. 1131. СПб., 1906.) Вайнберг на примере одесского погрома раскрыл механизм прямой вовлеченности местных властей (и гражданских и военных) в убийство детей, стариков, женщин. И все же скорее не правы «историки-традиционалисты» (Дубнов, Гринберг, Моцкин), писавшие о «погромной политике цариз-

ма». Более точен Ламброза. Действительно, в высших сферах, отмечает он, были люди, которые содействовали погромам и провоцировали их. За погромы ответственны Николай II, вел.кн. Николай Николаевич, П.Трепов, другие члены царской камарильи. А наряду с ними целый сонм начальников на местах: губернаторы, командующие гарнизонами, полицеймейстеры (с.239). Но в правительстве были и те, кто решительно воспротивился таким действиям: премьер С.Витте, министр внутренних дел П.Дурново, их мнение разделяли многие представители местных властей. Погромы скорее явились результатом насаждения антисемитизма в стране. «Правительство сознательно, умышленно, намеренно, откровенно поддерживало антисемитскую активность... позиция правительства создала условия, которые позволили погромам произойти... Политика властей покоилась на ложной вере в то, что, преследуя евреев, они в некотором роде нейтрализуют революционное движение. Правительство... видело то, что хотело видеть, и слышало то, что хотело услышать... Именно нежелание считаться с реальным миром вещей унесло много безвинных жизней и в конечном счете сокрушило саму династию Романовых» (с.242).

Очень важной представляется еще одна особенность книги. Ее авторы обращаются не только к мотивам и менталитету властей, но и анализируют настроения толпы, социальный состав участников насилий над евреями. Роггер в заключительной статье вводит погромы в контекст антиеврейских и иных расовых взрывов в Европе и Америке в XIX—XX вв. Он замечает, что уникальным примером напрямую организованных взрывов «народного гнева» является «Хрустальная ночь» или безымянный погром ноября 1938 г. в той же Германии. Разумеется, мотивы громил, помимо традиционного юдофобского набора, коррелировались историческим моментом. Масштабные погромы, последовавшие за Манифестом 17 октября, отражали массовые фобии, что уравнение евреев в правах ухудшит положение христианского населения.

Третья волна антиеврейского насилия, охватившая обширные территории бывшей империи в годы гражданской войны, добавила к традиционным мифам и «заговор сионских мудрецов». Деяния Троцкого, Зиновьева и Каменева в воспаленном юдофобском создании, казалось, подтверждали стремление «жидов» к мировому господству. Ненависть к еврейству, пожалуй, являлась единственным началом, объединившим противоборствующие силы в гражданской войне. Анархизирующие крестьяне, наполнявшие отряды всевозможных атаманов и

«батьков», видели в евреях «эксплуататорский» элемент, символизировавший ненавистный им город. Украинские националисты Симона Петлюры считали евреев пособниками «москалей». А для добровольцев они были синонимом большевизма. Начавшиеся было погромы еврейских «эксплуататоров» некоторыми частями Красной Армии в 1918 г. были решительно пресечены ее командованием. Уделивший большое внимание идеологии белого офицерства американский историк Кенез замечает, что их патологический антисемитизм «родился из необходимости объяснить прежде всего себе самим, почему произошла революция. Евреи были для них теми микробами, которые уничтожили живое тело их Родины» (с.310). По оценке, принятой в западной историографии, деникинцы во время массовых погромов на Украине убили до 100 тысяч евреев. Антисемитизм белых, как и совсем недавно аналогичные убеждения царя и его окружения, обрекали на параноидальное восприятие мира, которое могло принести временный успех, но в конечном счете обрекало их носителей на поражение.

Построение тома, когда почти до половины его объема посвящено первой волне погромов, в какой-то мере отражает современный уровень изученности проблемы. Тем самым как бы определяется хронологическая направленность новых исследований. Две последние массовые волны насилия имели для многомиллионного еврейства России далеко идущие последствия.

Особенно это касается трагедии 1919—1921 гг., во многом определившей политические настроения значительной массы еврейства, оказавшегося в границах советской России. Однако эта волна, самая разрушительная и страшная в новейшей истории России, не стала объектом серьезного внимания в рецензируемом сборнике. После обстоятельного анализа положения евреев в России до 1881 г. (статья Клира) и между 1881 и 1903 гг. (статья Орбаха) эта линия не получила логического продолжения. В принципе правильное утверждение Орбаха, что «немедленные ответы на Кишинев, активная самооборона и политизация русского еврейства не были новыми ответами... они были скорее плодами более чем двадцатилетних усилий» (с.160), не снимает тем не менее самостоятельного анализа последствий погромных насилий (демографических, экономических, идейно-политических), по сути ставших прелюдией Катастрофы евреев Европы.

Комплексное изучение погромов в царской и советской России показывает несомненную перспективность подобного рода исследований. Раскрытие архивов в России, на Украине и в других странах СНГ открывает возможность для изучения це-

лого ряда вопросов, например, сравнительного анализа политики царского и советского режимов в еврейском вопросе, особенностей антисемитского создания «верхов» и «низов» в Российской империи и Советском Союзе.

Современные межэтнические трагедии, разыгравшиеся на территориях бывшего СССР, заставляют вновь обратиться к проклятым вопросам прошлого, которые на удивление близки современной ситуации.

А. Рогачевский

НОВЫЕ КНИГИ «БИБЛИОТЕКИ-АЛИЯ» ПО ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Среди изданий, выпущенных в Иерусалиме в серии «Библиотека-Алия» в 1991 г., три книги посвящены историческому описанию важнейших фаз культурного и социального развития еврейского народа, существенно повлиявших на формирование облика нации: периоду взаимодействия еврейской и эллинистической культур (примерно с 300 г. до н.э. по 300 г. н.э.), талмудической эпохе (начавшейся во времена войн Александра Великого в Азии в 30-е гг. IV в. до н.э. и завершившейся к VI в. н.э.), интенсивному воздействию на иудаизм ислама (приблизительно с VIII по XI в. н.э.), движению еврейского просвещения — Гаскале (вторая половина XVIII в.) и зарождению и развитию сионизма в Восточной Европе (конец XIX—начало XX в.). Сочетая доступность изложения с выверенностью исследовательской методики, авторы значительно расширяют кругозор даже у сведущего читателя.

Первая из книг (расположим их в хронологическом порядке) — «Три великие эпохи в истории еврейского народа» — объединяет под одной обложкой статьи таких известных в своей сфере специалистов, как Ральф Маркус (1900—1956), Гершон Кохен (р. 1924) и Аврахам Галкин (1903—1990). Публикуемые работы взяты из сборника «Great Ages and Ideas of The Jewish People» (ed. Leo W. Schwarz; Random House, 1956) и переведены с английского А.Любинским. Авторы статей не стремились снабдить читателя бесконечным списком имен, географических названий и дат, да это и невозможно, учитывая скромный объем их сочинений. Цель участников сборника скорее состояла в том, чтобы в ходе сопоставительного анализа очертить те направления, по которым пошло развитие еврейского общества в постбиблейский период. Сквозная тема всех трех статей — противоречия между двумя тенденциями, извечно присущими еврейской мысли: культурной ассимиляцией и потребностью участвовать в процессах, протекавших в окружающей евреев среде,

с одной стороны, и желанием сохранить свою национальную самобытность — с другой.

В работе Р.Маркуса, посвященной эллинистической эпохе, в которую евреи, пожалуй, впервые столкнулись с ассимиляторской, широко распространенной и притягательной культурой, ставится вопрос, насколько можно было проникнуться этой культурой, не отходя от исконных еврейских традиций, а также рассматриваются различные варианты разрешения данной дилеммы. Один из наиболее выдающихся еврейских мыслителей эллинистической эпохи, Филон Александрийский, находился под сильным влиянием греческой культуры, так что для полноты понимания его произведений подчас бывает необходимо «отрешиться от всего *иудейского* в Филоне и сосредоточиться на *эллинском* в нем»^{*}.

Однако Филон не порывал с иудаизмом, в отличие от своего племянника Тиберия Юлия Александра, который, будучи правителем Египта, жестоко расправился с восставшими евреями и способствовал в конечном счете успеху римских войск, взявших Иерусалим штурмом и разрушивших Второй Храм (70 г. н.э.). Хасмонеи, в 167 г. до н.э. поднявшие восстание против греко-сирийских завоевателей, с течением времени все больше эллинизировались и, став царями, обнаружили отчетливую тенденцию к копированию стиля эллинистических монархов как в изображениях на монетах, так и в официальных титулах.

Несмотря на то, что греко-римское влияние в этот период зашло так далеко, что даже в переводе Танаха на греческий язык (Септуагинта) встречаются греческие мифологические термины (например, титан), еврейские имена часто эллинизированы, в поэтических фрагментах используются греческие метрические формы,— все же в еврейском обществе существовали силы, противившиеся проникновению эллинистических обычаев. Это были фарисеи, что означает «сепаратисты»,— приверженцы оформившейся во второй половине II в. до н.э. религиозно-политической доктрины, признававшие неоспоримый авторитет Устного закона и противопоставлявшие себя космополитически настроенным Хасмонеям. По мнению Р.Маркуса, именно фарисеям евреи обязаны сохранением духа пророческого иудаизма с его требованиями социальной справедливости, мессианским упованием на неизбежное обращение

^{*} *Левинская О.Л.* Восемь сочинений Филона Александрийского: Загадки и ответ // Балканские чтения 1: Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990. С. 62.

всего рода человеческого к вере в Бога — Отца всех людей и призывами ко всеобщему братству.

На основе движения фарисеев зарождается и расцветает раввинистическая культура, вершиной которой становится создание Иерусалимского и Вавилонского Талмудов. Описанию связанных с раввинистическим руководством процессов, происходивших в еврейском обществе, посвящено исследование Г.Кохена. Вскоре после разрушения Второго Храма полномочия интерпретировать Закон и учить народ перешли от священника, которому более негде было отправлять службу, к ученому, знатоку Торы, раввину. Ответственность за исполнение религиозных обрядов, возлагавшаяся ранее на служителей Храма, отныне стала прерогативой каждого члена общины. Община выжила, несмотря на то, что ее святыни были уничтожены. Г.Кохен считает, что это произошло благодаря взаимодействию пяти факторов: 1) понесшее значительные потери в войне с Римом еврейское население Эрец Исраэль все же по-прежнему занимало большую часть территории страны, хотя Иерусалим и стал евреям недоступен; 2) религиозная ориентация еврейских масс не изменилась, что способствовало сохранению целостности еврейской традиции; 3) переход к талмудической общине произошел почти безболезненно благодаря полутысячелетнему опыту диаспоры, жизни вдали от родины, Храма, священства: уже тогда многим евреям их этнические и религиозные институты заменяли территорию и государство; 4) нанесенное римлянами поражение евреи рассматривали не как банкротство традиционного иудаизма, но как тяжелое наказание Г-спода; задача, следовательно, состояла в том, чтобы снова попытаться сделать свой народ достойным Б-жественной любви — на ее-то разрешение и были направлены усилия талмудического иудаизма; 5) нельзя сбрасывать со счетов и относительную религиозную терпимость римлян, не объявлявших иудаизм вне закона.

Одним из важнейших следствий смены священства раввинам, по-видимому, следует считать допустимость множественных толкований Закона, Б-жественного учения, — ведь миссия раввинов не была вручена им свыше и не освящалась династическим авторитетом. Различные пути и способы применения Торы в реальной жизни не исключали, а дополняли друг друга. «Обе точки зрения — слова Б-га Живого», — говорили мудрецы, а абсолютную однозначность учение обретет лишь с возвращением пророка Элияху (Илии). Такие плюрализм и толерантность питали и укрепляли религиозную ве-

ру, поддерживавшую единство еврейского сообщества в длительный период отсутствия политической независимости.

Существование талмудического иудаизма в условиях мусульманской империи рассмотрено А.Галкиным. Как утверждает третий участник сборника, влияние ислама на еврейскую мысль сказалось в следующих моментах: 1) уже к X в. евреи, жившие в пределах империи, в массе своей пользовались арабским языком не только в устной речи, но и на письме, а значит, до какой-то степени идентифицировали себя с арабской культурой; 2) в том же X в. начинается интенсивный процесс развития нерелигиозной поэзии и художественной прозы на иврите (ранее еврейская литература была почти без исключения литературой религиозной), причем темы произведений заимствуются из мусульманской поэзии: вино и пиры, музыка и танец, женщины и иные мирские наслаждения; 3) особенностями религиозной и правоведческой литературы становятся рационализация аргументов, повышенное внимание к системности изложения материала и стройности композиции, ранее почти отсутствующие. Это заметно, например, в трудах таких вавилонских раввинов, как гаоны Саадия, Хай и Шмуэль бен Хофни. Повествование о разнообразной литературной деятельности евреев той поры переносит читателя из Вавилонии — центра новой империи — в Северную Африку, а затем — в Испанию. Нельзя не сожалеть, что этот наименее известный (во всяком случае, для специалистов) период еврейской истории — взаимодействие иудаизма и ислама в раннем средневековье — охарактеризован менее подробно, чем два предыдущих.

Надо отметить, что сборнику недостает взаимной сбалансированности входящих в него работ: так, талмудическая эпоха, если сравнивать периодизации Р.Маркуса и Г.Кохена, вбирает в себя эллинистическую, однако последний не рассматривает греко-римское влияние как заслуживающее специального вычленения. Разнится и оценка Р.Маркусом и А.Галкиным реакции евреев на эллинизацию (у Галкина ситуация представлена как куда менее драматическая).

Ставший, пожалуй, классическим труд известного израильского историка, социолога и педагога Якова Каца (р.1904) «Кризис традиции на пороге Нового времени» (1958; пер. с иврита М.Вайскопфа) относится к совсем иной эпохе. Автор поставил перед собой задачу осветить в понятиях социально-исторического анализа структуру традиционного еврейского общества в Европе (точнее, в Литве, Польше, Венгрии и немецких землях) на этапе, предшествовавшем его распаду, то есть с XVI по вторую половину XVIII в. Внимание привле-

кают типичные еврейские институты, и прежде всего — наиболее обычное самоуправляющееся еврейское объединение, включающее в сферу своей деятельности едва ли не все аспекты жизни общества, то есть община (*кехилла*). В качестве регулятора жизни общины Я.Кац рассматривает преимущественно не религиозное право, а местный обычай (*минхаг*).

Состав руководства общины находился в зависимости от ее величины: например, малые общины управлялись коллективно или одним ученым мудрецом, для больших же требовалась разветвленная иерархическая структура. Возглавляла большую общину группа из четырех — десяти человек, так называемых *парнасим* (попечителей). За ними в иерархии шли *товим* (нотабли), затем *габаим* и *мемуним* (надзиратели). Нотабли помогали попечителям. *Габаим*, ответственные за благотворительность, надзирали за казной общины или за делами синагоги. Надзиратели контролировали цены на рынке, следили за рыночными мерами и весами и за ритуальной чистотой. На все эти должности кандидаты назначались, и исполнение их было общественной повинностью. Хотя за желанием занять некий пост могли скрываться эгоистические интересы и мотивы, в основном перечисленные должности были бесплатными и почетными, а единственной и чрезвычайно надежной гарантией верной службы являлся религиозный страх.

Я.Кац перечисляет также признаки и функции надобщинных организаций (таких, как *галил* и *медина*), религиозных институтов (деятельность раввинов, проповедничество, синагогальная служба), образовательных учреждений (*хедер*, *талмуд-тора*, *иешива*), еврейских общественных ассоциаций (*хебра-кадиша* и др.), — как в их наиболее часто встречающихся формах, так и с учетом различных местных вариантов.

Подчас автор настолько глубоко проникает в изучаемый предмет, что сам как бы разделяет точку зрения члена ашкеназской общины указанного периода. Это помогает современному читателю уважительно относиться к традициям, которые сегодня почти повсеместно кажутся давно устаревшими и не соблюдаются. Приведем только один пример. Согласно тогдашним представлениям, еврейский брак должен быть настолько ранним, насколько это возможно, при том, что его устраивали родители или родственники жениха и невесты, но очень-то считавшиеся с личными симпатиями или антипатиями брачующихся. Я.Кац поясняет, что поскольку половые связи и эротическое удовлетворение вне моногамного брака талмудическим иудаизмом запрещались, у еврея, воспитанного в таких взглядах, не было иной альтернативы, кроме раннего

брака для себя и своих сыновей: еврейская этика недвусмысленно утверждала, что безбрачием не победить искушений плоти. Право же родителей устраивать судьбу своих детей в подобной ситуации выглядело совершенно естественным: жених и невеста были так молоды, что сами не знали, чего хотят.

Подобный исследовательский «взгляд изнутри» при описании феноменов традиционной еврейской жизни удачно заменяется «взглядом снаружи» тогда, когда речь заходит о критике традиции, с одной стороны, хасидизмом, с другой,— просветителями. Приход на смену традиционному обществу двух этих идеологий, отмеченных соответственно религиозной харизмой и гипертрофированным рационализмом, объясняется, по мысли автора, главным образом историческими обстоятельствами. Экономический спад в Европе первой половины XVIII в. повлек за собой рост количества людей, лишенных средств к существованию, а следовательно, невозможность для институтов общины выполнять свои денежные обязательства в полном объеме. Упадок самоуправления выразился в том, что ведущие должности в общине распределялись вне зависимости от желания народа, а вожди общины оставались на своих постах благодаря сосредоточенному в их руках богатству или поддержке нееврейских властей. Иешивы стало не на что содержать, и возникло беспрецедентное явление: учителя иешив начали взимать плату с учеников за право поступления (!), что вызывает приток в раввинат людей некомпетентных и неквалифицированных. Традиционное еврейское общество к концу XVIII в. достигает критической точки развития и распадается,— таков итог книги Я.Каца, к «недостаткам» которой можно отнести лишь то, что традиционные формы еврейской жизни описываются слишком отвлеченно, без экспликации конкретных случаев и примеров (на которых, без сомнения, базируется блестящий социологический анализ).

Фундаментальное исследование крупного израильского историка Эхуда Луза «Пересекающиеся параллели» (сокращенный перевод с иврита Е.Жидковой) охватывает период формирования сионистского движения в Восточной Европе (1882—1904). Автор подробнейшим образом излагает историю идейной и политической борьбы, результатом которой стало оформление религиозного и секулярного направлений в сионизме. Сегодняшний русскоязычный читатель, слабо представляющий себе накал страстей вокруг проблемы национального самоопределения, его связи с традицией, с одной стороны, и духов-

ными ценностями тогдашней эпохи — с другой, после знакомства с этой книгой расстанется с некоторыми ошибочными, но общераспространенными представлениями о сионизме. Во-первых, сионизм перестанет однозначно ассоциироваться с иудаизмом: ведь у истоков движения за возвращение в Эрец стояли наследники просветителей, преодолевавшие сопротивление раввината; во-вторых, еврейскую ассимиляцию перестанут безоговорочно относить к последствиям Гаскалы: далеко не все маскилим ратовали за полную интеграцию евреев в русском обществе.

Э.Луз выделяет пять идейных течений в восточноевропейском еврействе, влиявших на процесс зарождения и развития так называемого палестинофильства (*Хиббат-Цион*): 1) маскилим — сторонники полной ассимиляции евреев: переходили на нееврейские языки, отвергали религию (или считали себя, скажем, «русскими Моисеева закона»), полагали, что все еврейские проблемы должны разрешиться с либерализацией общественного строя стран проживания; 2) маскилим — сторонники сохранения еврейской национальной самобытности: выступали против ассимиляции и использовали в качестве литературного языка иврит; как правило, не соблюдали (или соблюдали частично) религиозные заповеди; несмотря на острый конфликт с традиционным еврейским обществом, осознавали кровную связь с ним и именно в силу этого стояли за проведение социальных и религиозных реформ; 3) раввины — сторонники экономических преобразований в еврейском обществе и умеренно просветительских идей: они ставили своей целью улучшение экономического положения еврейских масс, были особенно чувствительны к процессам распада еврейской общины и ослабления позиций религии и стремились к сглаживанию противоречий, в частности, к компромиссу с маскилим; составляли меньшинство в ортодоксальных кругах; 4) раввины — сторонники сохранения существующего положения: они полностью отвергали идеи Гаскалы и любые попытки реформ, видели в модернизации угрозу и противились проникновению в еврейскую среду новых веяний извне; 5) умеренные маскилим, соблюдавшие традицию, — сторонники компромисса между ортодоксальными и просветительскими кругами: они видели в идеях Гаскалы средство расширения рамок иудаизма и инструмент социальных преобразований. Из первой общественной группы вышли некоторые участники движения Билу и первый руководитель Хиббат-Цион Л.Пинскер, ко второй принадлежали такие выдающиеся деятели, как И.Гордон, М.Лиленблюм, П.Смоленскин, к третьей — раввины

Ш.Могилевер и М.Элиасберг, к четвертой — Хафец Хаим (раби Израэль из Радина), к пятой — И.Пинес и Д.Гордон.

Каждая из перечисленных общественных групп обладала особой точкой зрения на все животрепещущие вопросы, так или иначе связанные с движением за Возвращение: нужно или нет соблюдать заповеди Торы в новых поселениях на Святой земле (в частности, заповедь «о седьмом годе»: если один год из семи не возделывать землю, то с невероятным трудом налаживаемое хозяйство может рухнуть; если же не выполнять заповедь, то не осквернит ли это Эрец?), нужно или нет новым поселенцам пользоваться денежной помощью диаспоры, как трактовать Тору (культурное ли это наследие, заслуживающее изучения, или вечно актуальное живое слово Г-спода), какова должна быть система образования и т.д. и т.п. Если прибавить к этому напряженнейшие отношения между новым и старым ишувами (то есть между новопоселенцами и ранее проживавшими в Эрец евреями), а также то, что позиция отдельных индивидуумов по разным вопросам могла изменяться по причинам внутренней духовной эволюции, по политическим или каким-либо иным основаниям (например, вождь сионизма Т.Герцль вначале относился к раввинам-ортодоксам с подчеркнутым уважением, а затем солидаризовался с молодыми радикалами — Х.Вейцманом, М.Бубером, Л.Моцкинским и др., что привело к расколу сионизма на V конгрессе в 1903 году); и если учесть, что взаимная нетерпимость достигала такого уровня, что любое компромиссное предложение немедленно объявлялось двуличным и лицемерным, остается только удивляться двум вещам: как сионизму удалось выстоять в борьбе даже не с внешними силами, а в первую очередь с собственными противоречиями, и как автору монографии удалось разобраться в этой множественности идей и мнений и надлежащим образом систематизировать ее (в данной связи нельзя не посетовать на то, что в книге отсутствуют именной и предметный указатели).

Завершая обзор, воздадим должное издательству «Библиотека-Алия», из года в год радующему нас самыми разнообразными книгами по еврейской тематике. Выбор исторических штудий для перевода и публикации безошибочен, а количество изданий с течением времени все увеличивается. И это прекрасно. Многие евреи прочтут их с большой пользой для себя.

ХРОНИКА

«ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГА УКРАИНЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Под таким названием в Запорожье 19—20 ноября 1992 г. прошла международная научная конференция, организованная Институтом национальных отношений и политологии АН Украины (Киев) и Запорожским государственным университетом.

За последние годы значительно возрос научный и общественный интерес к украинско-еврейским связям, истории евреев на Украине. Возрождается украинская иудаика, имевшая в 1920-х—начале 1930-х гг. немалые достижения в изучении истории, языка и фольклора.

Обращение в наши дни к проблемам еврейско-украинских отношений, диалогу двух народов непосредственно связано с общей политической ситуацией на Украине, утверждением национальной независимости украинского государства.

Становится традиционным и проведение научных конференций в Запорожье, первая подобная конференция проходила в 1991 г. Запорожская конференция 1992 г. собрала исследователей с Украины, из России и Великобритании. Тематика докладов и сообщений* оказалась шире заявленной организаторами. Выступления и дискуссии затрагивали также и сюжеты, касавшиеся еврейской истории в Российской империи и Советском Союзе.

Помимо пленарных заседаний работа конференции осуществлялась в двух секциях, хронологической гранью их деятельности стали эпохи до и после 1917 г.

Выступление проф. *Джона Д. Клира* (Лондон) посвящено последним десятилетиям существования кагала — еврейской общины, то есть времени царствования Николая I (1825—1855). Исследователь показал, что социальная напряженность в кагале той поры в значительной степени усилена внешним давлением — правительственной политикой, и прежде всего введением рекрутского устава 1827 г. Сообщение *Ю. Панерного* (Чернигов) касалось демографических аспектов истории евреев Левобережной Украины конца XVIII—начала XIX в. По мнению автора, численность еврейского населения во всем

*В заметке представлены не только «живые» выступления на конференции, но и доклады и сообщения, присланные в оргкомитет.

Левобережье в названный период не превышала тысячи человек. Однако в связи с массовой миграцией с Правобережья еврейское население быстро росло. Демографические проблемы получили развитие в коллективном сообщении *В. Шкварца, И. Федькова и Л. Цимбала* (Николаев), посвященном численности евреев на Украине (конца XVIII—XX вв.). В конце XVIII в. евреи составляли не менее 3,5% всего народонаселения Украины. К концу XIX в.—8,9%. Однако в последующие десятилетия процент еврейского населения неизменно снижался: 6,5%—1926 г., 2%—1959 г., 0,9%—1989 г.

Немалый интерес вызвало сообщение *М. Тупайло* (Киев) об украинско-еврейском языковом взаимовлиянии. По мнению исследователя, в языке идиш так много украинизмов, что идиш без преувеличения можно определить как «германо-гебраиский диалект украинского языка». С другой стороны, и в украинский язык вошли многие идишистские слова, особенно в лексику, связанную с торговлей, ремеслами, то есть теми сферами деятельности, которыми издавна на Украине занималось еврейское население.

Интерес к многовековым еврейско-украинским контактам носит не только академический характер, но отражает и современные вопросы возрождения этносов в условиях формирования многонационального украинского государства. В этом контексте понятно внимание к еврейско-украинским взаимоотношениям в короткий период автономии и независимости Украины (1917—1918). Этим проблемам посвящены сообщения *Л. Лозинской* (Краснодар), проф. *В. Солдатенко* (Киев).

Неоднозначную реакцию участников вызвало сообщение д. и. н. *Ю. Шаповала* (Киев) «Убийство С. В. Петлюры в контексте еврейского вопроса на Украине». По мнению историка, убийство Петлюры С. Шварцбардом не являлось актом мести, а было чисто политическим, целью которого было лишить украинское национально-освободительное движение одного из самых значительных деятелей. Знакомство с недоступными прежде архивными документами ОГПУ СССР и ГПУ УССР убеждает Шаповала, что парижский процесс над убийцей Петлюры через адвоката Тохреса был превращен советскими спецслужбами в политический процесс над Петлюрой и «петлюровщиной».

Значительное внимание на конференции было уделено политической, экономической и культурной жизни украинского еврейства в 1920—1930-е гг. Вопросам слияния Бунда с КП(б)У, деятельности еврейских секций при КП(б)У посвятили свои сообщения д.и.н. *В. Гусев* и к.и.н. *В. Горшков* (Киев). Интересные факты о помощи еврейству Украины и России в начале 1920-х гг.

«Джойнта» привел в своем выступлении к.и.н. *Е. Хенкин* (Новосибирск). Для некоторых участников конференции несколько неожиданными оказались тема и материал сообщения *И. Щупака* (Запорожье) «Проблемы антисемитизма в системе народного образования Украины (конец 1920-х—1930-х гг.)».

Неизвестным страницам Катастрофы и героизма еврейства Украины посвятили свои выступления *Ю. Лазоренко* (Киев), к.и.н. *Ф. Левитас* (Киев), *Ю. Ратомский* (Днепропетровск), к.и.н. *Э. Елисаветский* (Киев).

Вопросы еврейского самосознания в период между 1953—1957 гг. рассматривались в выступлении к.и.н. *А. Локшина* (Москва).

Значительное внимание на конференции уделено еврейской историографии на Украине. В частности, сообщение *Н. Мартыняновой* (Харьков) и *Л. Савенок* (Херсон) касалось деятельности первого научно-исследовательского учреждения АН Украины по проблемам иудаики — Еврейской историко-археологической комиссии (1919—1929), руководителем которой был *И. Галант*.

Важнейшим условием развертывания исследований по иудаике является изучение архивных документов. Симптоматично внимание участников к сообщению *В. Хитерер* (Киев) «Обзор источников по еврейской истории ЦГИА Украины».

«Практический» аспект запорожской конференции отражен в ряде докладов и сообщений, призванных осмыслить положение еврейского меньшинства на территории суверенной Украины. В их числе доклад проф. *П. Рабиновича* (Львов) «Современные проблемы возрождения еврейского этноса в независимой Украине (теоретико-методологические аспекты)», выступление *В. С. Остапчука* (Запорожье) «Проблемы еврейского национального возрождения и вопросы взаимодействия местных органов власти и самоуправления Украины», сообщение *А. Наймана* (Киев) «Шовинизм на Украине: проявления и противодействие».

На заключительном пленарном заседании участники конференции выразили признательность организаторам конференции проф. Турченко Ф. Г. и доц. Орлянскому С. Ф. В принятой резолюции выражена обеспокоенность проявлениями антисемитизма в некоторых изданиях на Украине. Оргкомитет принял также решение о проведении в Киеве в октябре 1993 г. международной научной конференции, в связи с 80-летием «дела Бейлиса».

ABSTRACTS

V. Lebedeva-Kaplan

Jews of Petrograd in 1917

The social behaviour of Petrograd Jews is analysed as well as their participation in the events of 1917. Social and political organizations and parties are described and their role in the events of January — October 1917 is also evaluated.

D. Porat

The Holocaust in Lithuania — Some Specific Aspects.

The fate of Lithuania Jewery in 1941-1944 is described. The role and activities of German occupation authorities, German action units "Eizantzgruppen" and especially of the Lithuanian nationalistic armed groups in the destruction of Jews are described.

I. Ulanovsky

Subbotniki of the Elenovka Village.

The foundations and social customs of the Subbotniki community in the village of Elenovka; Novobayazetsky district of the Erivan province, now the city of Sevan, Arnenia are described. The article provides information on their religious beliefs, feasts and rites, on their way of life, morals and manners.

P. Gil

"Jewish Geography" and Its Reflection in Names of Ashkenazi Jews.

The article deals with Jewish anthroponymics relating to the territories of Central and Eastern Europe. The areas of dissemination of some Jewish names are traced beginning from their official registration in the Austrian and Russian Empires, in different states of Germany in the end of the 18th and up to the middle of the 19th centuries.

I. Zemtsovsky**In the World of Jewish Music**

The author reflects upon the origin and development of the Jewish musical folklore, the Jewish musical culture as a whole and considers their different stages and trends.

B. Granovsky**About Jewish Music in I.V. Lipaev's Musical-Literary Heritage.**

The article reveals one facet of the creative activity of I.V. Lipaev, a musician, a teacher, a musical historian and a public man. Special attention is given to the Lipaev's study of "the Jewish orchestra as a form of the national instrumental music" and to the problems of interrelations between Jewish and Russian musical cultures. Unknown and little-known materials from the Lipaev's heritage are presented in the article.

C O N T E N T S

RESEARCH

History

V. LEBEDEVA-KAPLAN. **Petrograd Jews in 1917.**

D. PORAT. **The Holocaust in Lithuania — Some Specific Aspects.**

Ethnography

I. ULANOVSKY. **Subbotniki of the Elenovka Village**

P. GIL. **Names of Ashkenazi Jews**

Culture

I. ZEMTSOVSKY. **In the World of Jewish Music**

B. GRANOVSKY. **About Jewish Music in I.V. Lipaev's Musical
Literary Heritage**

ESSAYS, HISTORICAL PORTRAITS

V. ROGOVIN, L.D. **Trotsky on Antisemitism**

V. KELNER. **Alexander Braudo and the Struggle Against
Antisemitism in Russia at the End of 19th — Beginning of
20th Centuries**

B. MELAMED. **The Other Naumov. A Story of One Novel and
One Life**

ARCHIVE

Publications

- G. KAZOVSKY. **A Jewish Artist in the Period between Two Centuries; M.N. Mymon's Article "Who is to Blame?"**

Reminiscences and Diaries

- S. BOUKCHIN. **An Attempt of a Return.**
G. LANDAU. **Memoirs** / ed. V. Kelner and E. Golerbach
I. RAHVREBE. **The Wedding of a Makarov Zaddik** / ed. A. Loshkin.

Letters

- A Wreath on an Artist's Grave** (a letter of Leonid Pasternak to Baron D.G. Gintzburg).

- A Letter of Ben-Ami to D. N. Ovsianiko-Kulicovsky** / ed. A. Rogachevsky.

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY. REVIEWS.

- Soviet and Foreign Literature on Jews. 1991.** A Bibliographic List.
A. LOKSHIN. **Rec.: Programs; Anti-Jewish Violence in Modern Russian History.** London, 1992.
A. ROGACHEVSKY. **New Books from "Library-Aliyah" on Jewish History.**

CHRONICLE

- A. LOKSHIN. **The History of the South-Ukrainian Jews.** A Scientific Conference in Zaporozhe (Nov. 19-20, 1992).

תוכן

מחקרים

היסטוריה

- ו. לבדבה-קפלן. יהודי פטרוגרד ב-1917
- ד. פורת. השואה בליטא - הבטים מיוחדים.

אתנוגרפיה

- י. אולינבסקי. הסובוטניקי של הכפר אלנובקה.
- פ. גיל. שמות של יהודים אשכנזים.

תרבות

- י. זמצובסקי. בעולם המוסיקה היהודית.
- ב. גרנובסקי. מוסיקה יהודית בירושה המוסיקאית ספרותית של
- י. וו. ליפאייב.

מסות, פורטרטים היסטוריים

- ו. רוגובין. ל.ד. טרוצקי על אנטישמיות.
- ו. קלנר. אלכסנדר בראודו, המאבק באנטישמיות ברוסיה בסוף המאה הי"ט - ראשית המאה ה-כ'.
- ב. מלמד. נאומוב השני - סיפורו של רומן אחד וחיים אחד.

ארכיון

פרסומים

ג. קוובסקי. אמן יהודי בתקופה בין שתי מאות. מאמרו של מ.ג. מימון
"מי אשם".

זכרונות ויומנים

ס. בוקצ'ין. נסיון של שיבה.
ג. לנדאו. זכרונות (בעריכת וו. קלנר וא. גולרבר).
י. רברבי. חתונה של צדיק ממקוב (בעריכת א. לוקשין).

מכתבים

כמעט דברי ימי משפחה (על מספר קבצים של מכתבים של שלום עליכם
שלא פורסמו - בעריכת ח. ביידר)
מכתב של בן עמי לד.ג. אובסיאניקו - קוליקובסקי (בעריכת א. רוגצ'בסקי).

ביקורת, ביבליוגרפיה, ביקורת ספרים

ספרות סובייטית ובחור'ל על יהודים. 1991. רשימה ביבליוגרפית.
א. לוקשין - ביקורת על הספר (באנגלית) פרוגרומים - אלימות אנטי-
יהודית בהיסטוריה רוסית מודרנית (לונדון 2991).
א. רוגצ'בסקי - ביקורת על ספרים חדשים של ספרות עליה על תולדות
היהודים.

דיווח

א. לוקשין. "תולדות היהודים בדרום אוקראינה" - כנס מדעי בופרוז'ה
(91-02 נוב', 2991).

סיכומים

וו. לבדבה-קפלן

יהודי פטרוגרד בשנת 1917

המחברת מנתחת את ההתנהגות החברתית של יהודי פטרוגרד וכן השתתפותם במאורעות 1917. היא מתארת קבוצות ומפלגות חברתיות ופוליטיות וגם נותנת הערכה על תפקידים במאורעות ינואר-אוקטובר 1917.

ד. פורת - השואה בליטא

הבטים מיוחדים

הנושא לדיון הוא גורל יהודי ליטא בשנים 1491-1491. מובא תיאור תפקידי ופעילות הכוחות הגרמנים השובשים שלה "אייזנצגרופן" ובמיוחד שלה הכוחות הליטאים המזוינים בהשמדת היהודים.

א. אולינובסקי

הסובוטניקי של הכפר אלנובקה

מתוארים הייסוד והמנהגים החברתיים של הקהילה של סובוטניקי בכפר אלינובקה (מחוזנובוזיקי בפרובינציה רבן-כעתסבן ארמניה). המאמר סוקר את האמונות הדתיות שלהם, חגיהם וטקסיהם, דרך חייהם, מוסרם ומנהגיהם.

פ. גיל

"גיאוגרפיה יהודית" וביטויה בשמות משפחה של אשכנזים

המאמר עוסק בשמות משפחה של יהודים המתיחסים למקומות במרכז ומזרח אירופה. אזור הפצה של שמות מאז הרישום הרשמי שלהם באימפריה האוסטרית ובאימפריה הרוסית, ובמדינות הגרמניות מסוף המאה ה-18 עד לאמצע המאה ה-19.

י. זמזובסקי

"בעולם המוסיקה היהודית"

המחבר מתייחס לשאלת המקור שלה הפולקלור המוסיקלי היהודי והתפתחותו, התרבות המוסיקלית היהודית בכללותה ועומד על השלבים השונים בהתפתחותן.

ב. גרנובסקי

על מוסיקה יהודית בירושה המוסיקלית-ספרותית של י.ב. ליפייב

המאמר מגלה פן של הפעילות היצירתית של י.ב. ליפייב - מוסיקאי, מורה, היסטוריון מוסיקלי ואיש ציבור. תשומת לב מיוחדת ניתנת למחקרו של ליפייב על "התזמורת היהודית כצורה של המוסיקה האינסטרומנטלית הלאומית" ולשאלת הקשרים ההדדיים בין התרבויות המוסיקליות - היהודית והרוסית. המחבר מציג חומר בלתי נודע או כמעט בלתי נודע מירשתו.

**Издательство
Еврейского университета в Москве
выпустило в свет:**

А.Аграновский. Становление еврейского книгопечатания в Литве.

М.Бела. Мир Жаботинского.

Раби Й.Телушкин. Еврейский мир.

Б.Шульц. Коричные лавки. Санатория под клепсидрой.

В ближайшее время выходят:

Библиотека Флавиана

И.Флавий. Иудейская война.

Т.Раджак. Иосиф Флавий — историк и его общество.

И.Береговский. Сборник к столетию.

С.Боровой. Воспоминания.

С.Боровой. Сборник работ.

Ю.Гессен. История евреев в России.

Вкус и аромат еврейской кухни.

Диспут Нахманида.

Княжеская казна. История дома Ротшильда.

С.Лазутка. Привилегия Витаутаса Великого евреям с 1388 года.

Менора. Еврейские мотивы в мировой поэзии.

Г.Фиш. Еврейская революция.

Адрес редакции: Москва, Моховая, 9

Сдано в набор 15.02.1993 г. Подписано к печати 30.03.1993 г. Формат 60х90^{1/16}. Бумага офс. № 1. Печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 16,8.

Тираж 5000 экз. Заказ 972.

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ,
109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Статья представляется в редакцию в двух Машинописных экземплярах (1 и 2 экз.) либо в виде четких компьютерных распечаток (формат страницы и количество знаков на ней должны соответствовать машинописной странице). На странице должно размещаться 28-30 строк, напечатанных через 2 интервала, количество знаков в строке - 59-60. Объем статьи 1,5-2 а.л.

Список использованной и цитируемой литературы и архивных источников с комментариями должен быть помещен в конце статьи и пронумерован. Номера ссылок приводятся в тексте над строкой. Библиографическое описание источников дается под действующему стандарту, так, как это принято в современной научной литературе.

К статье прилагается краткое резюме объемом не более 0,5 стр.

Дорогой читатель!

Выпуск второго номера «Вестника Еврейского университета в Москве» знаменует собой продолжение издательской деятельности Еврейского университета.

Журнал призван стать в известной мере центром исследований по проблемам еврейской культуры, трибуной свободного обмена мнений историков, социологов, философов, филологов, представителей других научных направлений.

Помимо статей в «Вестнике» публикуются архивные материалы, воспоминания и дневники, письма. На страницах «Вестника» будут также помещаться статьи и публикации иностранных авторов. Надеемся, что читателя и подписчика журнала привлекут разделы «Критика. Библиография. Рецензии», «Хроника».

Мы приглашаем всех желающих помочь нам и поддержать нас. Присылайте Ваши материалы, заказывайте номера журнала.

Наш адрес: **103009, Москва,
ул. Моховая, 9, комн. № 329,
Еврейский университет в Москве.
Тел. 203-34-41.**

